

ВЕСТНИК

**ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**2023
Т. 23, № 2**

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Решением ВАК России включен в Перечень рецензируемых научных изданий

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

Основной целью журнала является продвижение новейших исследований в области социально-гуманитарных наук: исторических, социологических, филологических (литературоведения и журналистики), искусствоведения. Приоритетное право на публикацию имеют результаты качественных исследований по социологии, истории, историографии, источниковедению, искусствоведению, методологически актуальные исследования в области литературоведения и журналистики, результаты исследований общих методологических вопросов социально-гуманитарных наук.

Редакционная коллегия

д. филол. н., доц. **Шестеркина Л. П.**
(гл. редактор),
д. филол. н., проф. **Семьян Т. Ф.**
(зам. гл. редактора)
д. ист. н., проф. **Сибиряков И. В.**
(зам. гл. редактора),
к. социол. н., доц. **Салганова Е. И.**
(отв. секретарь),
к. филол. н., доц. **Афанасьев А. С.**
д. филол. н., проф. **Варганова Е. Л.**
д. ист. н., проф. **Епимахов А. В.**
д. филол. н., доц. **Лободенко Л. К.**
д. ист. н., доц. **Никонова О. Ю.**
д. ист. н., д. искусств., проф. **Парфентьев Н. П.**
д. искусств., проф. **Парфентьева Н. В.**
к. филол. н. **Смышляев Е. А.**
д. ист. н., проф. **Таиров А. Д.**
Ph. D., проф. **Шенк Б.**

Редакционный совет

академик РАН, д. ист. н., проф. **Алексеев В. В.**
д. ист. н., проф. **Ахметова Л. С.**
Ph. D., проф. **Баберовски Й.**
Ph. D., проф. **Байрау Д.**
Dr. habil **Буренина-Петрова О. Д.**
к. филол. н., доц. **Градюшко А. А.**
д. филос. н., проф. **Грунт Е. В.**
Ph. D., проф. **Ичин К.**
Ph. D., проф. **Кайзер Э.**
д. искусств. **Москалюк М. В.**
д. ист. н. **Нарский И. В.**
д. ист. н. **Самашев З. С.**
д. социол. н. **Тараданов А. А.**
ассоц. проф. **Хацеган В.-П.**
Ph. D., проф. **Хелльбек Й.**

BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY

2023

Vol. 23, no. 2

SERIES

“SOCIAL SCIENCES
AND THE HUMANITIES”

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta.
Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye Nauki”

South Ural State University

The main purpose of the journal is to promote the latest research in the field of social and humanities sciences: historical, sociological, philological (literature and journalism), art history. Priority is given to publishing the results of qualitative research in sociology, history, historiography, source studies, art criticism, methodologically relevant research in the field of literary studies and journalism, the results of research on general methodological issues of social and humanities sciences.

Editorial Board

Shesterkina Lyudmila Petrovna, editor-in-chief, D. Sc. (Philology), associate professor
Semyan Tatiana Fedorovna, Deputy Chief Editor, D. Sc. (Philology), professor
Sibiriyakov Igor Vyacheslavovich, Deputy Chief Editor, D. Sc. (History), professor
Salganova Elena Ivanovna, executive secretary, Cand. Sc. (Sociology), associate professor
Afanasiev Anton Sergeevich, Cand. Sc. (Philology), associate professor
Lobodenko Lidia Kamilovna, D. Sc. (Philology), associate professor
Nikonova Olga Yurievna, D. Sc. (History), associate professor
Parfentyeva Natalia Vladimirovna, D. Sc. (Art History), professor
Parfentyev Nikolay Pavlovich, D. Sc. (History), D. Sc. (Art History), professor
Smyshlyaev Evgeny Alexandrovich, Cand. Sc. (Philology)
Schenk Benjamin, Ph. D., professor
Tairov Alexander Dmitrievich, D. Sc. (History), professor
Vartanova Elena Leonidovna, D. Sc. (Philology), professor
Yepimakhov Andrey Vladimirovich, D. Sc. (History), professor

Editorial Council

Alekseev Veniamin Vasilyevich, academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History), professor (Russian Federation)
Akhmetova Laila Seisembekovna, D. Sc. (History), professor (Kazakhstan)
Baberowski Joerg, Ph. D., professor (Germany)
Beyrat Dietrich, PhD, professor, Tübingen University (Tübingen, Germany)
Burenina-Petrova Olga Dmitrievna, Dr. habil (Switzerland)
Gradyushko Alexander Aleksandrovich, Cand. Sc. (Philology), associate professor (Belarus)
Grunt Elena Viktorovna, D. Sc. (Philosophy), professor (Russian Federation)
Hatsegan Vasil-Petru, ass. Professor (Romania)
Ichin Cornelia, Ph. D., professor (Serbia)
Jochen Hellbek, PhD, professor (USA)
Kaiser Elke, Ph. D., professor (Germany)
Moskalyuk Marina Valentinovna, D. Sc. (Art History), professor (Russian Federation)
Narsky Igor Vladimirovich, D. Sc. (History) (Russian Federation)
Samashev Zainolla Samashevich, D. Sc. (History) (Kazakhstan)
Taradanov Alexander Ardalionovich, D. Sc. (Sociology), professor (Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	5
Исторические науки	
ВОЛКОВ Е. В. Вспоминая «Великую войну»: сравнительный анализ двух эго-документов.....	6
КАЛМЫКОВ В. В., КОВИН В. Н. Амнистия 1953 года в Челябинской области: осуществление и борьба с последствиями.....	15
КОЖУШКО Ю. Н. Условия труда производственного персонала трамваев в городах Челябинской области в 1930-е гг.....	23
КОРОБКОВ Ю. Д., КОРОЛЕВ Н. С. Проблемы школьного образования на Урале в 1909–1913 гг. в освещении либеральной печати.....	31
ЛЫМАРЕВ А. Н., ПАЛЕЦКИХ Н. П. Плановое сельскохозяйственное переселение в Челябинскую область накануне и в годы Великой Отечественной войны.....	38
НАЗАРЕНКО Н. Н., КОРШУНОВА Н. В., БАШКИН А. В. Демографические процессы в Центральном Черноземье России в период голода 1932–1933 гг.: историография вопроса.....	47
ОГОНОВСКАЯ И. С. Влияние марксистско-ленинской идеологии сталинской лингвокультуры на школьные учебники истории СССР 1930–1950-х годов.....	57
ОСТРОВСКАЯ И. В. Под микроскопом пролетарской науки: из истории борьбы с эпидемиями в 20-е гг. XX в.	66
ФЕДОРОВ А. Н. Причины отставки директора Челябинского Кировского завода И. М. Зальцмана в 1949 г.	72
Искусствоведение	
ЦАРИННЫЙ И. В. Неизвестный Головницкий. Творческий поиск в станковых произведениях скульптора.....	82
ШЕРСТОБИТОВА Е. С. Развитие старопечатного стиля украшения рукописной книги XVI–XVII вв. Творчество художников-знаменщиков братьев Басовых.....	89
Литературоведение. Журналистика	
ДВОЙНИШНИКОВА М. П., ПЕЛИХОВ Д. А. Визуальная поэтика стихотворных текстов XVIII века.....	98
ДМИТРЕНКО Е. Л., ГАБДРАХМАНОВА А. И. Использование технологических возможностей виртуальной реальности в освещении спортивных олимпийских мероприятий.....	106
ПЕРЕВОЗОВА О. В., СЕРЧУК М. С., ШЕСТЕРКИНА Л. П. Университетские медиа как коммуникационный инструмент в период пандемии «COVID-19».....	113

CONTENTS

From the Editorial Board	5
Historical studies	
VOLKOV E. V. Remembering «The Great War»: comparative analysis of two ego-documents.....	6
KALMYKOV V. V., KOVIN V. N. The 1953 amnesty in Chelyabinsk Region: implementation and fight with consequences.....	15
KOZHUSHKO J. N. Working conditions of production personnel of the trams in the cities of the Chelyabinsk Region in the 1930s.....	23
KOROBKOV Y. D., KOROLEV N. S. Problems of school education in the Urals in 1909–1913 in the coverage of the liberal press.....	31
LYMAREV A. N., PALETSKIKH N. P. Planned agricultural resettlement in the Chelyabinsk region before and during the Great Patriotic War.....	38
NAZARENKO N. N., KORSHUNOVA N. V., BASHKIN A. V. Demographic processes in the Central Chernozem Region of Russia during the famine of 1932–1933: historiography analysis.....	47
OGONOVSKAYA I. S. Impact of Marxist-Leninist ideology and Stalin’s linguoculture on school textbooks of the 1930s – 1950s USSR history.....	57
OSTROVSKAYA I. V. Under the microscope of proletarian science: from the history of the fight against epidemics in the 1920s	66
FEDOROV A. N. Reasons for resignation of the Chelyabinsk Kirov plant director I. M. Zaltsman in 1949.....	72
Art Criticism	
TSARINNIY I. V. Creative pursuits in the sculptures of Lev Golovnitskiy.....	82
SHERSTOBITOVA E. S. Development of the early printed decoration of manuscripts of the 16th – 17th centuries. The works of the brothers Basov.....	89
Literary criticism. Journalism	
DVOINISHNIKOVA M. P., PELIKHOV D. A. Visual poetics of the XVIII century poems.....	98
DMITRENKO E. L., GABDRAKHMANOVA A. I. Use of technological possibilities of virtual reality in coverage of sports Olympic events.....	106
PEREVOZOVA O. V., SERCHUK M. S., SHESTERKINA L. P. University media as a communication tool during the COVID-19 pandemic	113

От редакционной коллегии

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета» в серии «Социально-гуманитарные науки». Цель данной серии «Вестника Южно-Уральского государственного университета» – представить научно-му сообществу новейшие исследования в сфере социально-гуманитарного знания.

Материалы исторического раздела посвящены разным аспектам современной исторической науки. В статье Е. В. Волкова на основе одного из теоретических подходов к изучению коллективной памяти, а также дискурс-анализа и историко-сравнительного метода анализируются воспоминания двух русских генералов, участников Первой мировой войны и Гражданской войны в России, оказавшихся в качестве эмигрантов в США. Статья В. В. Калмыкова, В. Н. Ковина посвящена истории борьбы за власть нескольких политических группировок после смерти И. В. Сталина. Ю. Н. Кожушко в своей статье выявила основные факторы, оказывавшие влияние на работников трамвая в процессе каждодневного труда в Челябинске, Златоусте, Магнитогорске в 1930-е годы. Ю. Д. Коробков и Н. С. Королев в своей статье рассматривают различные аспекты политики самодержавия в области образования в регионе в годы промышленного подъема 1909–1913 гг. Статья А. Н. Лымарева и Н. П. Палецких посвящена исследованию планового сельскохозяйственного переселения в 1939–1945 гг. Статья Н. Н. Назаренко, Н. В. Коришуновой, А. В. Башкина посвящена историографическому анализу особенностей демографических процессов в Центрально-Черноземной области Советского Союза в период голода 1932–1933 гг. И. С. Огоновская в своей статье исследует процесс становления и развития исторического образования в СССР под влиянием государственной политики 1930–1950-х гг., выраженной в постановлениях ЦК ВКП(б) и СНК СССР. В статье И. В. Островской прослеживается история создания и становления санитарно-бактериологической службы в Севастополе начиная с 1880-х гг. и до 1931 года. А. Н. Федоров в своей статье изучает причины отставки директора Челябинского Кировского завода И. М. Зальцмана в 1949 году.

В разделе «Искусствоведение» И. В. Царинный исследует формально-стилистические особенности станковых произведений народного художника РФ, академика Льва Николаевича Головницкого. В статье Е. С. Шерстобитовой обобщён опыт исследования, посвященного орнаментальному творчеству выдающихся древнерусских мастеров рукописной книги XVI–XVII вв. художников-знаменитиков братьев Стефана, Федора и Гаврилы Басовых.

В разделе «Литературоведение. Журналистика» М. П. Двойнишникова и Д. А. Пелихов исследуют визуально-графическое оформление стихотворных текстов поэтов XVIII века (Г. Р. Державина, А. Д. Кантемира, М. В. Ломоносова, А. А. Ржевского, А. П. Сумарокова, В. К. Тредиаковского и др.). Е. Л. Дмитриенко и А. И. Габдрахманова в своей статье рассматривают особенности применения VR-технологий в освещении спортивных мероприятий на зимней Олимпиаде-2022. Статья О. В. Перезовой, М. С. Серчук, Л. П. Шестеркиной посвящена исследованию особенностей реализации корпоративных коммуникаций телерадиокомпании «ЮУрГУ-ТВ» в период локдауна, связанного с ограничениями из-за пандемии, вызванной COVID-19.

ВСПОМИНАЯ «ВЕЛИКУЮ ВОЙНУ»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ

Е. В. Волков

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

На основе одного из теоретических подходов к изучению коллективной памяти, а также дискурс-анализа и историко-сравнительного метода анализируются воспоминания двух русских генералов, участников Первой мировой войны и Гражданской войны в России, оказавшихся в качестве эмигрантов в США. Мемуарные тексты генерал-лейтенанта барона Алексея Павловича Будберга (1869–1945) о Первой мировой войне частично публиковались в 1930-е – начале 1940-х гг. в журнале «Вестник Общества русских ветеранов Великой войны» (Сан-Франциско). Воспоминания генерал-лейтенанта Викторина Михайловича Молчанова (1886–1975) появились значительно позднее и были записаны на магнитофонную ленту в 1970 г. американским историком Б. Раймондом в виде устных рассказов. Будберг, будучи генералом, нес службу в штабах, командовал дивизиями, затем корпусом. Во многом его воспоминания – это взгляд «сверху», из штаба, и при этом с дидактическими наставлениями. Другой автор воспоминаний, Молчанов, вступил в войну в чине капитана, занимал должности на уровне среднего командного состава и прошел боевой путь, дослужившись к концу военной кампании до подполковника. Его взгляд на войну – это взгляд с передовой, из окопа, с описанием повседневных армейских будней. По сути, эти воспоминания представляют собой дискурсы о событиях Первой мировой войны на «Восточном» (русском) фронте, которые конструируют идентичность авторов, воспроизводят определенные знания и утверждают их взгляды на события войны.

Ключевые слова: мемуары, устные воспоминания, эго-документы, А. П. Будберг, В. М. Молчанов, Первая мировая война, российская эмиграция, коммуникативная память, дискурс.

Введение

В данном исследовании анализируются воспоминания двух российских генералов, участников Первой мировой войны, Алексея Павловича Будберга (1869–1945) и Викторина Михайловича Молчанова (1886–1975). Авторы воспоминаний в условиях революционных событий в России и разразившейся Гражданской войны приняли сторону Белого движения, а после победы большевиков оказались в качестве эмигрантов сначала в Китае, а затем в США (в штате Калифорния). Здесь до 1932 г., до конфликта между ними, они вместе состояли в Обществе русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско, одной из самых крупных ветеранских эмигрантских организаций на Западном побережье США. Впоследствии Молчанов и некоторые его соратники вышли из Общества, а Будберг до конца своих дней оставался бессменным его председателем. Видимо, главными причинами разрыва стали слишком авторитарный стиль руководства генерала Будберга и его дискурс о событиях Гражданской войны, с которым Молчанов не был согласен [1, с. 62, 344; 2, с. 396–417].

Обзор литературы

К настоящему времени историография о генералах А. П. Будберге и В. М. Молчанове не столь обширна. В основном это работы российских историков постсоветского периода, в которых пред-

ставлены разные аспекты деятельности героев данной статьи [1–4]. Нельзя отрицать, что, возможно, в будущем появятся и монографические исследования биографического характера об этих военных деятелях, ставших эмигрантами и завершивших свой жизненный путь в США.

Методы исследования

Воспоминания о прошлом – это живая история людей, которые конструируют в них свою идентичность и представления о мире. Для изучения воспоминаний как акта обращения к прошлому, на наш взгляд, может быть применима концепция немецких исследователей Я. Ассмана и А. Ассман о коллективной памяти. Согласно их выводам, коллективная память включает культурную память как память всего общества и коммуникативную память как воспоминания отдельных индивидуумов, бывших участниками или современниками событий прошлого [5, 6]. Таким образом, воспоминания о прошлом, видимо, следует отнести к коммуникативной памяти. С данной теорией вполне согласуются социально-конструктивистские подходы дискурс-анализа (концепции западных теоретиков Э. Лакло и Ш. Муффа, Н. Фэркло и Л. Чоулиараки), которые трактуют культурные тексты (вербальные и визуальные), созданные людьми, в качестве дискурсов. Данные дискурсы конструируют идентичность индивидуумов, воспроизводят определенные знания и утверждают социальные отношения [7, с. 53–107, 108–162].

Результаты и дискуссия

Обратимся к мемуарам А. П. Будберга. С точки зрения современной классификации воспоминаний как источников личного происхождения или эго-документов повествование Будберга можно отнести к «мемуарам-современным историям» [8, с. 257–259], поскольку эти воспоминания нацелены не на реконструкцию и осмысление жизни автора, а на переломные и «великие» события, участником которых он являлся. После службы на Дальнем Востоке Будбергу довелось участвовать в Первой мировой войне сначала в качестве генерала-квартирмейстера штаба 10-й армии (август – декабрь 1914 г.), затем начальника штаба 1-й и 10-й армий (декабрь 1914 г. – февраль 1915 г.). После отпуска по болезни он оказался непосредственно на фронте и с августа 1915 г. вступил в должность начальника 40-й пехотной дивизии в составе IV армейского корпуса 1-й армии. Через два с половиной месяца, в октябре 1915 г., Будберг стал начальником 70-й дивизии (в составе XIV армейского корпуса 5-й армии). Затем, в апреле 1917 г., он возглавил XIV армейский корпус и позже с этой должности ушел в отставку. Таким образом, в период Первой мировой войны ему пришлось командовать различными штабными структурами и войсковыми соединениями в составе Западного, Северо-Западного и Северного фронтов. В январе 1918 г., уже после прихода к власти большевиков, он с семьей выехал из Петрограда на Дальний Восток, некоторое время даже жил в Японии, а затем примкнул к антибольшевистскому движению. С мая по октябрь 1919 г. фактически исполнял обязанности военного министра в правительстве А. В. Колчака. В 1920 г. эмигрировал сначала в Японию, затем в Китай, а в апреле 1921 г. переехал в США.

Свои мемуары Будберг начал создавать в начале 1930-х годов. Накануне двадцатилетней годовщины Первой мировой войны в журнале «Вестник Общества русских ветеранов Великой войны» появились их отдельные части под заголовком «Из воспоминаний о войне 1914–1917 гг.». Продолжавшиеся публикации мемуаров выходили вплоть до 1941 г., но полностью так и не были изданы [9].

Всю рукопись своих воспоминаний (свыше 1100 страниц) Будберг передал в Архив Гуверовского Института войны революции и мира (Стэнфордский университет, Калифорния, США). В 2014 г. благодаря усилиям научных сотрудников Дома Русского зарубежья имени А. Солженицына свет увидела значительная часть мемуаров Будберга о Первой мировой войне, снабженная фотографиями из личного архива генерала, которые хранились у его потомков, живущих в США [10].

Литературный стиль мемуаров Будберга говорит о его таланте военного писателя. Текст со-

стоит из сложных предложений, запоминающихся эпитетов и метафор, иногда встречаются латинские поговорки, немецкие и французские фразы. Язык Будберга – это язык образованного человека с правильным построением фраз и использованием различных специальных военных терминов. В его повествовании угадывается знание военного дела и мастерство владения пером.

Подробное описание событий своего пребывания на фронте, буквально по неделям и месяцам, говорит о том, что генерал был человеком педантичным и, вероятно, вел дневниковые записи, ставшие затем основой для мемуаров. Об этом, кстати, упоминал, находясь в эмиграции в Югославии, сослуживец Будберга генерал В. Е. Флуг в письме, датированном 17 января 1933 г. и адресованном генералу В. В. Чернавину [3, с. 64]. Создавая свой текст на основе дневниковых записей, Будберг также использовал мемуарные публикации других авторов. Так, например, он привлек воспоминания известного немецкого военачальника Э. Людендорфа [11] и записки последнего государственного секретаря Российской империи С. Е. Крыжановского [12].

Вообще, если посмотреть на стиль жизни и службы Будберга, то можно сделать вывод, что этот человек редко расставался с пером и бумагой. Его часто, даже в свободное от службы время, можно было увидеть за письменным столом. Как известно, помимо этих воспоминаний, в 1923–1924 гг. он опубликовал в эмигрантском многотомном издании «Архив русской революции», выходившем в Берлине, свой дневник времен Гражданской войны, который в 1929 г. с купюрами вышел и в СССР. Такая публикация сделала Будберга известным «белогвардейским» мемуаристом [13, 14]. Дневник Будберга, охватывающий время революции и Гражданской войны, был издан в Берлине не полностью. Современный российский исследователь А. В. Ганин в архиве Гуверовского института выявил рукопись завершающей части дневника, которая охватывает период с ноября 1919 г. по февраль 1920 г. и события в Чите, Харбине и Владивостоке [3]. Кроме того, в 1930-е гг. в журнале «Вестник Общества русских ветеранов Великой войны» Будберг опубликовал свои воспоминания о службе на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX столетий [15].

Конечно, как и любой мемуарист, Будберг в воспоминаниях о Первой мировой войне конструировал нарратив, в котором представлял себя зачастую в лучшем свете, как умного, смелого и ответственного человека. Он отмечал, что когда находился на посту начальника дивизии, то часто бывал непосредственно на передовых позициях, среди солдат, знал многих своих офицеров в лицо, был контужен и даже как-то раз чуть не попал в плен. По его утверждению, среди подчиненных он получил уважительное прозвище «окопный

генерал». Иногда, видимо, ради объективности он упоминает о некоторых своих недочетах по службе, но не очень подробно и вскользь. В основном его воспоминания носят дидактический и аналитический характер. С одной стороны, он часто поучает и говорит о недостатках в русской армии, которых можно было избежать, если бы командование прислушивалось к мнению образованных и талантливых офицеров (таких как он). Он даже сформулировал несколько положений, составивших так называемый кодекс идеального военачальника. С другой стороны, Будберг пытается вскрыть причины различных негативных явлений в русской армии. И здесь он проявляет себя неплохим аналитиком, недаром в молодости Будберг увлекался математикой и шахматами [10, с. 98, 108, 137–138, 211].

Судя по его поведению, поведению человека, который очень часто писал наверх различные рапорты и проекты по повышению боеспособности армии или устранению в ней отрицательных и вопиющих явлений, он верил в силу слова, которое при поддержке «сверху» может стать реальностью. В мемуарах Будберг выглядит очень активным и деятельным генералом на различных постах, как штабных, так и армейских.

При этом, как человек военный, он ни разу не усомнился в том, что война являлась насущной необходимостью для России. В его мемуарах нет ни слова критики по поводу внешней и внутренней политики Николая II и его министров. Вообще о политических предпочтениях Будберга заходит речь лишь тогда, когда он пишет о февральских событиях 1917 г. в Петрограде, деятельности Временного правительства и затем – партии большевиков. Здесь он выплескивает на страницы своих воспоминаний исключительно негативный эмоциональный заряд.

Главная тема, проходящая красной линией через все воспоминания Будберга, связана с вопросом, почему русская армия оказалась не на высоте и в ходе войны терпела одно поражение за другим. Среди главных причин низкой боеспособности войск барон выделяет следующие. Устаревшие взгляды на современную войну многих представителей высшего командования, их лень и удовлетворенность «очковтирательством», неэффективная деятельность в штабах так называемых «стратегических мальчиков». Например, действия военного министра В. А. Сухомлинова он называет «опереточным руководством». В итоге многие операции разрабатывались бездумно, без учета фронтовых условий, исходя из личных амбиций генералов. В результате войска несли большие и бессмысленные потери. При этом любая инициатива со стороны некоторых младших по чину офицеров пресекалась на корню [10, с. 41–43, 45, 48, 67, 85, 147].

Вообще Будберг определил два типажа генералов и офицеров русской армии. Во-первых, это люди, безусловно, а порой даже геройски выполнявшие свой служебный долг. Они личным примером поддерживали боевой дух и дисциплину в войсках (например, генералы В. Е. Флуг, И. П. Жилинский, П. А. Плеве, Е. К. Миллер, Е. А. Радкевич, полковники А. Г. Габаев и Г. М. Тихменев, капитаны Михайлов и Виноградов). Во-вторых, это военные руководители, формально исполнявшие свои обязанности по причине трусости и лени (например, полковник П. Н. Караулов), или явные карьеристы – «моменты» (такие как генерал М. Д. Бонч-Бруевич) [10, с. 52, 55, 58–59, 67–68, 85]. Деятельность известного генерала М. В. Алексева, начальника штаба Верховного Главнокомандующего, Будберг оценивал невысоко, считая его человеком нерешительным, исполнителем чужой воли, сторонником компромиссов. Генерала А. А. Брусилова он назвал «республиканцем», сорвавшим в 1917 г. с себя погоны и нацепившим на грудь красный бант. Будберг назвал его «ловкачом» и хорошим оратором, приветствовавшим революцию [10, с. 57, 78, 81, 148, 205].

Не все солдаты, по мнению Будберга, были способны умело воевать. Например, всех нижних чинов по физическому состоянию и пригодности к настоящей службе барон делил на хорошо подготовленных, крепких сибиряков и «заморышей» с плохим здоровьем из центральных губерний страны [10, с. 125–126].

Еще одним негативным фактором, согласно вполне обоснованному заявлению Будберга, являлась неэффективная деятельность военной бюрократической машины, плохо справлявшейся со снабжением частей всем необходимым. Например, у фронтовых командиров были на руках устаревшие и неточные «карты-верстовки» местности пятидесятилетней давности. На страницах мемуаров порой предстают зарисовки с полуголодными русскими солдатами, давно не получавшими нормального питания, в оборванном обмундировании с рваными обмотками на ногах. «Начальство думало о лошадях больше, чем о людях и их сбережении», – справедливо заявляет Будберг. В то же время «сверху» много поступало различного рода приказов, инструкций, наставлений. От командиров разных уровней требовали постоянных письменных отчетов. Штабистов Барон презрительно называет «рыцарями стула, чернил и пера». Заслуженные представления к наградам на отличившихся офицеров и солдат зачастую не утверждались. В то же время было много необоснованных награждений штабных чинов, в том числе и родственников высокопоставленных военных [10, с. 43, 47, 51, 55, 64, 69–70, 76, 82–83, 87, 90–91, 97, 135, 164, 167–169].

Еще одним отрицательным фактором, сильно повлиявшим на боеспособность войск, по словам Будберга, был низкий профессионализм офицеров военного времени, которые после нескольких месяцев подготовительных курсов получали погоны прапорщиков. Он даже написал два рапорта в Главное управление Генерального штаба. Один рапорт содержал идею о создании нескольких десятков унтер-офицерских учебных батальонов. Будберг предлагал осуществлять на этих курсах подготовку прапорщиков из отличившихся по службе унтер-офицеров. Другой рапорт предусматривал изменить программы ускоренных офицерских курсов: удлинить срок обучения и назначить в качестве руководителей выдающихся военачальников, выпускать юнкеров подпрапорщиками и давать офицерские погоны после приобретенного боевого опыта. Однако данные проекты остались без ответа [10, с. 128–129, 131–132].

Боевой дух многих новоиспеченных офицеров, не соответствовавших необходимым качествам, по утверждению Будберга, был подорван еще в условиях «развращающих течений предвоенного периода русской жизни». К таким явлениям он относит «горьковщину», «арцыбашевщину» и «похабный кинематограф» [10, с. 133]. Здесь вполне ясно проявилось отношение барона к творчеству некоторых русских писателей и кино.

Барон откровенно пишет о случаях мародерства со стороны «солдатни», которая грабила и притесняла гражданское население. Иногда в отношении таких людей применялись расстрелы. Будберг сообщает и о значительном количестве дезертиров в русской армии уже в 1915 г., на второй год войны. В то же время Будберг отмечает, что большая заслуга в поддержании боевого духа и дисциплины в войсках принадлежит ротным командирам и старым унтер-офицерам, фельдфебелям. Именно благодаря им солдаты эффективно действовали в самых экстремальных ситуациях [10, с. 45, 46, 53, 62, 66, 75, 92].

О союзниках по Антанте он отзывается неоднозначно. С одной стороны, они воевали умно и берегли свою живую силу. С другой стороны, союзники широко использовали русскую военную помощь, но сами не очень помогали. На фронте ходило такое шуточное изречение: «Союзники решили вести войну до последнего русского солдата». Однако летом 1917 г., в условиях революционных перемен и политики демократизации в армии, Будберг даже подумывал перейти на службу в войска союзников и предпринял некоторые шаги в данном направлении, но из этой затеи ничего не вышло [10, с. 139, 160, 226, 232].

Образ врага на страницах воспоминаний Будберга представлен неконкретно и обобщенно. Автор часто использует просто слово «немцы». В одном месте он, видимо, оговорившись, даже написал «наши немцы», что, видимо, свидетельст-

вует об очень уважительном отношении к противнику. При этом не стоит забывать, что сам Будберг имел немецкие корни, и в условиях начавшейся войны, когда некоторые офицеры с немецкими фамилиями, следуя конъюнктуре момента, изменили их на «более русские», Алексей Павлович этого делать не стал.

Будберг отмечал, что германское командование, в отличие от русских генералов, берегло личный состав своих войск. Без предварительной усиленной огневой подготовки немцы никогда не наступали, а ночью вообще не воевали, давая солдатам отдохнуть. Немцев, сидевших в обороне, практически невозможно было застать врасплох, так как их «сторожевая служба неслась очень добросовестно и пунктуально». Они были хорошо оснащены связью, сигнализацией и приборами ночного освещения. Русская авиация по количеству, качеству и вооружению самолетов значительно уступала противнику. Немцы, по словам мемуариста, называли русских летчиков членами «клуба самоубийц». Каждая встреча в воздухе с германскими самолетами (аэропланы «Таубе» и «Фоккер») приводила, как правило, к большим потерям среди русских пилотов [10, с. 48, 61, 97, 153, 169, 170–171].

Тыл немецких войск отличался организованностью и порядком. Почти к самой передовой подводились узкоколейки для регулярного снабжения войск. Многие местные жители и военнопленные трудились на работах по укреплению германских позиций. В то же время, как отмечает Будберг, немецкие солдаты никогда не притесняли гражданское население, «вели себя сдержанно и прилично». Однако реквизиции с их стороны все же производились. Они действовали в этом плане организованно и забирали все необходимое «под постоянной угрозой стального кулака». При этом выдавались квитанции, где указывалось, что оплата населению будет произведена после войны за счет российского правительства [10, с. 144, 76].

Один из экзистенциальных выводов, которой сформулировал Будберг, вспоминая о Первой мировой войне, связан с тем, что с молодости, как человек, выбравший путь офицера, он «привык идеализировать войну и думать, что она должна была возвышать дух». Однако военная реальность оказалось совсем другой, более мрачной, и от его идеалов «остались одни жалкие клочья» [10, с. 96].

Политику демократизации в армии в 1917 г. при Временном правительстве Будберг считал губительной. Такое положение вещей, по его мнению, привело к развалу российских Вооруженных сил. А. Ф. Керенского он называет «честолюбцем», мечтавшим «о славе выше Наполеона», «жрецом красивых и пустых фраз», «опаснейшим Дон Кихотом» и «случайным выкидышем революционной фортуны» [10, с. 207–208, 218, 224]. По своим политическим взглядам барон, судя

по его воспоминаниям, оставался монархистом, хотя и был разочарован действиями Романовых в условиях революционного кризиса.

Обратимся к устным автобиографическим рассказам В. М. Молчанова. В отличие от Будберга, Молчанов не писал мемуаров. Однако на склоне лет, когда ему было уже 84 года, он оставил устные воспоминания, зафиксированные на магнитофонной ленте историком и социологом Б. Раймондом во время их нескольких встреч и бесед в январе 1970 г. в доме генерала в Сан-Франциско. Это интервью проводилось в рамках проекта по сбору воспоминаний о революции 1917 г. и русской эмиграции, организованного Центром славянских и восточно-европейских исследований Калифорнийского университета в Беркли. Позднее интервью Молчанова транскрибировали и перевели на английский язык [16]. При этом не все из рассказанного генералом вошло в этот текст. Данные материалы (машинописный текст и магнитофонные записи) хранятся в архиве университета. В 1974 г. Молчанов на основе интервью подготовил несколько публикаций, посвященных периоду Гражданской войны, для русского эмигрантского журнала «Первопоходник» [17]. В 2009 г. полный текст воспоминаний Молчанова, с учетом сохранившейся магнитофонной записи интервью, издали в России [18].

Устные рассказы Молчанова не посвящены какому-либо конкретному историческому событию или периоду, в отличие от мемуаров Будберга. Его биографическое интервью содержит информацию о жизненном пути, разнообразные сведения и размышления о дореволюционной русской армии, Первой мировой и Гражданской войнах, антибольшевистской российской эмиграции. С точки зрения классификации источников личного происхождения воспоминания Молчанова, видимо, можно отнести к «мемуарам-автобиографиям» [8, с. 260–265]. Судя по вопросам, подготовленным Раймондом для бесед с генералом, с точки зрения социологической терминологии это было полуструктурированное интервью, то есть интервью с путеводителем в биографическом его варианте [19, с. 105–106].

Первую мировую войну Молчанов встретил в чине штабс-капитана, находясь, как и Будберг, на военной службе на Дальнем Востоке. Судя по его словам, он по личной инициативе, получив разрешение начальства, уже в сентябре 1914 г. прибыл на фронт. Здесь ему поручили командовать ротой в составе 5-го Сибирского инженерного батальона. Молчанов воевал сначала на Юго-Западном фронте против австро-венгерских войск, а затем, с 1915 г. до завершения войны, его часть находилась на Северном фронте в районе Риги. В середине 1916 г. он стал командиром инженерной роты в составе 3-й Сибирской стрелковой дивизии (6-й Сибирский армейский корпус 12-й ар-

мии). Зимой 1917 г., уже при советской власти, в чине подполковника его назначили главным инженером корпуса. Молчанов занимался эвакуацией снаряжения и имущества. В феврале 1918 г. в местечке Венден (ныне город Цесис в Латвии), будучи раненым, он попал в плен к немцам. До апреля 1918 г. находился на излечении в немецком госпитале, а затем при намеренном попустительстве германского офицера, начальника гарнизона Вендена, и с помощью местного крестьянина-проводника сумел бежать. В Советской России Молчанов получил от властей официальное уведомление об увольнении из армии и уехал на родину в Елабугу (Вятская губерния). Затем судьба привела его в антибольшевистское движение. Он сделал блестящую военную карьеру, стал полковником, а затем получил два генеральских чина, первый – от Верховного правителя А. В. Колчака, а второй – от генерала Г. М. Семенова. После Гражданской войны первоначально эмигрировал в Китай, а в 1923 г. уехал в США.

Судя по характеру речи, Молчанов не имел аристократических манер. Произносимые им слова выдают в нем человека, говорящего просто и без сложных фраз. Его речь отличается дореволюционной и военной терминологией, что объясняется культурным пространством, в котором он ранее жил. Необходимо заметить, что в интервью иногда проскальзывают термины, выражения и словесные обороты, появившиеся в лексиконе Молчанова за время долгой жизни в США. Поэтому он порой произносит такие слова, как «доллар», «милия», «окей». Это, конечно, свидетельствует о влиянии той культурной среды, в которой он оказался в эмиграции [4, с. 191–192]. Вообще, по свидетельству одного из современников Молчанова из русской эмигрантской диаспоры в Калифорнии, он хотя и говорил по-английски с акцентом, но «его можно было свободно принять за американца», поскольку он проявлял жизненную активность в новой для него англоязычной среде [20, с. 509].

Как и многие авторы воспоминаний, генерал Молчанов в своих рассказах строит собственный образ исключительно в позитивном ключе – человека, который всегда принимает верные решения и совершает правильные поступки. Говоря об отношениях между командованием и подчиненными в царской армии, Молчанов, не скрывая правды, свидетельствует о многочисленных случаях безобразного поведения офицеров, которые притесняли солдат. Поэтому он полагал, что вина за солдатский бунт в 1917 г. лежит и на офицерском корпусе, не сумевшем устранить такие злоупотребления в своих рядах [16, р. 43].

Очень интересны впечатления Молчанова о настроениях среди сослуживцев в начале Первой мировой войны, когда многие из них рвались на фронт, боясь, что все скоро закончится, и они

не успеют отличиться и получить награды. Генерал прямо и резко обвиняет командование русской армии, ничего не сделавшее для сохранения офицерского корпуса во время войны. Как и Будберг, Молчанов отмечает слабую подготовку офицеров военного времени, получивших погоны после краткосрочных курсов. Он подчеркивает некомпетентность многих старых генералов, не понимавших условий современной войны. По мнению Молчанова, они применяли старую тактику, что привело к многочисленным потерям [16, р. 31–32].

Для Молчанова одним из запоминающихся и трагических моментов войны, который, видимо, относится к маю 1915 г., стала немецкая газовая атака. У русских солдат тогда отсутствовали противогазы, и они оказались беззащитны. Молчанов чудом остался жив, так как находился в двухстах метрах от линии фронта и, как и его подчиненные, использовал мокрую тряпку, которой накрыл лицо. В результате газовой атаки только один взвод из четырех в его роте уцелел. Наступление немцев в противогасах удалось отбить. Сам Молчанов, все-таки хвативший хлорина, вскоре оказался в госпитале. Его представили к ордену Святого Георгия 4-й степени, но «наверху» представление не утвердили [16, р. 32–34].

Как и Будберг, Молчанов отмечает плохое питание солдат в русской армии. Так, начиная с 1916 г. нижних чинов стали кормить кашей из чечевицы, от которой у многих болели животы [16, р. 34]. Будберг в своих мемуарах называет данный продукт «неудачным суррогатом интендантского изобретения». Обычно чечевица доходила до армейской кухни незрелой, и приготовленную из нее кашу солдаты зачастую выбрасывали [10, с. 197].

Образ врага у Молчанова разнообразен. Например, австрийцы, по его мнению, воевали плохо. Солдаты-славяне (преимущественно словенцы и хорваты) австрийских войск часто бросали оружие и поднимали руки. Чехи и словаки, по его словам, сражались неплохо и редко сдавались в плен. Немцев, которых Молчанову пришлось наблюдать довольно близко, так как он оказался у них в плену, он оценивал во многом позитивно. Хотя снабжение немецкой армии в 1918 г., как отмечает Молчанов, было очень скудным, но никаких жалоб слышно не было. Все невзгоды «изумительные» немецкие солдаты переносили стойко [16, р. 32, 40, 41].

По мнению Молчанова, русские войска к 1917 г. накопили большой военный опыт, имели отличное оснащение, вооружение и вполне могли продолжать успешные боевые действия. Однако этому помешала революция [16, р. 32]. Молчанов и в 1970 г. называл себя монархистом, подчеркивая тот факт, что в 1917 г. он с недоверием относился к Временному правительству. Генерала Л. Г. Корнилова, служившего этому правительству

и арестовавшего царскую семью, Молчанов назвал «предателем» несмотря на то, что впоследствии тот стал одним из вождей Белого движения [16, р. 44]. Однако монархизм генерала на склоне лет не отличался подобострастием и слепой верой в царскую власть. Он говорил о монархии с известной долей критики и подчеркивал многие ошибки, совершенные императором Николаем II и его окружением. Вообще, рассуждая на эту тему, Молчанов не видел среди Романовых достойных людей.

Выводы

Итак, воспоминания двух генералов представляют собой дискурсы о Первой мировой войне. Будберг начал писать свои мемуары о войне во многом по собственной инициативе на основе дневниковых записей. Видимо, среди побудительных причин для написания мемуаров было желание Будберга осмыслить свой военный опыт и ответить на вопрос, почему Россия проиграла войну. Устные биографические рассказы Молчанова, наоборот, во многом инициировались извне. Сам он, видимо, так и не сел бы писать мемуары. При этом в создании его воспоминаний принимал активное участие американский историк и социолог Б. Раймонд, который вел беседы с Молчановым, а затем транскрибировал основные части интервью.

По своей структуре воспоминания Будберга как мемуарный текст построены в строгом хронологическом порядке и более насыщены различными деталями. Устные рассказы Молчанова по вполне понятной причине более эклектичны и менее структурированы в плане подачи информации. С точки зрения лингвистического анализа можно сказать, что Будберг, как выпускник Николаевской академии Генерального штаба, более образован, начитан, его повествование отличается аналитическим стилем и дидактичностью. Устная речь Молчанова довольно проста и неофициальна. Хотя необходимо учитывать, что устная речь, в отличие от письменного текста, конечно, менее четкая и формализованная.

Дискурсы этих генералов во многом сходны. Прежде всего они презентуют себя в качестве энергичных акторов истории, как правило, с положительными качествами. Если у Будберга, все-таки есть небольшая доля самокритики, то у Молчанова такой подход вообще отсутствует. Будберг начал войну в чине генерал-майора и занимал штабные должности, командовал дивизиями, затем – корпусом. Его взгляд на войну – это точка зрения высокопоставленного военного, конечно, лично не ходившего в атаку и не стрелявшего из окопа. Устные повествования Молчанова, встретившего войну в чине штабс-капитана и командовавшего инженерной ротой, представляют собой рассказы армейского офицера среднего звена, это взгляд с передовой, из окопа. При этом воспоминания Будберга целиком посвящены Первой миро-

вой войне, а устные рассказы Молчанова носят скорее автобиографический характер, и только небольшая их часть относится к периоду войны.

Авторы воспоминаний презентуют себя в качестве боевых русских офицеров и монархистов, полагающих, что падение царского трона привело Россию к катастрофе. При этом, если Будберг почти не подвергал сомнению политику Николая II, то Молчанов, наоборот, порой произносил критические тирады в его адрес. Кроме того, Будберг позиционирует себя как высокопоставленный дворянин и немецкий барон, в его мемуарах в отношении нижних чинов проскользнуло слово «солдатня», а противника он даже на одной страниц мемуаров обозначил как «наши немцы». В контрасте с ним Молчанов более прост и неаристократичен.

Воспоминания генералов, конечно, воспроизводят знания о Первой мировой войне, в частности, о состоянии русской армии, действиях союзников и противника. Авторы воспоминаний пытаются выявить и обозначить главные причины военных неудач русской армии. Стоит отметить, что их заявления по этому поводу во многом критичны. Возможно, такие суждения были обусловлены и личными качествами Будберга и Молчанова, и страной их проживания, поскольку в США свобода слова считается ключевым и важным атрибутом состояния общества.

Данные дискурсы утверждали и определенные социальные отношения. Если мемуары Будберга были рассчитаны преимущественно на «своих», на узкий круг ветеранов, то Молчанов согласился дать интервью в рамках исследовательского университетского проекта, и в данном случае предполагалась более широкая читательская аудитория. В связи с этим стоит отметить, что жизненные стратегии этих двух эмигрантов, оказавшихся в США, существенно отличались. Молчанов стал настоящим американцем. Он живо интересовался окружающей его действительностью, начал говорить по-английски, устроился на хозяйственную должность в одну из крупных фирм, купил автомобиль, регулярно читал прессу и обсуждал местные проблемы [20, с. 509]. На вопрос, заданный в ходе интервью, хотел бы он вернуться на родину, если в СССР рухнет коммунистический режим, Молчанов ответил отрицательно. Он объяснил это тем, что окажется там «абсолютным чужестранцем» из другого мира [16, р. 131]. Будберг, в отличие от Молчанова, наоборот, в основном пребывал в русскоговорящей эмигрантской среде, активно занимаясь общественной деятельностью, более двадцати лет он возглавлял Общество русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско.

Литература

1. Волков, С. В. Энциклопедия Гражданской войны. Белое движение / С. В. Волков. – СПб. ; М., 2003.
2. Волков, Е. В. Память о Гражданской войне и Общество русских ветеранов в Сан-Франциско / Е. В. Волков // Опыт мировых войн в истории России : сборник статей ; под ред. И. В. Нарского. – Челябинск, 2007. – С. 396–417.
3. Ганин, А. В. Дневник барона А. П. Будберга как источник по истории гражданской войны на востоке России: новые находки и наблюдения / А. В. Ганин // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие ; под ред. Д. И. Петина. – Омск, 2017. – С. 60–66.
4. Волков, Е. В. Генерал В. М. Молчанов: голос на магнитофонной ленте / Е. В. Волков // Жизнь в истории : сборник научных статей к 85-летию проф. А. П. Абрамовского ; ред.-сост. Е. А. Калинин, П. Ф. Назыров, О. Ю. Никонова. – Челябинск, 2009. – С. 188–201.
5. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман / пер. с нем. – М., 2004.
6. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман ; пер. с нем. – М., 2014.
7. Йоргенсен, М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс ; пер. с англ. – Харьков, 2008.
8. Румянцева, М. Ф. Теория истории / М. Ф. Румянцева. – М., 2002.
9. Будберг, А. П. Из воспоминаний о Великой войне 1914–1917 гг. / А. П. Будберг // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны (Сан-Франциско). – 1934–1941. – № 93–181.
10. Будберг, А. П. Воспоминания о войне. 1914–1917 / А. П. Будберг // Военный альбом генерала А. П. Будберга ; сост. И. В. Домнин. – М., 2014. – С. 39–232.
11. Ludendorff, E. Meine Kriegserinnerungen 1914–1918 / E. Ludendorff. – Berlin, 1919.
12. Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. – Берлин, 1938.
13. Будберг, А. П. Дневник / А. П. Будберг // Архив Русской революции. – Берлин, 1923, 1924. – Т. XII. – С. 197–290; Т. XIII. – С. 197–312; Т. XIV. – С. 225–341; Т. XV. – С. 254–345.
14. Будберг, А. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея) / А. Будберг. – Л., 1929.
15. Будберг, А. П. Сибирские воспоминания (1895–1904) / А. П. Будберг // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны (Сан-Франциско). – 1930–1938. – № 55–149.
16. Victorin, M. Moltchanoff: The last White General / M. Victorin // An Interview conducted by B. Raymond. – Berkley : The University of California at Berkley, 1972.
17. Молчанов, В. М. Борьба на востоке России и в Сибири / В. М. Молчанов // «Первопоходник (Лос-Анджелес). – 1974. – № 17. – С. 35–42; № 18. – С. 28–38; № 19. – С. 22–31; № 20. – С. 3–13.

18. Молчанов, В. М. Последний белый генерал / В. М. Молчанов ; сост. Л. Тремсина. – М., 2009.

19. Семенова, В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию / В. В. Семенова. – М., 1998.

20. «Русская колония в Калифорнии»: из писем Сергея Павловича Петрова // Россия в эпоху великих потрясений : научный сборник к 50-летию А. С. Кручинина ; сост. А. В. Ганин. – М., 2018. – С. 502–522.

Волков Евгений Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: volkovev@susu.ru. ORCID 0000-0002-8038-0431

Поступила в редакцию 25 февраля 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230201

REMEMBERING «THE GREAT WAR»: COMPARATIVE ANALYSIS OF TWO EGO-DOCUMENTS

E. V. Volkov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This paper reports on a theoretical study of collective memory, discourse analysis, and comparative historical method of the memories of the two Russian generals who took part in the First World War and the Russian Civil War. They then became emigrants to the United States. The memoirs of General Baron Alexey Pavlovich Budberg (1869–1945) about the First World War were in part published in the 1930s and early 1940s in the journal «Bulletin of Society of Russian veterans of the Great War» (San Francisco). The memories of General Victorin Mikhailovich Molchanov (1886–1975) appeared much later and were recorded on tape in 1970 by the American historian Boris Raymond in the form of oral stories. Budberg had served as General in the headquarters, and was in command of divisions and army corps. His outlook in many respects is a birds' eye view from the staff officers, while also having didactic instructions. Another author of memoirs, Molchanov, started the war at the rank of Captain and held positions at the secondary level of commanders. He became Lieutenant Colonel by the end of the military campaign. His assessment of the war is a view from the trench, with the description of everyday military routine. In fact, these memories are discourses about the events of the First World War on the «Eastern» (Russian) Front, which construct the identity of their authors, reproduce certain knowledge, and confirm their views on the events of the war.

Keywords: memoirs, oral stories, ego documents, A. P. Budberg, V. M. Molchanov, the First World War, Russian emigration, communicative memory, discourse.

References

1. Volkov S.V. Enciklopediya Grazhdanskoj vojny. Beloe dvizhenie [Encyclopedia of the Civil War. White movement]. SPb.; M., 2003.

2. Volkov E.V. Pamyat o Grazhdanskoj vojne i Obschestvo russkih veteranov v San-Francisko [Memory of the Civil War and the Society of Russian Veterans in San Francisco] // *Opyt mirovyh vojn v istorii Rossii: sbornik statej*; pod red. I.V. Narskogo. Chelyabinsk, 2007. S. 396–417.

3. Ganin A.V. Dnevnik barona A.P. Budberga kak istochnik po istorii grazhdanskoj vojny na vostoке Rossii: novye nahodki i nablyudeniya [Diary of Baron A.P. Budberg as a Source on the History of the Civil War in the East of Russia: New Findings and Observations] // *Grazhdanskaya vojna na vostoке Rossii: vzglyad skvoz dokumentalnoe nasledie*; pod red. D.I. Petina. Omsk, 2017. S. 60–66.

4. Volkov E.V. General V.M. Molchanov: golos na magnitofonnoj lente [General V.M. Molchanov: the Voice on Tape] // *Zpizn v istorii: sbornik nauchnykh statej k 85-letiyu prof. A.P. Abramovskogo*; red.-sost. E.A. Kalinkina, P.F. Nazyrov, O.Y. Nikonova. Chelyabinsk, 2009. S. 188–201.

5. Assman Y. *Kulturnaya pamyat. Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokih kulturah drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. M., 2004.
6. Assman A. *Dlinnaya ten proshlogo: Memorialnaya kultura i istoricheskaya politika* [Long Shadow of the Past. Memorial Culture and Historical Politics]. M., 2014.
7. Jorgensen M.V., Fillips L.D. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis. Theory and method]. Harkov, 2008.
8. Rumyancheva M.F. *Teoriya istorii* [Theory of History]. M., 2002.
9. Budberg A.P. *Iz vospominanij o Velikoj vojne 1914–1917 gg.* [From the Memories on the Great War, 1914–1917] // *Vestnik Obshchestva russkih veteranov Velikoj vojny. 1934–1941.* № 93–181.
10. Budberg A.P. *Vospominaniya o vojne. 1914–1917* [Memories of the War. 1914–1917] // *Voennyj album generala A.P. Budberga*; sost. I.V. Domnin. M., 2014. S. 39–232.
11. Ludendorff E. *Meine Kriegserinnerungen 1914–1918.* Berlin, 1919.
12. *Vospominaniya: iz bumag S.E. Kryzhanovskogo, poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossijskoj imperii* [Memories: from the Papers of S.E. Kryzhanovsky, the Last State Secretary of the Russian Empire]. Berlin, 1938.
13. Budberg A.P. *Dnevnik* [Diary] // *Arhiv Russkoj revolyucii.* Berlin, 1923, 1924. T. XII. S. 197–290; T. XIII. S. 197–312; T. KhIV. S. 225–341; T. XV. S. 254–345.
14. Budberg A. *Dnevnik belogvardejca (Kolchakovskaya epopeya)* [Diary of a White Guard (Kolchak epic)]. L., 1929.
15. Budberg A.P. *Sibirskie vospominaniya (1895–1904)* [Siberian Memories, 1895–1904] // *Vestnik Obshchestva russkih veteranov Velikoj vojny (San Francisco).* 1930–1938. № 55–149.
16. Victorin M. *Moltchanoff: The last White General* // *An Interview Conducted by B. Raymond.* Berkley: The University of California at Berkley, 1972.
17. Molchanov V.M. *Borba na vostoке Rossii i v Sibiri* [Struggle in Eastern Russia and Siberia] // *Pervopohodnik (Los Angeles).* 1974. № 17. S. 35–42; № 18. S. 28–38; № 19. S. 22–31; № 20. S. 3–13.
18. Molchanov V.M. *Poslednij belyj general* [The Last White General] / sost. L. Tremsina. M., 2009.
19. Semenova V.V. *Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sociologiyu* [Qualitative Methods: An Introduction to Humanistic Sociology]. M., 1998.
20. «Russkaya koloniya v Kalifornii»: iz pisem Sergeya Pavlovicha Petrova [«Russian Colony in California»: from the Letters of Sergei Pavlovich Petrov] // *Rossiya v epohu velikih potryasenij: nauchnyy sbornik k 50-letiyu A.S. Kruchinina*; sost. A.V. Ganin. M., 2018. S. 502–522.

Evgeny V. Volkov – D. Sc. (History), Professor of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: volkovev@susu.ru

Received February 25, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Волков, Е. В. Вспоминая «Великую войну»: сравнительный анализ двух эго-документов / Е. В. Волков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 6–14. DOI: 10.14529/ssh230201

FOR CITATION

Volkov E. V. Remembering «the Great War»: Comparative Analysis of Two Ego-Documents. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 6–14. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230201

АМНИСТИЯ 1953 ГОДА В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ И БОРЬБА С ПОСЛЕДСТВИЯМИ

В. В. Калмыков, В. Н. Ковин

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных Сил Военно-воздушной Академии,
филиал в г. Челябинске, Российская Федерация*

Статья посвящена истории борьбы за власть нескольких политических группировок после смерти И. В. Сталина. В развернувшейся борьбе особую актуальность приобрела проблема восстановления законности и ослабления репрессивного аппарата, в том числе через реорганизацию системы ГУЛАГ. Первым практическим шагом в этом направлении стал указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» от 27 марта 1953 г. После его опубликования партийные и советские органы по всей стране приступили к его реализации. Руководство Челябинской области также подключилось к выполнению его положений. Партийные и советские органы тесно взаимодействовали с правоохранительными структурами региона. В данной статье рассматривается реализация Указа «Об амнистии» от 27 марта 1953 года в Челябинской области и возникающие в связи с этим проблемы. Документальной базой послужили опубликованные Указы Президиума Верховного Совета СССР, а также материалы партийного фонда Объединенного государственного архива Челябинской области, часть из которых введена в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Советский Союз, Челябинская область, обком партии, КПСС, амнистия, уголовная преступность, бандитизм, правоохранительные органы.

Введение

Внимание государства к проблемам поддержания общественного порядка, борьбы с преступностью и ее рецидивами сохранялось на протяжении всей истории существования отечественной правоохранительной системы. Особое значение это приобретало в периоды смены руководства страны, когда пришедшие на смену стремились отмежеваться от всех ошибок, произошедших при предыдущем правителе. Такой процесс происходил в 1953 году, когда произошли изменения во внутривнутриполитической жизни государства, и потребовалось обозначить восстановление законности и правопорядка в государстве. Цель данного исследования – рассмотреть процесс выполнения Указа «Об амнистии» 1953 года в Челябинской области. Для ее достижения привлекались материалы, отразившие взаимодействие партийных, советских и правоохранительных органов в указанный хронологический период, находящиеся в фонде Объединенного государственного архива Челябинской области. Предпринята попытка, рассмотрев трудности реализации Указа «Об амнистии» 1953 года в исследуемом регионе, определить, были ли они характерны только для Челябинской области или с ними сталкивались повсеместно. Объектом исследования является амнистия 1953 года, предметом – процесс её реализации партийными, советскими и правоохранительными структурами на территории Челябинской области. Исследование проводилось с опорой на связь с социально-политическими процессами, происходившими в стране в указанный период.

Обзор литературы

В первые годы после проведения амнистии 1953 года над исследователями довлела установка

о позитивном отношении к рассматриваемому явлению. Авторы должны были критически писать о культе личности И. В. Сталина, делать акцент на нарушениях законности, несмотря на которые советский народ своим созидательным трудом продолжал строить светлое коммунистическое будущее. Рассматриваемое мероприятие не было объективно изучено. В период перестройки в публицистике появились материалы, затрагивающие «запретные» темы репрессий, системы ГУЛАГа, амнистии 1953 года, но не опирающиеся на данные исторических исследований. В конце XX – начале XXI века, после открытия исследователям доступа к ранее закрытым архивным фондам органов государственной власти и документам высшего партийного руководства, появилась возможность обсуждать подготовку, проведение и последствия амнистии 1953 года.

Первую группу составляют обобщающие работы, посвященные истории системы ГУЛАГа или ее отдельных лагерей, в которых отражены некоторые аспекты проведения амнистии 1953 года [1–4]. Вторую группу составляют исследования, объектом которых становится процесс освобождения заключенных после смерти И. В. Сталина. Е. Н. Тязин обратил внимание на непохожесть амнистии 1953 года на предыдущие. Опираясь на статистические данные, автор показал ее влияние на криминогенную обстановку и необходимость усовершенствования работы правоохранительной системы [5]. Е. Е. Воробьева исследовала организацию, составление инструкций, структуру и динамику процесса освобождения заключенных из системы ГУЛАГ, а также сложности при проведении амнистии [6, 7]. Е. Ю. Зубкова при рассмотрении амнистии 1953 года выделила две проблемы,

которые выявились в ходе ее проведения: всплеск криминальной активности и адаптация освобожденных. Исследователь отметила, что процесс освобождения из мест заключения показал отсутствие единой системы учета правонарушений, что подтолкнуло к реформированию системы борьбы с преступностью, а также высказала мнение о неготовности общества к либерализации уголовного законодательства [8].

К третьей группе можно отнести исследователей, занимающихся изучением амнистии 1953 года в отдельных регионах: Е. В. Курицына работала с материалами Пензенской области [9], В. А. Печерский – Хакасии [10], а В. Т. Юнгблюд, А. А. Машковцев – Кировской области [11].

В отдельную группу выделим исследования на основе материалов Челябинской области. Вопросы участия личного состава в ликвидации последствий амнистии 1953 года были рассмотрены в коллективной монографии «Страницы истории Челябинской школы милиции». В работе приведена информация о привлечении слушателей школы к ликвидации преступности, вызванной амнистией [12]. В юбилейном издании «Милиция Челябинской области: 1802–2002. Страницы истории» авторы также показали роль работников внутренних дел в ликвидации послевоенной преступности, привели данные и о недостатках, допущенных в работе по преодолению последствий амнистии [13]. В издании «Челябинский областной суд 70 лет: люди, события, факты» определенное место уделено применению судебной практики во время проведения амнистии [14]. С. Ю. Салмина в работе о прокуратуре Челябинской области показала роль прокурорского надзора и обвинительной практики в судебных процессах по уголовным делам, связанным с амнистированными лицами [15]. Следует отметить, что, несмотря на «юбилейный характер» приведенных выше работ, в них, наряду с примерами самоотверженной борьбы с уголовной рецидивной преступностью правоохранительных структур области в указанный исторический период, говорится и о системных недостатках при проведении амнистии. Заслуживает внимания диссертационное исследование В. В. Калмыкова «Милиция Южного Урала в период послевоенного восстановления народного хозяйства» (1945–1953)». В работе уделено внимание проведению амнистии 1953 года на Южном Урале, затрагивается не только Челябинск, но и Чкаловская (Оренбургская), Курганская области [16].

Подводя итог обзору литературы, можно сделать вывод, что на сегодняшний день отдельной работы о проведении амнистии от 27 марта 1953 года в Челябинске и области нет, и проблема ожидает своего изучения.

Методы исследования

В ходе исследования был произведен сбор статистических данных и их интерпретация. Про-

изведено исследование социального состава населения региона и реконструкция происходящих социальных процессов. Основу источниковой базы для исследования составили опубликованные Указы Президиума Верховного Совета СССР и делопроизводственная документация из собрания Объединенного государственного архива Челябинской области.

Результаты и дискуссия

Необходимость объявления и проведения амнистии 27 марта 1953 года обусловлена рядом причин: 1) прежде всего, кризис самой системы исправительно-трудовых учреждений, который заключался в невысокой производительности труда заключенных, отсутствии у них заинтересованности в работе (особенно после отмены условно-досрочного освобождения), внутренних конфликтах между ними, приводящих к новым преступлениям; 2) экономически затратные расходы на содержание осужденных и организацию охраны мест заключения; 3) нехватка рабочей силы в стране, восстанавливающей разрушенное войной народное хозяйство; демографический кризис из-за последствий боевых действий.

До этого Л. П. Берия направил в Президиум ЦК КПСС записку с обоснованием необходимости проведения масштабной амнистии. В документе он указывал, что в исправительно-трудовых лагерях и тюрьмах содержалось 2 526 402 человека, из них 590 тысяч были осуждены на срок до пяти лет, 1 216 тысяч – от пяти до десяти лет, 573 тысячи – от десяти до двадцати лет и 188 тысяч – свыше двадцати лет [17]. В записке также указывалось, что в местах лишения свободы отбывало наказание большое количество заключенных, осужденных на сроки до пяти лет за преступления, совершенные ими впервые и не повлекшие за собой тяжких последствий. Кроме этого, как отмечал Л. П. Берия, в местах лишения свободы содержалось примерно 30 тысяч человек, осужденных за должностные, хозяйственные преступления на срок от пяти до десяти лет лишения свободы, 438 788 женщин, из них 6 286 беременных и 35 505 женщин, имевших детей в возрасте до 2 лет, около 198 тысяч заключенных, страдавших тяжелыми неизлечимыми заболеваниями, а также 238 тысяч пожилых людей (мужчин и женщин старше 50 лет) и более 31 тысячи несовершеннолетних, отбывавших наказание в основном за мелкие кражи и хулиганство. Из общего числа заключенных количество особо опасных государственных преступников, обвиненных, например, в шпионаже или террористической деятельности, составляло всего 221 435 человек [18, с. 99].

Таким образом, по мнению Л. П. Берии, содержание в местах лишения свободы лиц, осужденных за преступления, не представлявшие серьезной общественной опасности, в том числе женщин,

подростков, престарелых и больных людей, не было вызвано государственной необходимостью.

27 марта 1953 года Указ «Об амнистии» был утвержден на Президиуме Верховного Совета СССР. В соответствии с нормативно-правовым актом освобождению из мест заключения подлежали лица, осужденные на срок до 5 лет включительно независимо от совершенного ими преступления, беременные женщины и женщины, имевшие детей в возрасте до 10 лет, несовершеннолетние, мужчины старше 55 лет и женщины старше 50 лет, а также лица, страдавшие тяжелыми неизлечимыми заболеваниями. Кроме указанных категорий заключенных амнистии подлежали и приговоренные к лишению свободы на срок свыше пяти лет с сокращением срока наказания наполовину. Амнистия не распространялась на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм, крупные хищения социалистической собственности и умышленные убийства [19, с. 15–16].

Масштабность проводимой амнистии, чрезвычайно быстрые темпы ее осуществления привели к многочисленным ошибкам: из мест лишения свободы было выпущено большое количество опасных преступников, осужденных ранее за бандитизм, умышленные убийства и ряд других тяжких преступлений, многие из них, оказавшись на воле, тут же продолжили заниматься своим преступным промыслом. Кроме этого, на совершение противоправных действий амнистированных зачастую толкали бытовая неустроенность и жилищные проблемы. Все это и спровоцировало всплеск криминальной активности в государстве. Страну просто захлестнул вал уголовной преступности, особенно это было заметно в крупных промышленных городах и железнодорожных узлах. Челябинская область, и прежде всего Челябинск – производственный и железнодорожный центр Южного Урала, также не стала исключением.

Партийные, советские и правоохранительные органы города и области сразу же подключились к исполнению вышестоящего указания. Уже 21 апреля 1953 года начальник управления исправительно-трудовых лагерей и колоний Министерства юстиции по Челябинской области полковник М. Ю. Кузнецов в докладной записке «О ходе выполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР ОТ 27.03.53 года “Об амнистии”» на имя секретаря Челябинского обкома КПСС докладывал: «...по Указу от 27 марта 1953 года всего подлежало освобождению 9519 человек. До 21 апреля было отпущено на свободу 7448 человек, из них по 1 ст. Указа – 4580, по 2 ст. – 141, по 3 ст. – 1416, по 4 ст. – 1311. Заключенным, отбывавшим срок в Челябинской области, были выданы справки об освобождении с указанием избранного ими места жительства: в город Челябинск – 1383; в населенные пункты области – 3410; за пределы области – 2655». Таким образом, населенные пункты

области пополнили 4793 человека, определенная часть которых явно не была намерена встать на путь исправления [20, л. 177].

Согласно Указу, органам власти и правоохранительным структурам предписывалось принять все необходимые меры по трудоустройству амнистированных граждан и недопущению рецидивной преступности среди них. Иногда эта работа начиналась еще на этапе освобождения амнистированных. Так, в вышеупомянутой записке сообщалось: «Администрация лагподразделений по-прежнему предоставляет возможность заинтересованным организациям (главным образом, трестам “Челябметаллургстрой” и “Магнитострой”) проводить вербовку освобожденных для использования на работах по соглашению» [20, л. 178].

Государственные и партийные органы страны прекрасно понимали, что для недопущения рецидивной преступности среди амнистированных лиц необходимо прежде всего решать проблемы их трудоустройства. В связи с этим 30 мая 1953 года вышло Постановление Совета Министров СССР «Об устранении недостатков в трудоустройстве освобожденных по амнистии граждан» [19, с. 203], где был определен срок трудоустройства амнистированных лиц – до 12 июня 1953 года. Но эти сроки не всегда выполнялись, в значительной степени из-за нерасторопности органов власти и правоохранительных структур на местах. Это привело к тому, что огромная невостребованная рабочая сила с криминальным прошлым вновь вливалась в ряды преступного мира. Вследствие непродуманных шагов в уголовной и исправительно-трудовой политике государственных органов страна была буквально поражена рецидивной преступностью.

Криминальную обстановку в Челябинске и области осложняло и то обстоятельство, что в конце 1952 – начале 1953 года выросло количество преступлений, совершенных молодежью. Данное положение стало предметом обсуждения на совещании в Челябинском обкоме КПСС в декабре 1952 года, где начальник управления милиции УМГБ по Челябинской области И. В. Подчасов докладывал: «...с 1 января по 1 ноября 1952 года привлечено молодежи в возрасте от 18 до 25 лет – 2222 человека, из них: за спекуляцию – 270 чел., за разбой – 123 чел., убийства – 43 чел., кражу госимущества – 161 чел., кражи личного имущества – 417 чел. изнасилование – 14 чел., мошенничество – 4 чел., хулиганство – 950 чел.» [21, л. 37]. Далее он сообщал, что «...основной причиной высокой преступности среди молодежи является плохая постановка на некоторых предприятиях и строительстве области культурно-массовой работы и отсутствие нормальных бытовых условий для молодых рабочих, в особенности живущих в общежитиях» [21, л. 40].

Таким образом, и без того непростой криминальный фон, сложившийся в Челябинске и области

в начале 1953 года, был осложнен прибывшими по амнистии уголовниками. Волна преступности прокатилась по городам и поселкам Южного Урала.

Это подтверждают и авторы юбилейного издания «История милиции Челябинской области. 1802–2002», в котором отмечено, что «...в Челябинской области в 1953 году рост преступности по сравнению с 1952 годом составил более 27 %, в области было совершено 2522 дерзких преступлений. Особенно неблагоприятная обстановка сложилась в таких городах, как Челябинск, Магнитогорск, Копейск, Коркино, Еманжелинск, Бакал, где на постоянное место жительства остались тысячи бывших заключенных» [13, с. 184].

В одном из отчетов Главного управления по Челябинской области о работе милиции за 1950–1954 годы, датированном 31 марта 1953 года, начальник управления милиции по городу Челябинску Ю. В. Витковский сообщал, что «...в Челябинск по амнистии возвратилось много лиц, в прошлом осужденных за уголовные преступления. Они вновь связываются с уголовным элементом и становятся на путь преступлений. За последнее время эти люди свершили в городе ряд дерзких преступлений – убийств и ограблений граждан, в том числе и сотрудников милиции» [22, л. 65].

Это подтверждает и судебная практика того периода. В обзоре судебной практики по делам о бандитизме за 1953 год, подготовленном председателем Челябинского областного суда М. И. Колотыгинным говорится: «...15 человек совершили преступления после их амнистирования по Указу от 27 марта 1953 года “Об амнистии”, 18 человек были ранее судимы, причем четверо из них имели в прошлом специальный рецидив и 14 человек – общий рецидив». Далее он сообщает: «Изучение дел по этой категории показывает, что организаторами бандитских проявлений, как правило, являются лица, имеющие судимость в прошлом, а затем освобожденные из мест заключения по отбытии наказания или по амнистии» [23, л. 33].

Вот лишь несколько конкретных примеров из судебных дел Областного суда. Освободившиеся по мартовской амнистии 1953 года некто Ионин и Бычков создали банду из 5 человек, которая имела в своем арсенале холодное и огнестрельное оружие, совершила 4 разбойных нападения на граждан, в ходе совершения одного из нападений ими был убит студент строительного техникума [23, л. 34].

В марте–апреле в поселке Южноуральский Увельского района Челябинской области банда из амнистированных по Указу от 27 марта 1953 года уголовников-рецидивистов в составе Золотарева, Серкова, Бикмухаметова, Полякова и Кулумбаева совершала нападения на граждан с целью грабежа и разбоя. 31 мая во время очередного раз-

бойного нападения все члены банды были задержаны сотрудниками Увельского районного отделения милиции. Также областным судом за вооруженные грабежи были повторно осуждены амнистированные Миронов, Титов, Ветлян и Михин которые 5 июля 1953 года в городе Верхний Уфалей Челябинской области совершили убийство двух школьников, сняв с них часы, одежду и обувь [23, л. 35].

В марте–апреле 1953 года в Челябинске бандой из амнистированных трех человек в составе братьев Ф. Низамова и Ш. Низамова и Г. Шамсутдинова был совершен ряд грабежей и убийств. 9 апреля 1953 года они изнасиловали возвращающуюся с ночной смены женщину и забрали ее личные вещи и деньги. Неделю спустя, 18 апреля, угрожая топором и ножом, преступники ограбили двух рабочих тракторного завода. 21 апреля банда совершила налет на пост охраны складского хозяйства, ударом топора они убили вахтера и завладели его оружием – пистолетом. Вооружившись огнестрельным оружием, уголовники совершили еще ряд преступлений. В частности, 1 мая они убили рабочего станкостроительного завода с целью завладения его имуществом [23, л. 35 об.]. В начале мая сотрудникам милиции города Челябинска удалось обезвредить участников бандитской группы, которые впоследствии понесли заслуженное наказание.

Следует отметить, что подобное положение дел было характерно для всех крупных городов и населенных пунктов советского государства. Е. В. Курицына, опираясь на изучение материалов по Пензенской области, отмечает, что «...приток в города и села Пензенской области лиц, освобожденных по амнистии, спровоцировал вспышку опасных криминальных проявлений: хулиганства, бандитизма, разбойных нападений, убийств, изнасилований и т. д. Резко увеличилось число краж, активизировались карманники. Мирные обыватели затаились в ужасе. Криминальный беспредел вызывал у населения серьезные опасения за свою личную безопасность и сохранность имущества. Следует отметить, что наибольшее распространение на территории области получило хулиганство, зачастую связанное с применением холодного оружия. По данным уголовного розыска хулиганские проявления составляли около 50 % от общего количества зарегистрированных преступлений» [9, с. 766]. Такая ситуация сложилась не только в маленьких городах, «...крайне тревожная обстановка сложилась в областном центре, где криминогенная ситуация была значительно осложнена прибывшими на постоянное место жительства освобожденными по амнистии гражданами. Кроме этого, большое количество преступлений совершалось амнистированными, остававшимися в Пензе» [9, с. 664–668].

О том, какую опасность представляли для общества подобного рода преступления, свидетельствует тот факт, что 27 августа 1953 года Совет Министров СССР был вынужден принять специальное Постановление «О мерах по усилению охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью», направленное на преодоление катастрофических последствий мартовской амнистии [19, с. 115].

Тем не менее, несмотря на все системные проблемы и недостатки, выявленные в работе государственных и правоохранительных органов при проведении амнистии, в результате мероприятий, проведенных органами правопорядка, в том числе и Челябинской области, по уголовному бандитизму был нанесен ощутимый удар. Преступные группы стали постепенно распадаться и прекращать свое существование. Однако говорить о полной ликвидации проявлений уголовного бандитизма в последующие годы было бы неверно.

Выводы

Анализ привлеченных материалов позволил представить статистические данные по количеству лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, расположенных на территории области, их возрастном и социальном составе, местах проживания после выхода на свободу. Это позволило властным структурам определить масштаб работы по адаптации амнистированных, предположить возможный рост криминала. Важнейшим вопросом здесь являлась работа по трудоустройству освободившихся. Предприятия неохотно брали на работу неквалифицированную рабочую силу, да еще и с криминальным прошлым.

Из докладных записок, направляемых в Обком КПСС области из правоохранительных структур, удалось установить, что криминальную обстановку в городе и области в указанный период осложняло обстоятельство роста преступности среди молодежи. Вновь освободившиеся представители криминала легко вербовали их в свои шайки.

Это подтверждает и обзор судебной практики по делам о бандитизме за 1953 год Челябинского областного суда. Организаторами бандитских проявлений, как правило, являлись лица, имеющие судимость в прошлом, а затем освобожденные из мест лишения свободы.

К сожалению, документальная база, касающаяся вопросов проведения амнистии 1953 года в Челябинске и области, представлена в архиве в небольшом объеме. Насыщенная статистическим материалом, она не позволяет в полной мере выявить целостную картину данного исторического явления и дать полную оценку происходящих событий во всех аспектах социально-политической жизни. Это будет возможно, по нашему мнению, когда исследователям будут более доступны мате-

риалы, хранящиеся в ведомственных архивах правоохранительных структур.

Литература

1. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / отв. ред. Л. И. Бородин, П. Грегори, О. В. Хлевнюк. – М.: РОССПЭН, 2008. – 320 с.
2. Иванова, Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты / Г. М. Иванова. – М.: Наука, 2006. – 416 с.
3. Широков, А. И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930–1950-е гг.) / А. И. Широков. – М., 2014. – 654 с.
4. Эпплбаум, Э. ГУЛАГ. Паутина большого террора / Э. Эпплбаум. – М.: АСТ, 2016. – 688 с.
5. Тязин, Е. Н. Проблемы укрепления правопорядка в СССР весной-осенью 1953 года / Е. Н. Тязин // Контентус. – 2017. – № 12 (65). – С. 162–171.
6. Воробьева, Е. Е. Амнистия 1953 года по данным статистической отчетности ГУЛАГа: структура и динамика процесса / Е. Е. Воробьева // Историческая информатика. – 2021. – № 1 (35). – С. 1–10.
7. Воробьева, Е. Е. Амнистия 1953 года: условия и сложности проведения / Е. Е. Воробьева // Клио. – 2021. – № 4 (172). – С. 72–76.
8. Зубкова, Е. Ю. Амнистия 1953 года и первые опыты по пересмотру практик социального контроля в СССР / Е. Ю. Зубкова // Российская история. – 2021. – № 2. – С. 149–160.
9. Курицына, Е. В. Амнистия 1953 г. и её влияние на криминализацию общественной жизни в СССР (на материалах Пензенской области) / Е. В. Курицына // Известия ПГПУ им. В. Г. Беллинского. – 2012. – № 27. – С. 764–768.
10. Печерский, В. А. Амнистия 1953 г. и ее последствия в Хакасии / В. А. Печерский // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2018. – № 4 (24). – С. 62–67.
11. Юнгблюд, В. Т. «Холодное лето 1953 года» в Кировской области: амнистия, преступность и борьба с ней / В. Т. Юнгблюд, А. А. Машковцев // Вестник Пермского университета. История. – 2020. – № 3 (50). – С. 118–127.
12. Страницы истории Челябинской школы милиции; В. С. Кобзов (рук.) и др. – Челябинск: Челяб. юрид. ин-т МВД России, 2000. – 119 с.
13. Милиция Челябинской области. 1802–2002: Страницы истории; ред.-сост. Д. В. Смирнов; кол. авт. ГУВД Челябинской области. – Челябинск, 2002. – 446 с.
14. Абрамовский, А. П. Челябинский областной суд, 70 лет: люди, события, факты / А. П. Абрамовский, В. С. Кобзов, Е. А. Вериги. – 2-е изд., испр. и доп. – Челябинск: Каменный пояс, 2004. – 280 с.

15. Салмина, С. Ю. Прокуратура Челябинской области. Очерки истории / С. Ю. Салмина. – Челябинск : Каменный пояс, 2001. – 345 с.
16. Калмыков, В. В. Милиция Южного Урала в период послевоенного восстановления народного хозяйства: 1945–1953 : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2009. – 24 с.
17. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. Н. Ковалева и др. ; под ред. А. Н. Яковлева. – М. : Демократия ; Стэнфорд : Гувер. ин-т войны, революции и мира, 1998. – С. 758.
18. Кокурин, А. Гулаг: структуры и кадры. Статья двадцать вторая / А. Кокурин, Ю. Морюков // Свободная мысль – XXI. – 2001. – № 9. – С. 97–122.
19. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1953–1991 гг.) : в 2 ч. / сост. н. С. Захаров, В. П. Малков. – Ч. 1. – Законодательство СССР. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1992. – 269 с.
20. Объединённый Государственный Архив Челябинской Области (ОГАЧО). – Ф. П-288. – Оп. 17. – Д. 149. – Л. 177.
21. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 16. – Д. 140. – Л. 37.
22. Информационный центр ГУВД по Челябинской области. Отчеты начальника городского управления милиции Челябинска за 1950–1954 гг. Л. 65.
23. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 25. – Д. 300. – Л. 33.

Калмыков Валерий Витальевич – кандидат исторических наук, ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия» филиал в г. Челябинске (Челябинск), e-mail: v.v.k-v@mail.ru

Ковин Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия» филиал в г. Челябинске (Челябинск), e-mail: vladimirkovin@mail.ru

Поступила в редакцию 22 марта 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230202

THE 1953 AMNESTY IN CHELYABINSK REGION: IMPLEMENTATION AND FIGHT WITH CONSEQUENCES

V. V. Kalmykov, V. N. Kovin

*Military Educational and Scientific Center of Air Force Academy, Chelyabinsk branch,
Russian Federation*

The article focuses on the history of power struggle among several political groups after J. Stalin's death. The unfolding struggle raised the urgent issue of restoring legality and weakening the repressive apparatus, including the reorganization of the Gulag system. The first practical step in this direction was the Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR «On amnesty» dated March 27, 1953. Since then party and Soviet authorities throughout Russia started its implementation. The leadership of the Chelyabinsk region also joined these activities. Party and Soviet authorities worked closely with the law enforcement agencies of the region. The article examines the implementation of the Decree «On Amnesty» dated March 27, 1953 in the Chelyabinsk region and the problems arising in this regard. The documentary base of the research includes the published Decrees of the Presidium of the Supreme Council of the USSR, as well as the Party Fund materials of the United State Archive of the Chelyabinsk region. Some of the documents are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Soviet Union, Chelyabinsk Oblast, regional party committee, CPSU, amnesty, criminal offences, banditry, law enforcement agencies.

References

1. GULAG: Ekonomika prinuditel'nogo truda [Gulag: the Economics of Forced Labour] / otv. red. L.I. Borodkin, P. Gregori, O.V. Khlevnyuk. M.: ROSSPEN, 2008. 320 s.
2. Ivanova G.M. Istoriya GULAGa, 1918–1958: social'no-ekonomicheski i politico-pravovoy aspekty [Gulag's History, 1918–1958: Social, Economic, Political and Law Aspects]. M.: Nauka, 2006. 416 s.

3. Shirokov A.I. Dal'stroj v social'no-ekonomicheskom razvitii Severo-Vostoka SSSR (1930–1950) [Dalstroy in Social and Economic Development of the North East of the USSR (1930–1950-s)]. M., 2014. 654 s.
4. Applbaum A. GULAG. Pautina bol'shogo terrora [Gulag. A History]. M.: AST, 2016. 688 s.
5. Tyazin E.N. Problemy ukrepleniya pravoporyadka v SSSR vesnoj-osen'yu 1953 goda [Problems of Strengthening Law and Order in the USSR in Spring-Autumn 1953] // *Kontentus*. 2017. № 12 (65). S. 162–171.
6. Vorob'eva E.E. Amnistiya 1953 goda po dannym statisticheskoj otchetnosti GULAGa: struktura i dinamika processa [The 1953 Amnesty According to the Gulag's Statistical Reports: Structure and Dynamics of the Process] // *Istoricheskaya informatika*. 2021. № 1 (35). S. 1–10.
7. Vorob'eva E.E. Amnistiya 1953 goda: usloviya i slozhnosti provedeniya [The 1953 Amnesty: Conditions and Challenges of Implementation] // *Klio*. 2021. № 4 (172). S. 72–76.
8. Zubkova E.Y. Amnistiya 1953 goda i pervye opyty po peresmotru praktik social'nogo kontrolya v SSSR [The 1953 Amnesty and the First Experience of Revising the Practice of Social Control] // *Rossiyskaya istoriya*. 2021. № 2. S. 149–160.
9. Kuricyna E. V. Amnistiya 1953 g. i eyo vliyanie na kriminalizaciyu obshchestvennoj zhizni v SSSR (na materialah Penzenskoj oblasti) [The 1953 Amnesty and Its Impact on the Criminalization of Social life in the USSR (Based on the Penza Oblast Materials)] // *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo*. 2012. № 27. S. 764–768.
10. Pecherskij V.A. Amnistiya 1953 g. i ee posledstviya v Hakasii [The 1953 Amnesty and Its Consequences in Khakasia] // *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. 2018. № 4 (24). S. 62–67.
11. Yungblyud V.T., Mashkovcev A.A. «Holodnoe leto 1953 goda» v Kirovskoj oblasti: amnistiya, prestupnost' i bor'ba s nej [The Cold Summer of 1953 in Kirov Oblast: Amnesty, Crime and Fight with It] // *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 2020. № 3 (50). S. 118–127.
12. Stranicy istorii Chelyabinskoy shkoly milicii [History Pages of the Chelyabinsk Militia School]; V.S. Kobzov (ruk.) [i dr.]. Chelyabinsk: Chelyab. jurid. in-t MVD Rossii, 2000. 119 s.
13. Miliciya Chelyabinskoy oblasti. 1802–2002: Stranicy istorii [Chelyabinsk Oblast Militia. 1802–2002. History Pages]; red.-sost. D.V. Smirnov, kol. avt. GUV D Chelyabinskoy oblasti]. Chelyabinsk, 2002. 446 s.
14. Abramovskij A.P., Kobzov V.S., Verigo E.A. Chelyabinskij oblastnoj sud, 70 let: lyudi, sobytiya, fakty [Chelyabinsk Oblast Court, 70th Anniversary; People, Events, Facts]. 2 izd., ispr. i dop. Chelyabinsk: Kamennyj poyas, 2004. 280 s.
15. Salmina S.Y. Prokuratura Chelyabinskoy oblasti. Oчерки istorii [Chelyabinsk Oblast Prosecution. Essays on the History]. Chelyabinsk: Kamennyj poyas, 2001. 345 s.
16. Kalmykov V.V. Miliciya Yuzhnogo Urala v period poslevoennogo vosstanovleniya narodnogo hozyajstva: 1945–1953 [South Ural Militia during After-War Reconstruction of the National Economy]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2009. 24 s.
17. Molotov, Malenkov, Kaganovich. 1957. Stenogramma iyun'skogo Plenuma CK KPSS i drugie dokumenty [Molotov, Malenkov, Kaganovich. 1957. Transcript of the June Plenary of the Central Committee of the CPSU] / sost. N. Kovaleva i dr.; pod red. A.N. Yakovleva. M.: Demokratiya; Stanford: Hoover Institution on War, Revolution and Peace, 1998. S. 758.
18. Kokurin A., Morukov Y. Gulag: struktury i kadry. Stat'ya dvadcat' vtoraya [GULAG: Structure and Staff. Article 22] // *Svobodnaya mysl' – XXI*. 2001. № 9. S. 97–122.
19. Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR (1953–1991 gg.): v 2 ch. [Collection of Documents on the USSR and RSFSR History of Criminal Law (1953–1991): in 2 parts] / sost. N.S. Zaharov, V.P. Malkov. P. 1. Zakonodatel'stvo SSSR. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1992. 269 s.
20. Ob'edinyonnyj Gosudarstvennyj Arhiv Chelyabinskoy Oblasti (OGACHO) [United State Archive of Chelyabinsk Oblast (further on USACR)]. F. P-288. Op. 17. D. 149. L. 177.
21. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 16. D. 140. L. 37.
22. Informacionnyj centr GUV D po Chelyabinskoy oblasti. Otchetny nachal'nika gorodskogo upravleniya milicii Chelyabinska za 1950–1954 gg [Information Centre of the GUV D in Chelyabinsk Oblast. Reports of the Head of the City Militia Department of Chelyabinsk during 1950–1954]. L. 65.
23. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 25. D. 300. L. 33.

Valeriy V. Kalmykov – Cand. Sc. (History), Military Educational and Scientific Center of Air Force Academy, Chelyabinsk branch (Chelyabinsk), e-mail: v.v.k-v@mail.ru

Vladimir N. Kovin – Cand. Sc. (History), Military Educational and Scientific Center of Air Force Academy, Chelyabinsk branch (Chelyabinsk), e-mail: vladimirkovin@mail.ru

Received March 22, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Калмыков, В. В. Амнистия 1953 года в Челябинской области: осуществление и борьба с последствиями / В. В. Калмыков, В. Н. Ковин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 15–22. DOI: 10.14529/ssh230202

FOR CITATION

Kalmykov V. V., Kovin V. N. The 1953 Amnesty in Chelyabinsk Region: Implementation and Fight with Consequences. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 15–22. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230202

УСЛОВИЯ ТРУДА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПЕРСОНАЛА ТРАМВАЕВ В ГОРОДАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1930-е гг.

Ю. Н. Кожушко

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова,
г. Магнитогорск, Российская Федерация*

Важной характеристикой уровня развития общества являются материальные условия быта и труда людей. Цель исследования – выявить основные факторы, оказывавшие влияние на работников трамвая в процессе каждодневного труда в Челябинске, Златоусте, Магнитогорске в 1930-е гг. На основе материалов из федеральных и региональных архивов и публицистической печати в работе представлены основные производственные характеристики трамвайного хозяйства РСФСР, проанализированы эксплуатационные характеристики подвижного состава, условия труда в депо и на линии движения, влияние человеческого фактора в 1930-е гг. на работу трамвая в городах Челябинской области. Исторические источники проанализированы через призму истории повседневности, в качестве базового метода использован case-study. Автор показал, что совокупное влияние достаточно суровых природно-климатических условий, отсутствие оборудованных мест работы, инструментов, материалов приводило к превышению продолжительности рабочей смены, постоянной текучести кадров. Обстоятельства условий труда диктовались общим уровнем технической оснащенности и уровнем развития отрасли. Выявленные в ходе исследования факторы, влиявшие на условия труда в трамвайных хозяйствах городов Челябинской области, в силу типичности ситуации позволяют использовать их для характеристики общей ситуации в 1930-е гг. в сфере работы трамвая в городах РСФСР (кроме ситуации в Москве и Ленинграде).

Ключевые слова: производственная повседневность, городской электрический транспорт, история трамвая, case-study, Златоуст, Магнитогорск, Челябинск, условия труда.

Введение

В XX в. трамвай окончательно стал непременным атрибутом городской жизни. За техническими вагонами и регулярными рейсами сделалась незаметной работа людей, принимавших и принимающих участие в становлении и развитии трамвая. Ежедневное движение трамваев обеспечивал производственный персонал служб, в который входили водители трамваев, кондукторы, работавшие на линии движения, а также слесари, токари и другие работники депо. Их условия труда будут рассмотрены в данной статье. Эффективность функционирования трамвая зависела от внешних и внутренних обстоятельств работы производственного персонала. В связи с этим одним из важных вопросов является вопрос о том, какой ценой была отлажена четкая и регулярная работа трамваев, в каких условиях и как работали люди, отлажившие для потомков это движение. Ввиду нахождения трамвая в фокусе технических и социально-гуманитарных наук одновременно, дать ответ на этот вопрос позволит обращение к любой локальной истории трамвая. В данной статье обратимся к истории трамвая в Челябинской области. Города Челябинской области, имевшие трамвай в исследуемый период, – Челябинск, Златоуст, Магнитогорск. Территориальные рамки данного исследования репрезентативны ввиду общих особенностей развития, схожих с другими городами Урала и Сибири. Хронологические рамки исследо-

вания – 1930-е гг.¹ – период, в который были налажены производственные и управленческие механизмы функционирования городского электротранспорта в РСФСР.

Обзор литературы

История трамвая оказалась привлекательной темой для представителей социально-гуманитарных наук, географов, работников городского электротранспорта. К настоящему времени написаны тексты об истории трамвая в Киеве, Москве, Магнитогорске, Нижнем Новгороде и других городах, а также регионах Центрального Черноземья и Башкортостана. В советской историографии основной акцент при изучении трамвая был сделан на его технологических и инфраструктурных характеристиках [1]. Большой вклад в популяризацию истории трамвая внёс журналист Я. Г. Годес, под редакцией которого издано несколько книг с описанием опыта работников трамвая Ленинграда, а в 1982 г. – популярная монография о трамвае [2].

Начавшийся в гуманитарных науках с начала 1990-х антропологический поворот затронул исследования истории трамвая, которые стали расходиться по направляющим: история техники и предприятий и история взаимоотношений людей на транспорте. Исследователи продолжили составлять краткие исторические экскурсы в историю трамвая, рассматривали развитие трамвайной сети

¹ Первый трамвай в Челябинске был пущен в 1932 г. (сам город был основан в 1736 г.), в Златоусте – в декабре 1934 г. (год основания Златоуста – 1754 г.), в Магнитогорске пуск трамвая состоялся в 1935 г. (год основания Магнитогорска – 1929 г.).

[3, с. 21, 22]. Параллельно И. Б. Орлов перечислил базовые характеристики работы трамвайных парков в РСФСР в 1917–1941 гг. [4, с. 149], а А. В. Горшенев на материалах Среднего Поволжья сформулировал факторы развития трамвая в 1941–1950 гг. [5]. Исследовательские коллективы под руководством М. Н. Потёмкиной и М. В. Грязнова дополнили историографию трамвая анализом пространства вагона [6], кадрового состава управления трамвая в Магнитогорске [7].

В зарубежной историографии трамвай рассматривался преимущественно в рамках урбанистики, концентрировавшей в себе методы социологии, истории, культурологии, архитектуры. В связи с «инфраструктурным поворотом» акцент в исследованиях сместился на влияние трамвайных коммуникаций на городское пространство [8]. Условия труда работников трамвая были представлены скорее эпизодически, на фоне больших процессов, например, в работе Д. Боуи – как часть рабочего движения [9, с. 119].

Подводя итог обзору литературы, следует заметить, что подавляющее большинство работ посвящено развитию трамвая локально, усилиями исследователей реконструированы даты пуска трамвайных линий в каждом из городов России, первые трудности работы трамвая, эксплуатируемый подвижной состав, описаны экономические аспекты функционирования трамвая, что может служить основой для понимания ежедневных проблем, с которыми сталкивались работники трамвая в 1930-е гг. Однако производственная повседневность и условия труда работников трамвая, фрагментарно представленные в вышеперечисленных работах, относятся к наименее изученным темам в отечественной историографии.

Методы исследования

Статья написана на основе материалов из Государственного архива Российской Федерации и Объединенного государственного архива Челябинской области, данных городских газет «Челябинский рабочий», «Магнитогорский рабочий», «Пролетарская мысль». Особенность источниковой базы – фрагментарность – преодолевалась за счет параллельного рассмотрения ситуаций в трех городах. Основной тип документов – делопроизводственная документация: протоколы партийных совещаний, справки и информации, отчеты по годам. Для выявления наиболее частотных ситуаций, с которыми приходилось сталкиваться работникам трамвая, проанализированы нормативно-правовые акты – инструкции для вагоновожатых и кондукторов, постановления Министерства жилищно-коммунального хозяйства, Главного управления трамвая.

Исследование основано на методологических установках социологии города с привлечением теоретических положений истории повседневности. Концепт «производственная повседневность»

позволяет подчеркнуть влияние не только человека, но и трамвайной инфраструктуры на конструирование социального порядка. Это в свою очередь дает возможность вслед за идеями В. Вахштайна «...выделить функциональные модулы, в которых вещи “собирают” повседневную социальность, создать новый язык мышления о взаимодействиях...» [10]. Из многообразия проявлений производственной повседневности в человеческой обыденности [11] фокус данной работы сосредоточен на условиях труда, составляющих основу производственной повседневности и являющихся индикатором уровня развития общества в целом. Базовым методом исследования стал case-study, в рамках которого проведено сравнение производственных процессов трамвайного хозяйства РСФСР с трамвайными хозяйствами Челябинска, Златоуста, Магнитогорска. Для удобства анализа в работе выделены и последовательно рассмотрены базовые характеристики условий труда производственного персонала трамвайных парков: общее состояние производственных процессов в трамвайном хозяйстве РСФСР; техническое состояние трамвайного парка и эксплуатационные особенности вагонов; служба, в которой работал человек; человеческий фактор и продолжительность рабочей смены.

Результаты и дискуссия

Трамвайное хозяйство РСФСР на 1931 г. имелось в 29 городах [12, л. 3]. К началу 1941 г. трамвайные управления располагались в 46 городах РСФСР, подавляющее большинство трамвайных управлений относилось к системе Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР, кроме Магнитогорска, Нижнего Тагила, Кемерово, которые были под ведомством Народного комиссариата тяжелой промышленности. Сравнение конъюнктурных обзоров Главного управления трамваев и троллейбусов за 1917–1937, 1935 и 1940 гг. демонстрирует общую тенденцию: в большинстве городов трамвайные парки являлись не только местом для осмотра и ночной стоянки вагонов, но и ремонтной базой, что отрицательно сказывалось на качестве и своевременности ремонта. В Молотове, Казани, Архангельске, Уфе и др. городах на начало 1941 г. трамвайные парки не отапливались [13, л. 1].

По оценкам Главного управления трамваев и троллейбусов пути и подвижной состав РСФСР на конец 1940 г. находились в неудовлетворительном состоянии. В ряде городов в 1940 г. наблюдались перерывы в снабжении электричеством, падение напряжения в сети, что привело к снижению эксплуатационной скорости вагонов. Годовой план по коэффициенту использования подвижного состава за 1940 г. по городам РСФСР не был выполнен большинством трамваев, за исключением трамваев в Златоусте, Иванове, Курске, Новороссийске, Омске, Оренбурге, Пятигорске, Таганроге

[14, л. 11]. Коэффициент использования подвижного состава, вычисляемый как отношение количества транспортных средств, находящихся в движении, к числу транспортных средств в наличии, демонстрирует степень пригодности к эксплуатации трамвайных парков (рис. 1). Коэффициент по трамваям РСФСР и коэффициенты по городам Челябинской области за 1930-е гг. не достигли 90 %, что иллюстрирует несоответствие между техническим состоянием трамваев, качеством их ремонта и потребностями общества.

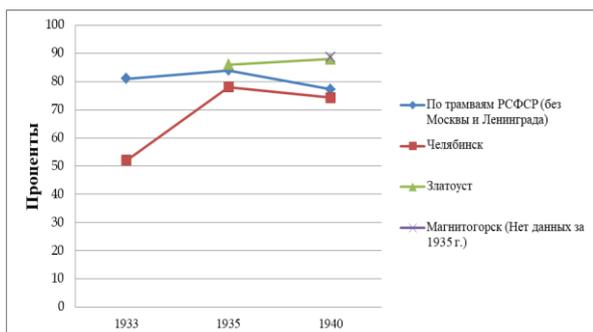

Рис. 1. Коэффициент использования подвижного состава [12, л. 3; 14, л. 12; 15, л. 27; 16, с. 5, 6]

Fig. 1. Rolling stock utilization rate [12, p. 3; 14, p. 12; 15, p. 27; 16, p. 5, 6]

Среди основных проблем работы трамвайного хозяйства РСФСР Главное управление трамваев выделяло [14, л. 12, 13, 16] неудовлетворительное содержание подвижного состава, плохое качество осмотра и ремонта вагонов, недовыпуск вагонов на линию из-за недостатка электроэнергии и вагонных бригад, недостаточное техническое руководство и неумение организовывать ремонты в соответствии с технологиями, недостаточное снабжение трамваев материалами, запасными частями и электрооборудованием, отсутствие в некоторых трамваях надлежащей ремонтной базы, что в свою очередь приводило к простоям вагонов и долгому ожиданию ремонта вагонов.

В 1930-е гг. в трамвайных парках Челябинской области использовались две стандартные модели трамвая: моторные серии «Х» и прицепные серии «М» Мытищинского машиностроительного завода (с 1937 г. – Усть-Катавского завода в Челябинской области). По отзывам обслуживающего персонала, вагоны этих серий были довольно неприхотливы в эксплуатации, имели высокую ремонтпригодность и надёжность. К недостаткам вагонов относилось отсутствие отопления, стеклоочистителя, обдува и обогрева стекла. Постоянно запотевающие стёкла приходилось часто очищать вручную [7, с. 60–61], для протирания замёрзших стекол водители трамвая могли приносить из дома мешочек соли [17, с. 15] или очищать их абразивными «шкурками», что за осень и зиму делало стекла настолько исцарапанными, что их приходилось снова менять [18, л. 98]. Т. И. Крамская, ра-

ботавшая водителем трамвая в Харькове с конца 1950-х гг. и заставшая вагоны типа «Х», в своих воспоминаниях перечисляла профессиональные заболевания водителей трамвая: радикулит, шипы на локтевом суставе левой руки (локтем приходилось тереться о металлический корпус контролера) [17, с. 15]. Еще одна особенность вагонов серии «Х» и серии «М» – отсутствие специализированной скамейки из-за чего водитель трамвая работал всю смену стоя. В Челябинском Управлении трамвая в 1935 г. вагоновожатым дополнительно ставили скамейки, однако общее число скамеек в трамвайном парке было в разы меньше общего числа эксплуатируемых трамваев, поэтому распространенной практикой стало тайное перетаскивание скамеек из одного трамвая в другой [18, л. 97].

В вагонах отсутствовала система отопления [7, с. 59], время от времени выпадали стекла [18, л. 97–99], что, с учетом достаточно суровых зим в Челябинской области, создавало значительное неудобство для водителя и кондуктора, работавших фактически всю смену при уличной температуре [7, с. 60–61]. В Магнитогорске зимой на конечных разворотных кольцах жгли костры, в которых разогревали кирпичи или камни, а затем укладывали на пол кабины. За рейс камень остывал, на кольцо его заново меняли [7, с. 59, 60]. Такой метод позволял хоть немного обогреть ноги и как-то повысить комфорт вождения. Похожий выход из ситуации нашли работники трамвая и в других городах РСФСР. Например, в Курске, «...чтобы согреться, кондуктор брался за поручень и бежал рядом с трамваем, а некоторые пассажиры даже снимали свои перчатки и давали кондуктору, чтобы согреть ему руки. Вагоновожатые в диспетчерских на конечных станциях нагревали на печках кирпичи, а затем клали около контроллера в вагоне их себе под ноги» [19, с. 96]. В Магнитогорске во второй половине 1930-х гг. проблему с обогревом площадок кондукторов в вагонах пытались решить, устанавливая ламповые печи, запитанные от цепей тягового электродвигателя, что несло дополнительную опасность для жизни персонала [20, с. 4].

Самым неудобным для водителя было отсутствие перегородки кабины. Водитель воспринимал все неудобства давки переполненного салона, что отражалось на его психологическом состоянии, повышало утомляемость и снижало уровень безопасности движения [7, с. 61]. Только со второй половины 1940-х гг. в городах РСФСР в ходе модернизации стандартных вагонов на передней площадке установили перегородку, отделившую вагоновожатого от пассажиров, а сами площадки утеплили за счёт обшивки крыши и нижнего пояса, обшивки вагонкой и фанерой салона трамвайного вагона. Стандартные вагоны «Х» и «М» работали в пассажирском движении РСФСР до начала 1970-х гг. [19, с. 93].

Условия работы различались в зависимости от служб. Наиболее тяжелыми были условия работы служб пути, подвижного состава и службы движения, которым приходилось работать на улице или в неотапливаемых помещениях. Челябинское управление трамваем, понимая, что к моменту пуска трамвайного движения по городу депо не будут обустроены полностью, в инструкции 1931 г. запрещало вагоновожатым курить, разговаривать, пить или есть во время движения вагона, однако на окраинах города, где уличное движение было менее интенсивным, правила имели послабления [21, с. 2]. До ноября 1935 г. Челябинский трамвай располагал только временным тупиковым неотапливаемым парком, переделанным из бывшего котельного помещения старой городской электростанции. Мастерские по ремонту трамвая в Челябинске были организованы лишь в 1935 г. и оборудованы в большинстве случаев старыми, бракованными станками [15, л. 26–27]. Почти через три с половиной года после начала работы трамвайного депо в Челябинске, в ноябре 1935 г., построили новый осмотровый цех, который снабдили временной проводкой и не оборудовали отоплением. Окончательное оборудование цеха намечалось на 1936 г., однако судя по архивным материалам 1940-х гг. [22, л. 222, 238] проблемы с созданием комфортных условий труда оставались значимыми и после 1930-х гг. Только в 1940 г. в Челябинском депо был построен душ на четыре кабины (при среднем количестве работников всего управления трамваем в районе 400 человек), на территории парка открыли магазин для всех служб и при управлении треста открыли буфет с горячими обедами с обслуживанием работников службы пути, тока и других отделов [23, л. 3].

В Магнитогорске строительство трамвайного депо было завершено через год после пуска первого трамвая. В ремонтных мастерских не было станков, а механический и электрический ремонт временно возлагались на профильные цеха комбината. До укомплектования ремонтных мастерских заказы по механическому ремонту вагонов и изготовлению деталей вне очереди предписано выполнять машинопрокатной базе. Однако строительство трамвайного депо, паркового веера и помещений для отдыха поездных бригад в Магнитогорске в целом было закончено уже в 1936 г. [7, с. 30].

В первый год работы трамвайного движения в Златоусте трамвайный парк и мастерские отсутствовали. Постройка парка откладывалась на 1936 г., а установка мастерских на более дальние даты [15, л. 26–27]. Ремонтные ямы не соответствовали требованиям и в дождливые периоды постоянно были наполнены водой [24, л. 24, 28]. Часто работники трамвая болели, видимо, поэтому Управление трамваем Златоуста связывало с пуском котельной уменьшение заболеваемости. Паровое отопление с большими трудностями было запущено только

в 1940 г. [25, л. 4]. Крайними реакциями рабочих на необеспеченность условий работы требованиям охраны труда являлись невыходы на работу, отказы принимать трамвай, частые увольнения.

Одна из важных задач в организации благоприятных условий работы трамвая – подготовка к зимнему периоду эксплуатации. Отчеты управлений трамваем Златоуста и Челябинска, газетные статьи «Магнитогорского рабочего» изобиливали сообщениями типа: «к зиме трест не готовился» [24, л. 56]. Недокомплект рабочих материалов усугублялся необеспеченностью рабочих зимней спецодеждой (особенно – валенками), при том, что температура наружного воздуха могла быть в районе $-40\text{ }^{\circ}\text{C}$ – $-45\text{ }^{\circ}\text{C}$ [23, л. 2]. Управление Златоустовского трамвая, пытаясь соблюсти условия охраны труда, покупало теплую одежду на частных рынках, хотя эта мера не позволяла закрыть вопрос с обеспечением полностью [26, л. 4]. На наш взгляд, проблема была системной – в период индустриализации 1930-х гг. происходило становление многих отраслей промышленности Челябинской области как самостоятельных, наблюдался дефицит всех предметов, инструментов, материалов.

Проблемы, с которыми сталкивались водители трамваев на линии движения, а именно: отсутствие освещения путевого полотна, в зимнее время – снежные заносы путей [27, с. 2], приводили к сходам вагонов с рельс, авариям и несчастным случаям. Например, в Златоусте за 1940 г. из 12 несчастных случаев 3 закончились смертельным исходом, 2 раза за год вагоны сошли с рельс [25, л. 8]. Сравнение числа сходов с рельс за 1936 г. с 1940 г. показывают уменьшение количества сходов с рельс в каждом из городов (рис. 2). Это особенно важно, учитывая рост трамвайного парка за 1930-е гг.

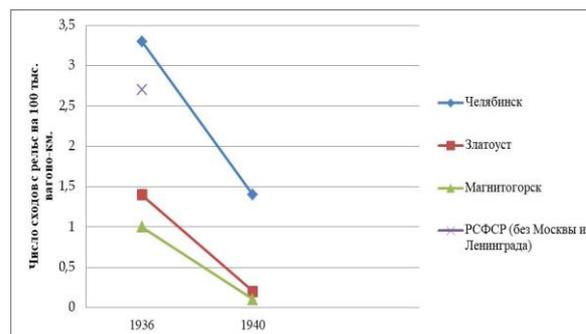

Рис. 2. Число сходов с рельс на 100 тыс. вагоно-километров за 1936 г. и 1940 г. [29, л. 3–5; 16, с. 17–18]

Fig. 2. Number of derailments per 100,000 wagon kilometers in 1936 and 1940 [29, p. 3–5; 16, p. 17–18]

Список факторов, оказывавших влияние на работников трамвая, проявляющихся в архивных документах, на наш взгляд, нельзя назвать исчерпывающим. Плотный график, нехватка времени на отдых, временные ограничения движения,

постоянная забота о безопасности, вероятность общения с агрессивными пассажирами, необходимость ездить по одному и тому же маршруту и соблюдать график движения – эти факторы вполне можно экстраполировать и на водителей, работавших в трамваях в 1930-е гг. в Челябинской области [28, с. 1, 5].

Тяжелые условия труда, необорудованные рабочие места и низкие заработные платы приводили к частым нарушениям трудовой дисциплины и увольнениям, что демонстрирует показатель «текучесть кадров» в представленной ниже таблице. Количество уволенных и вновь принятых на работу за 1940 г. в Златоусте примерно сопоставимо, а в челябинском управлении трамваем количество уволенных превысило количество принятых на работу в том же году (см. табл.). В свою очередь недостаток профессиональных знаний у вновь нанятых работников мог создавать повышенную напряженность внутри коллектива и приводил к превышению скоростного режима водителями трамвая, сходам с рельс, авариям [24, л. 15]. А дефицит квалифицированных кадров, недокомплект вагонов в парке приводили к выпуску на линию неисправных вагонов [26, л. 59; 30, с. 3], которые по мере сил приходилось исправлять в пути водителю трамвая и кондуктору, или, если это было невозможно – возвращать неисправный вагон в депо, встречая негативные реакции пассажиров. В депо же наблюдались случаи кражи инструмента, осмотры вагонов проводились нерегулярно [31, с. 3].

Таблица
Показатели текучести рабочей силы в трамвайных
управлениях по городам Челябинской области за 1940 г.
[23, л. 2; 25, л. 30]

Table
Indicators of labor turnover in the tram departments
in the cities of the Chelyabinsk region for 1940

Город	Принято на работу в 1940 г.	Уволено с работы в 1940 г.
Челябинск	886 чел.	892 чел.
Златоуст	214 чел.	199 чел.
Магнитогорск	Нет данных	Нет данных

Одним из основных показателей положения рабочих городского электротранспорта являлась продолжительность рабочей смены в трамвайных парках городов Челябинской области. Рабочая смена длилась порой более 8 часов [7, с. 60–61]. Выходных дней у работников было мало, отпуска и путевки не давали [19, с. 96]. В Златоусте в 1930-е гг. многие работники трамвая, особенно кондукторы, работали без выходных дней, больше одной смены в день [32, с. 3]. Нехватка персонала приводила к тому, что работники не всегда имели возможность вовремя сдать смену [18, л. 97–105]. Сменные бригады могли не выйти на место работы, и тогда работающая на линии

движения бригада самостоятельно шла в парк. Служебные инструкции запрещали сдавать вагон пришедшему нетрезвым водителю трамвая, в этом случае также должна была остаться на линии работающая бригада [21, с. 10; 33, с. 11]. Инструкция для вагоновожатых Златоуста 1935 г. указывала минимальное время явки на рабочее место – за 10 минут до времени указанного в расписании – и предписывала водителям в случае неявки сменного водителя сделать еще максимум два рейса [33, с. 10, 11]. Об интенсивном использовании рабочей силы косвенно свидетельствуют и перерасходы фондов заработной платы.

Выводы

Условия труда работников трамвая определялись общим уровнем технического состояния трамвайных парков, который находился на предельной отметке и едва позволял удовлетворять возрастающие потребности общества. Строительство трамвайных парков и мастерских запаздывало относительно времени пуска первых трамваев, а снабжение запасными частями и материалами не соответствовало запросам трамвайных хозяйств. Эксплуатационные особенности вагонов накладывали дополнительные сложности в работе и требовали улучшения конструкции трамвая. Условия труда были тяжелыми и усугублялись в зависимости от служб, доходя до пика у службы движения, на которую одновременно сильно влияли природные, технологические, антропогенные факторы. Дополнительные трудности вызывали природно-климатические условия городов Челябинской области. Низкая квалификация работников, в отдельных случаях – девиантное поведение, общая усталость от не соответствующих требованиям техники безопасности условий труда приводили к постоянной текучести кадров.

Базовые характеристики условий труда работников трамвайных парков демонстрируют, что трамвайное хозяйство Челябинской области и РСФСР в целом находилось в процессе становления. Обстоятельства условий труда диктовались общим уровнем технической оснащенности и уровнем развития отрасли. Выявленные характеристики условий труда в городах Челябинской области позволяют подтвердить гипотезу о типичности условий труда в трамвайных хозяйствах городов Челябинской области и иллюстрируют ситуацию в сфере развития трамвая по российской провинции в 1930-е гг.

Литература

1. Киевский коммунальный трамвайный трест. Киевский трамвай за сорок лет. 1892–1932. – Киев : Киевск. трамвайн. трест, 1933. – 159 с.
2. Годес, Я. Г. Этот новый старый трамвай / Я. Г. Годес. – Л. : Лениздат, 1982. – 159 с.

3. Розалиев, В. В. История трамвая и троллейбуса Ярославля / В. В. Розалиев. – М. : Изд. центр РГГУ, 2002. – 522 с.
4. Орлов, И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 317 с.
5. Горшенин, А. В. Городской транспорт Среднего Поволжья в 1941–1950 гг. / А. В. Горшенин. – Самара : Офорт, 2018. – 328 с.
6. Potemkina, M. Public Transport and Soviet Industrialisation: The Tram Service in the Socialist City of Magnitogorsk (USSR) / M. Potemkina, M. Gryaznov, T. Pashkovskaya // *Industrial Archaeology Review*. – № 43 (1). – P. 65–74.
7. Потемкина, М. Н. Магнитогорский трамвай: документы, статистика, воспоминания : монография : в 3 т / М. Н. Потемкина, Е. А. Тимофеев, М. В. Грязнов ; под ред. д-ра ист. наук М. Н. Потемкиной. – Ч. 1: Становление, война, послевоенные годы (1930–1955 гг.). – Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати, 2018. – 204 с.
8. Petkov, D. Introduction. In: *Tramway Renaissance in Western Europe. Studien zur Mobilitäts- und Verkehrsforschung* / D. Petkov // Springer VS, Wiesbaden. – 2020. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-658-28879-2_1 (дата обращения: 12.12.2022).
9. Bowie, D. Reform and revolt in the city of dreaming spires: radical, socialist and communist politics in the City of Oxford – 1980 / D. Bowie. London : University of Westminster Press. – 2018. – 353 p. – URL: <https://www.loc.gov/item/2020719404/> (дата обращения: 12.12.2022).
10. Вахштайн, В. С. Воображая город Введение в теорию концептуализации / В. С. Вахштайн. – М. : Новое литературное обозрение, 2022. – URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/67316898/94012149/&art=67316898&user=142246841&uilang=ru&catalit2&track_reading (дата обращения: 2.10.2022).
11. Володина, Н. Н. Производственная повседневность тюменских рабочих в 1945–1965 гг.: на примере завода «Механик» : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. Н. Володина. – Тюмень, 2012. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_010193075/?ysclid=laljjmalli768417727 (дата обращения: 2.10.2022).
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А-314. – Оп. 1. – Д. 6118.
13. ГАРФ. – Ф. А-314. – Оп. 1. – Д. 6471.
14. ГАРФ. – Ф. А-314. – Оп. 1. – Д. 6390.
15. ГАРФ. – Ф. А-314. – Оп. 1. – Д. 2214.
16. Сажин, Л. Д. Основные показатели работы трамваев в городах СССР за 1940–1945 гг. и троллейбусов за 1940 год / Л. Д. Сажин. – М. : Горьковский завод трамваев, 1947. – 64 с.
17. Крамская, Т. И. Водитель трамвая : [Рассказ водителя Ленинского дело Харьк. трамвайно-троллейбус. упр.] / Т. И. Крамская ; [Лит. запись М. И. Юрченко]. – Харьков : Прапор, 1986. – 52 с.
18. Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. П-288. – Оп. 1. – Д. 335.
19. Настенко, А. В. Путь через три века. К 120-летию Курского трамвая / А. В. Настенко. – Белгород : Константа, 2018. – 280 с.
20. Непорядки в трамвайном парке // Магнитогорский рабочий. – 1938. – 26 января. – С. 4.
21. Челябинский электрический трамвай. Инструкция для вагоновожатых Челябинского городского электрического трамвая. – [Б. м.] : [б. и.], 1931. – 63 с.
22. ГАРФ. – Ф. А-314. – Оп. 2. – Д. 4121.
23. ГАРФ. – Ф. А.-314. – Оп. 1. – Д. 6419.
24. ОГАЧО. – Ф. 679. – Оп. 1. – Д. 7.
25. ГАРФ. – Ф. А-314. – Оп. 1. – Д. 6402.
26. ОГАЧО. – Ф. 679. – Оп. 1. – Д. 3.
27. Осветить трамвайную линию // Магнитогорский рабочий. – 1937. – 22 августа. – С. 2.
28. Onninen, J. The self-reported stress and stressors in tram and long-haul truck drivers / J. Onninen, M. Pylkkönen, T. Hakola, S. Puttonen, J. Virkkala, A. Tolvanen, M. Sallinen // *Applied Ergonomics*.
29. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 14. – Д. 248.
30. Соколов М. Бракоделы из трамвайного парка / М. Соколов // Пролетарская мысль. – 1938. – 9 декабря. – С. 3.
31. ГАРФ. – Ф. А-314. – Оп. 1. – Д. 6344.
32. Соколов М. Трудовая дисциплина развалена / М. Соколов // Пролетарская мысль. – 1940. – 21 мая. – С. 3.
33. Златоустовский городской трамвай. Инструкция вагоновожатому / Служба движения. – Златоуст : «П. М.», 1935. – 51 с.

Кожушко Юлия Николаевна – аспирант, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (Магнитогорск), e-mail: y_kozhushko@mail.ru. ORCID: 0000-0001-9859-4991

Поступила в редакцию 8 января 2023 г.

WORKING CONDITIONS OF PRODUCTION PERSONNEL OF THE TRAMS IN THE CITIES OF THE CHELYABINSK REGION IN THE 1930s

J. N. Kozhushko

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation

An important characteristic of the level of development of society is the material conditions of the life and work of its people. The relevance of the study is due to the ability to identify the conditions which primarily determined the efficient operation of urban electric transport based on analysis of historical sources. The purpose of the study is to identify the main factors which influenced tram workers in their daily work in Chelyabinsk, Zlatoust, Magnitogorsk in the 1930s. On the basis of materials from Federal and Regional archives and journalistic press, the paper presents the main production characteristics of the tram economy of the RSFSR. It analyzes the operational characteristics of the rolling stock, working conditions in the depot and on the traffic lines, and the influence of the human factor in the 1930s on the working of the trams. Historical sources were analyzed through the prism of the history of everyday life. The methodology was based on case-studies. The author shows that the cumulative effect of the harsh natural and climatic conditions, the lack of equipped work places, tools, and materials led to excessively long working shifts, and constant personnel turnover. The circumstances of working conditions were dictated by the general level of technical equipment of the time and the level of development of the industry. The factors identified in the course of the study which influenced the working conditions in the tram facilities of the cities of the Chelyabinsk region enabled the general situation in the 1930s in the field of trams in the cities of the RSFSR to be characterised (with the exception of Moscow and Leningrad).

Keywords: production everyday life, tram history, case-study, Zlatoust, Magnitogorsk, Chelyabinsk, working conditions.

References

1. Kievskii kommunal'nyi tramvainyi trest. Kievskii tramvai za sorok let. 1892–1932 [Kiev Municipal Tramway Trust. Kiev Tram for Forty Years. 1892–1932]. Kiev: Kievskii tramvainyi trest, 1933. 159 s.
2. Godes I. Etot novyi staryi tramvai [This New Old Tram]. L.: Lenizdat, 1982, 159 s.
3. Rozaliev V.V. Istoriia tramvaia i trolleibusa Iaroslavl'ia [The History of the Tram and Trolleybus of Yaroslavl]. M.: Izd. tsentr RGGU, 2002, 522 s.
4. Orlov I.B. Sovetskaia povsednevnost': istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniia [Soviet Everyday Life: Historical and Sociological Aspects of Formation]. M.: HSE University Publishing House, 2010, 317 s.
5. Gorshenin A.V. Gorodskoi transport Srednego Povolzh'ia v 1941–1950 gg. [Urban Transport of the Middle Volga Region in 1941–1950]. Samara: Ofort, 2018. 328 s.
6. Potemkina M., Gryaznov M., Pashkovskaya T. Public Transport and Soviet Industrialisation: The Tram Service in the Socialist City of Magnitogorsk (USSR) // *Industrial Archaeology Review*. № 43 (1). P. 65–74.
7. Potemkina M.N., Timofeev E.A., Griaznov M.V. Magnitogorskii tramvai: dokumenty, statistika, vospominaniia. Vol. 1 Stanovlenie, voina, poslevoennye gody (1930 – 1955 gg.) [Magnitogorsk Tramway: Documents, Statistics, Memoirs]. Magnitogorsk: Magnitogorskii Dom pečati, 2018. 204 s.
8. Petkov D. Introduction. Tramway Renaissance in Western Europe. Studien zur Mobilitäts- und Verkehrsforschung // Springer VS, Wiesbaden. 2020. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-658-28879-2_1 (data obrashcheniya: 2.10.2022).
9. Bowie Duncan Reform and Revolt in the City of Dreaming Spires: Radical, Socialist and Communist Politics in the City of Oxford, 1980. London: University of Westminster Press, 2018. 353 s. URL: <https://www.loc.gov/item/2020719404/> (data obrashcheniya: 12.12.2022).
10. Vakhshtain V. Voobrazhaia gorod Vvedenie v teoriuu kontseptualizatsii [Imagining the City Introduction to the Theory of Conceptualization]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/67316898/94012149/&art=67316898&user=142246841&uilang=ru&catallit2&track_reading (data obrashcheniya: 2.10.2022).

11. Volodina N.N. Proizvodstvennaia povsednevnost' tiemenskikh rabochikh v 1945–1965 gg.: na primere zavoda «Mekhanik» [Industrial Daily Life of Tyumen Workers in 1945–1965 (On the Example of the Factory «Mechanic»): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tiumen', 2012. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_010193075/?ysclid=laljjmalli768417727 (data obrashcheniya: 2.10.2022).
12. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F. A-314. Op. 1. D. 6118.
13. GARF [SARF]. F. A-314. Op. 1. D. 6471.
14. GARF [SARF]. F. A-314. Op. 1. D. 6390.
15. GARF [SARF]. F. A-314. Op. 1. D. 2214.
16. Sazhin L.D., Koroljova T.K. Osnovnye pokazateli raboty tramvaev v gorodakh SSSR za 1940–1945 gody i trolleybusov za 1940 god [The Main Indicators of the Work of Trams in the Cities of the USSR for 1940–1945 and Trolleybuses for 1940]: stat. spravochnik. M.: Gormashuchjot, 1947. 64 s.
17. Kramskaia T.I. Voditel' tramvaia: [Rasskaz voditelia Leninskogo delo Khar'k. tramvaino-trolleibus. upr.] [The Tram Driver: [The Story of the Driver of the Leninsky Case Kharkiv. Tram and Trolleybus Department]]. Kharkov: Prapor, 1986. 52 s.
18. Ob"edinennyi gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO) [United State Archive of Chelyabinsk Region (USACR)]. F. P-288. Op. 1. D. 335.
19. Nastenko A.V. Put' cherez tri veka. K 120-letii Kurskogo tramvaia [The Way through Three Centuries. To the 120th Anniversary of the Kursk Tram]. Belgorod: Konstanta, 2018, 280 s.
20. Neporiadki v tramvainom parke [Irregularities in the Tram Park] // *Magnitogorskii rabochii*. 1938. 26 January. s. 4.
21. Cheliabinskii elektricheskii tramvai [Chelyabinsk Electric Tram]. Instruksiia dlia vagonovozhatykh Cheliabinskogo gorodskogo elektricheskogo tramvaia. 1931. 63 s.
22. GARF [SARF]. F. A-314. Op. 2. D. 4121.
23. GARF [SARF]. F. A.-314. Op. 1. D. 6419.
24. OGACHO [USACR]. F. 679. Op. 1. D. 7.
25. GARF [SARF]. F. A-314. Op.1 D. 6402.
26. OGACHO [USACR]. F. 679. Op. 1. D. 3.
27. Osvetit' tramvainuiu liniuu [Light up the Tram Line] // *Magnitogorskii rabochii*. 1937. 22 August. S. 2.
28. Onninen J., Pylkkönen M., Hakola T., Puttonen S., Virkkala J., Tolvanen A., Sallinen M. The Self-Reported Stress and Stressors in Tram and Long-Haul Truck Drivers // *Applied Ergonomics*.
29. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE) [The Russian State Archive of the Economy (RSAE)]. F. 1562. Op. 14. D. 248.
30. Sokolov M. Brakodely iz tramvainogo parka [Brakodely from the Tram Park] // *Proletarskaia mysl'*. 1938. 9 December. S. 3.
31. GARF [SARF]. F. A-314. Op. 1. D. 6344.
32. Sokolov M. Trudovaia distsiplina razvalena [Labor Discipline Collapsed] // *Proletarskaia mysl'*. 1940. 21 May. S. 3.
33. Zlatoustovskii gorodskoi tramvai [Zlatoust City Tram]. Instruksiia vagonovozhatomu. Sluzhba dvizheniia. Zlatoust, P. M., 1935. 51 s.

Julia N. Kozhushko – Post-Graduate Student, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk), e-mail: y_kozhushko@mail.ru

Received January 8, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Кожушко, Ю. Н. Условия труда производственного персонала трамваев в городах Челябинской области в 1930-е гг. / Ю. Н. Кожушко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 23–30. DOI: 10.14529/ssh230203

FOR CITATION

Kozhushko J. N. Working Conditions of Production Personnel of the Trams in the Cities of the Chelyabinsk Region in the 1930s. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 23–30. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230203

ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА УРАЛЕ В 1909–1913 гг. В ОСВЕЩЕНИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

Ю. Д. Коробков¹, Н. С. Королев²

¹Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова,
г. Магнитогорск, Российская Федерация

²Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Российская Федерация

На основе изучения материалов уральской периодической печати либерального направления в статье рассматриваются различные аспекты политики самодержавия в области образования в регионе в период промышленного подъема 1909–1913 гг. Основное внимание уделяется таким проблемам уральской школы, как косвенное ограничение доступа к образованию детям из социальных низов из-за высокой стоимости обучения, хроническая нехватка школ и отсутствие необходимых условий для учебного процесса, особенно в сельской местности, строжайшая регламентация школьной и внешкольной жизни учащихся, формы их протестной активности против ужесточения правил обучения и нарушения их прав.

В ходе исследования авторы пришли к выводу, что все выступления учащихся носили академический характер, ограничиваясь рамками образовательного пространства, и не выходили на социально-экономические и политические проблемы локального, регионального и общероссийского уровней. Несмотря на рост потребности в образованных кадрах и усилия власти в этом направлении материалы газет показывают, что этого было недостаточно для повышения уровня грамотности и носило ярко выраженный охранительный характер, направленный на воспитание молодежи в духе лояльности к существующему режиму.

Ключевые слова: народное образование, Урал, самодержавие, регламентация, периодическая печать.

Введение

Одним из следствий промышленного подъема в России в 1909–1913 гг. стало увеличение потребности в грамотных рабочих кадрах, что невозможно было осуществить без принятия мер по развитию образования. Поэтому в послереволюционные годы значительно расширилось строительство начальных училищ, число которых в 1907–1915 гг. выросло на 74,6 % и составило 80801. Однако это был рост от крайне низкого уровня. Россия по-прежнему занимала одно из последних мест среди европейских стран в области народного образования. Если в Англии и Германии на каждые сто жителей приходилось 16 учащихся, во Франции – 14, в Италии – 8, то в России только 3,8. В 1913 г. расходы Министерства народного просвещения составили всего 4 % государственного бюджета. На одного жителя в год приходилось 80 к., в то время как в Бельгии, Англии, Германии 2 – 3 р. 50 к., в Америке – 9 р. 24 к. Ситуацию могло улучшить введение всеобщего обязательного начального образования, однако, несмотря на неоднократные обсуждения этого вопроса в Государственной Думе, закон так и не был принят.

Типичным примером политики царизма в области народного образования был Урал, представлявший собой настоящие «залежи безграмотности». По переписи 1897 г. грамотность населения в Оренбургской губернии составляла 20,4 %, в Пермской – 19,2 %, в Уфимской – 16,7 %, в Вятской – 16 %. В 1911 г. на 100 жителей Уфимской губернии, например, приходилось 2,6 ученика.

При изучении состояния народного образования в крае, как правило, используются «устоявшиеся», традиционные группы источников: материалы официальной статистики, различные издания министерства народного просвещения и учебных округов, мемуары деятелей просвещения. Большинство из них имеет официальное происхождение и в той или иной степени приукрашивает состояние дел в этой сфере. Поэтому формирование объективной картины требует обращения к альтернативным источникам. Одним из них является периодическая печать. Хотя на Урале в эти годы выходили газеты разных общественно-политических направлений (консервативные, центристские, либеральные), мы ограничились анализом либеральных изданий. Это связано с тем, что публикации газет другой идеологической ориентации, как правило, лишь иллюстрировали официальную точку зрения власти, лакировали ее политику и не публиковали на своих страницах «крамольную» информацию. В частности, в них не встречаются сведения о волнениях в учебных заведениях. Это повышает ценность оппозиционных изданий, к которым относится либеральная пресса. Тем более, в эти годы в уральских губерниях выходило немало газет либерального направления: «Уральский край», «Пермский край», «Вятская речь», «Голос Приуралья», «Степь», «Оренбургский край», «Оренбургская жизнь». С редакциями некоторых из них («Уральский край», «Голос Приуралья», «Степь», «Оренбургский край», «Оренбургская жизнь») сотрудничали социал-демократы.

Их публикации, многие из которых носили критический характер, дают богатый материал для изучения «школьной» политики правительства, вскрывают реальное состояние дел и обнажают наиболее острые проблемы в сфере народного образования.

Актуальность проблемы обусловлена также особенностями историографической ситуации, поскольку либеральная периодическая печать в качестве основного источника изучения народного образования на Урале не рассматривалась.

Обзор литературы

Противоречивая картина динамики развития образования и реального уровня грамотности населения страны привела к различным оценкам политики власти в этой сфере.

Советская историография народного образования на Урале в начале XX в. в целом основывалась на ленинской концепции дореволюционной школы как «школы муштры и зубрежки», в соответствии с которой ее развитие происходило благодаря не столько политике власти, сколько усилиям передовых российских педагогов. Следствием абсолютизации классового подхода стали односторонне критические выводы историков относительно уровня развития народного образования и его сословного характера, которые должны были подтвердить ленинские оценки. Эта тенденция была характерна для работ как союзного, так и регионального уровней, в том числе и для уральской историографии [1–3].

В постсоветский период тематика исследований по истории народного образования расширяется. В поле исследовательских интересов попадают такие вопросы, как роль земств в развитии школы [4], благотворительность в сфере образования [5], повседневная жизнь школ [6] и др. Для работ современных историков характерно стремление к объективному анализу состояния начальной и средней школы, к выявлению слабых и сильных сторон образования в дореволюционной России [7], в том числе для использования его позитивных наработок в современных условиях.

Всплеск интереса к теме истории образования в постсоветский период наблюдается и на Урале. В рамках общих тенденций по антропологизации и локализации исторического знания появляются публикации, посвященные конкретным учебным заведениям, их повседневной жизни [8, 9], наиболее известным ученикам и учителям [10]. Отличительной чертой современной историографии является появление крупных обобщающих работ, монографий, учебных пособий, в которых исследуются различные аспекты развития школьного образования в регионе [11]. При этом исследователи чаще ориентируются на официальные документы (материалы официальной статистики, различные издания министерства народного просвещения и учебных округов, других государственных учре-

ждений). Альтернативным источникам, к которым относится периодическая печать, уделяется значительно меньше внимания. Поэтому данная статья является попыткой в какой-то степени восполнить этот пробел.

Методы исследования

Методологический инструментарий статьи обусловлен нахождением данной проблематики в исследовательском пространстве таких направлений исторической науки, как социальная история и история повседневности. Для объективного изучения проблемы мы используем комплексный подход, сочетающий проведение микроаналитических срезов в контексте развития социальных макропроцессов.

Для проблематики данного исследования наибольшую ценность представляют историко-сравнительный метод, дающий возможность рассмотреть изменения в сравнительном контексте, историко-типологический метод, позволяющий выявить основные факторы изменений государственной политики в образовании. Ее рассмотрение в более широком контексте социальной трансформации дореволюционной России с учетом разнообразия соответствующих изменений предопределило важность и историко-системного метода.

Результаты и дискуссия

Среди вопросов в области образования, которые чаще всего поднимались на страницах либеральных газет, следует выделить политику косвенного ограничения доступа в школы детей трудящихся. Одним из ее проявлений являлась высокая стоимость обучения, которая становилась труднопреодолимым барьером на пути к знаниям для многих детей. Уже на начальном этапе обучения многие из них были вынуждены оставлять школу из-за неспособности родителей внести плату за обучение. В Юговском заводе, например, в 4 начальные училища поступило в 1911 г. 180 мальчиков и 130 девочек, оканчивали же курс 40 мальчиков и 23 девочки [12]. В Курганской ремесленной школе из 33 учеников за зиму 1911 г. выбыло 17 учеников. Из-за высокой платы за обучение в массовом порядке бросали учебу учащиеся Камышловского железнодорожного училища. В течение 1912–1913 гг. вследствие непосещения учащимися школ из-за низкого материального уровня в Ирбитском уезде число начальных училищ сократилось на 14 %, а двухклассных – на 9,5 %. [13].

Значительное место среди газетных материалов занимало освещение такой черты российского образования, как хроническая нехватка школ. Так, на все население Каслинского завода (более 20 тыс. человек) существовало лишь три женские начальные школы, в Чусовском заводе была только одна смешанная одноклассная школа [14]. Из-за отсутствия школьных помещений в Кушвинском заводе в 1910 г. не смогли попасть в школу

200 детей. По той же причине в Челябинске в 1910–1911 учебном году 1500 детей остались за порогом школы [15].

Значительно хуже было положение в сельской местности. Типичным примером является Челябинский уезд Оренбургской губернии. Как отмечали корреспонденты, сотни детей остались «за бортом школы» в Ивановской, Екатерининской, других волостях уезда из-за острой нехватки школьных зданий. Существовавшие же школы часто не были приспособлены к занятиям, ютились в холодных, сырых и темных помещениях, кочевали из одной избы в другую. В целом по уезду в 1910 г. половина школ не имела специальных зданий, во многих из них ученики буквально замерзали, всю зиму не снимали верхнего платья и обуви [16]. Следствием этого была высокая заболеваемость учащихся. Как отмечал репортер, эти явления среди учащихся стали принимать угрожающий характер.

В 1911 г. Пермская губерния стояла на втором месте в России по размерам ассигнований на народное образование. Между тем, ситуация здесь практически не отличалась от положения в других уральских губерниях. На 20 деревень Крохалева общества Купросской волости Соликамского уезда приходилась только одна церковноприходская школа. В деревне Подволошной, которая находилась в 7 верстах от школы, из 25 детей в 1911 г. обучались лишь семеро. Аналогичная ситуация складывалась в Верхнемулинской волости Пермского уезда, где одна церковноприходская школа приходилась на 10 деревень [17], и во многих других районах губернии. В 1912 г. число детей, оставшихся за порогом школы в Верхотурском уезде, составило 9520. По мнению автора статьи, «эти залежи безграмотности» можно было ликвидировать только в 1921 г. при условии ввода ежегодно 30 новых школ [18]. Такое положение было характерно для всего Урала.

Накануне Первой мировой войны оппозиционные эксперты отмечали, что около четырех пятых детей и подростков в России лишены образования. Материалы уральских газет полностью подтверждают данный вывод и свидетельствуют о том, что принимавшиеся самодержавием меры по решению этой проблемы были явно недостаточны.

Последовавшее после завершения первой русской революции усиление охранительной политики власти практически во всех сферах жизни затронуло и образовательные учреждения. По-своему извлекая уроки из опыта революции, самодержавие приложило немало усилий по вытравливанию из учебных заведений революционных настроений, пресекало малейшее проявление инакомыслия. Оно прилагало максимум усилий для изоляции учащихся от жизни, отвлечения их от общественной деятельности, ограждения

от любого постороннего влияния. Для этого пересматривались учебные планы, увеличивалась учебная нагрузка, объем домашних заданий, усиливался контроль за поведением учеников в школе и дома. В учебных заведениях вводилась строгая регламентация всех сторон школьной жизни. Особенно отчетливо это проявилось в практике внешнего надзора. При каждой средней школе учреждался штат инспекторов и инспектрис, которые посещали квартиры учащихся, следили за их поведением вне школы. В воскресные и праздничные дни ученики были обязаны посещать особые школьные чтения и собеседования, устанавливался строгий контроль за чтением книг.

Широкую панораму «атмосферы сыска и доносов», настойчиво внедрявшейся в уральской школе, дает местная либеральная печать. В Вятской духовной семинарии, например, воспитанникам было запрещено посещать лекции по естественным наукам в техническом училище. В Слободской женской гимназии Вятской губернии ученицы не могли без разрешения начальства ходить на концерты и спектакли, посещать общество трезвости [19].

Такая же практика существовала в средних школах Оренбургского учебного округа. В Челябинской женской гимназии рассматривался вопрос об исключении учениц, посетивших спектакль «Братья Карамазовы» и оставшихся после его окончания на танцы [20]. Был установлен надзор за ученицами 1-й женской гимназии Оренбурга, не посещавшими церковь. В деятельности педагогических коллективов Челябинской женской гимназии, Троицкой мужской и женской гимназий прочно утвердился такой «метод» воспитания, как обыски учащихся. Венцом подобной практики можно считать предложение педагогов Пермской женской семинарии перевести ее в Ирбит, так как Пермь, по их мнению, «...шумный и слишком оживленный город» [21].

Красноречивую характеристику школьной действительности дают сами учащиеся. «Когда мы вспоминаем наше пребывание в училище, – писали ученики Шадринского реального училища, – мы болезненно морщимся, мы стараемся стряхнуть с себя этот кошмар. За совместное чтение Писарева вызывали в кабинет директора, где уверяли, что за это надо всем привесить жернова и бросить в Исеть. Под угрозой исключения из школы заставляли менять значки на фуражках, за недостающую пуговицу на куртке сбавляли баллы. Позднее 7 часов вечера запрещалось бывать на улице» [22, с. 14–15].

Насаждение в школе казарменного режима вызывало различную реакцию учащихся. Менее устойчивая часть из них стала искать выход из ситуации в самоубийствах, которые приняли в эти годы массовый характер и, как отмечал репортер Уфимского вестника, стали «бытовым явлением».

Многие учащиеся выражали недовольство существовавшими порядками, участвуя в тех или иных формах протеста. Газеты дают сведения о такой из них, как бойкот учащимися преподавателей, которые придерживались взглядов правых партий. Учитывая, что эти партии были опорой царизма, в советской историографии утвердилось мнение, что бойкот таких преподавателей выражал отношение учеников не только к монархическим партиям, но и к самодержавному строю в целом. Исходя из этого, он рассматривался как специфическая форма стихийного политического протеста против режима третьеиюньской монархии [1, с. 119], что, на наш взгляд, «грешит» очевидной идеологизацией.

Много внимания пресса уделяла освещению волнений в духовных семинариях. Это связано с тем, что подобные заведения отличались особенно строгим режимом, жесточайшей регламентацией каждого шага воспитанников и разработанной системой наказаний. В Вятской духовной семинарии, например, правила предусматривали лишение отпуска в город, ежедневные богослужения, строгий контроль над чтением книг и даже ссылку семинаристов за дурное поведение в мужские обители со строгими Уставами. Оренбургская духовная семинария сравнивалась прессой с «исправительной колонией для малолетних преступников». Не случайно, в их стенах, в Вятке в 1913 и 1914 гг., в Оренбурге в 1911 и 1913 гг., произошли крупные волнения семинаристов, которые, по свидетельству прессы, носили «...особенно бурный и подчас погромный характер» [23].

Резкой критике подвергались порядки в Оренбургской и Пермской мужских гимназиях, послужившие поводом для волнений в марте и октябре 1911 г. Рассказывая о волнениях учащихся Троицкой мужской гимназии в марте 1910 – феврале 1911 г., газеты отмечали, что их причиной явилась система шпионажа и доносов, внедрявшаяся педагогическим персоналом [24].

Охранительная политика самодержавия в области народного образования ярко проявлялась в национальных регионах. После окончания первой русской революции значительно усилилась религиозная направленность преподавания в татарских и башкирских школах, сводился до минимума объем изучения светских наук. Сохранялось полное бесправие учащихся. Так, согласно Правилам для шакирдов 1913 г., их наказывали за отсутствие должного рвения в исполнении религиозных обрядов, за нарушение формы одежды, посещение театров, вечеров, за игру на музыкальных инструментах, в шахматы, шашки, за пение песен. Все это вызывало недовольство учеников.

На Урале особой активностью в годы промышленного подъема отличались учащиеся национальных школ Оренбургской и Уфимской губерний. Особое внимание пресса уделяла положению

в Оренбургском медресе Хусайния, в стенах которого постоянно происходили волнения. Газеты писали о забастовке старшеклассников в феврале 1910 г. Широкий резонанс на Урале получили волнения в медресе в марте 1913 г. В результате забастовки, в которой участвовало 123 ученика, 52 были уволены. Однако причины, породившие недовольство, не были устранены, что привело к новым выступлениям в 1914 г. Всего же за время волнений весной 1913 г. стены медресе Хусайния, медресе Галия в Уфе и медресе в Кизливе Казанской губернии покинуло около 200 учащихся [25]. Кроме указанных заведений, увольнения шакирдов на почве недовольства системой преподавания в апреле–мае 1913 г. произошли в Усмановском медресе Уфимской губернии, в Кизлярском Оренбургской губернии.

В газетах излагались требования учащихся. Самыми распространенными из них были смягчение внешкольного надзора, улучшение преподавания, увольнение некомпетентных учителей, посещение театров, выписка периодических журналов самими учащимися, предоставление библиотек учащимся для постоянного пользования, расширение объема преподавания светских наук для национальных школ и семинарий [26]. На наш взгляд, они являются дополнительным аргументом против сторонников «голодной» теории, считающих главной причиной волнений учащихся их тяжелое материальное положение. Ведь даже бедняки-семинаристы не затрагивали в своих требованиях бытовых вопросов.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что основное внимание на страницах либеральных газет уделялось наиболее острым проблемам уральской школы, таким как косвенное ограничение доступа к образованию детям из социальных низов из-за высокой стоимости обучения, хроническая нехватка школ и отсутствие необходимых условий для учебного процесса, строжайшая регламентация школьной и внешкольной жизни учащихся, формы их протестной активности против ужесточения правил обучения и нарушения их прав.

Анализ причин волнений и требований учащихся показывает, что все выступления носили академический характер. Их основными формами были сходки, забастовки, бунты. Реже всего встречаются упоминания о забастовках. При этом фактически только события в медресе Хусайния получили достаточное освещение в печати. Объясняется это как снижением уровня выступлений учащейся молодежи (в исследуемый период отмечено 6 забастовок, тогда как в 1907–1910 г. их было 21), так и «усердием» цензуры.

Необходимо также отметить, что сведения о волнениях в уральской школе не всегда попадали в рапорты чинов Департамента полиции и отчеты Министерства народного просвещения. Поэто-

му газетные материалы порой являются единственным свидетельством об этих событиях. Это повышает их ценность, но одновременно требует тщательного, взвешенного подхода при их анализе и сопоставления с другими источниками.

В целом уральские газеты либерального направления дают богатый и разнообразный материал для изучения политики самодержавия в области народного образования, поднимают острые проблемы начальной и средней школы, что дает возможность получить более объективную картину реального состояния дел в этой сфере. Его критический анализ и сопоставление с другими документами позволяют расширить источниковую базу исследований по истории уральской школы, глубже раскрыть тенденции ее развития, действия власти по повышению уровня грамотности в стране и воспитанию молодежи в верноподданническом духе.

Литература

1. Калугина, Т. В. Народное образование в Екатеринбурге в конце XIX – начале XX в. / Т. В. Калугина, Л. В. Ольховая // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. – Свердловск, 1979. – С. 112–123.
2. Народное образование на Урале в XVIII – начале XX в. : сборник научных трудов. – Свердловск : УрГУ, 1990. – 146 с.
3. Нечаев, Н. В. Горнозаводские школы Урала. (К истории профессионально-технического образования в России) / Н. В. Нечаев. – М. : Трудрезервиздат, 1956. – 207 с.
4. Абрамов, В. Ф. Земство, народное образование и просвещение / В. Ф. Абрамов // Вопросы истории. – 1998. – № 8. – С. 44–53.
5. Кондратьева, Г. В. Частная благотворительность в сфере просвещения (XIX в.) / Г. В. Кондратьева // Педагогика. – 2002. – № 9. – С. 83–87.
6. Синова, И. В. Жестокое обращение с детьми в России на рубеже XIX – XX вв. / И. В. Синова // Педагогика. – 2004. – № 3. – С. 69–79.
7. Флит, Н. В. Школа в России в конце XIX – начале XX вв. / Н. В. Флит. – Л. : Б.и., 1991. – 96 с.
8. Вяткин, В. В. Трудный путь Пермской духовной семинарии / В. В. Вяткин // Страницы прошлого : избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Вып. 4. – Пермь, 2003. – С. 38–49.
9. Боже, В. С. Школьный мир дореволюционного Челябинска / В. С. Боже. – Челябинск, 2006. – Т. 1. – 152 с. ; Т. 2. – 368 с.
10. Рушанин, В. Я. Мария Васильевна Каменская. Школьная мама / В. Я. Рушанин. – Челябинск : ЧГИК, 2019. – 283 с.
11. Зотова, Л. М. Женское образование в Вятской губернии во 2 пол. XIX – начале XX в. / Л. М. Зотова. – Киров, 2003. – 243 с.
12. Кузьмин, А. Убитое детство / А. Кузьмин // Пермский край. – 1912. – 17 января.
13. Горин, В. Печальная статистика / В. Горин // Пермский край. – 1913. – 25 января.
14. Заводчанин. Когда же будут перемены? / Заводчанин // Уральский край. – 1911. – 23 апреля.
15. Петрова, Н. Наши тревоги / Н. Петрова // Голос Приуралья. – 1911. – 14 августа.
16. Очевидец. Беда в доме / Очевидец // Уральская жизнь. – 1910. – 16 апреля.
17. Неравнодушный. Как дойти до знаний? / Неравнодушный // Пермский край. – 1912. – 25 марта.
18. Сидоров, К. Залежи безграмотности / К. Сидоров // Зауральский край. – 1913. – 23 января.
19. Чернозуб, С. Долой культуру / С. Чернозуб // Вятская речь. – 1911. – 5 марта.
20. Суркова, М. Странная история / М. Суркова // Голос Приуралья. – 1911. – 5 февраля.
21. Платонова, Д. Хранители нравственности / Д. Платонова // Пермский край. – 1911. – 15 января.
22. Под знаменем Октября. – Пермь : Звезда, 1927. – 173 с.
23. Панова, И. Будни семинаристов / И. Панова // Оренбургский край. – 1913. – 8 октября.
24. Тучков, П. Кого воспитываем? / П. Тучков // Оренбургский край. – 1911. – 28 октября.
25. Уметбаев, З. Подальше от бога / З. Уметбаев // Вахт. – 1913. – 31 марта.
26. Волкова, Е. Чего хотят дети? / Е. Волкова // Голос Приуралья. – 1911. – 9 декабря.

Коробков Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (Магнитогорск), e-mail: n.kyakkinen-56@yandex.ru

Королев Никита Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Челябинский государственный институт культуры (Челябинск), e-mail: korolev_ns_@mail.ru

Поступила в редакцию 1 марта 2023 г.

PROBLEMS OF SCHOOL EDUCATION IN THE URALS IN 1909–1913 IN THE COVERAGE OF THE LIBERAL PRESS

Y. D. Korobkov¹, N. S. Korolev²

¹Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation

²Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russian Federation

Based on a study of materials from the liberal Ural periodical press, the article examines various aspects of autocratic policy in the field of education in the Ural region during the years of industrial boom (1909–1913). The main focus is placed on the indirect restriction of access to education for children from low social standing due to the high cost of education; the chronic shortage of schools and the lack of necessary conditions for the educational process, especially in rural areas; the strictest regulation of school and extracurricular life of students; and forms of student protest against the tightening of the rules of education and violation of their rights.

In the course of our study, we came to the conclusion that the protests performed by students were academic in nature and limited to the educational space – they did not address the socio-economic and political problems of the local, regional, and national (Russian) levels. Despite the growing need for educated personnel and the efforts of the authorities in this direction, newspaper materials show that these measures were insufficient to increase literacy levels and were of a pronounced protective nature, aimed at educating young people in the spirit of loyalty to the existing regime.

Keywords: public education, the Urals, autocracy, regulation, periodical press.

References

1. Kalugina T.V. Narodnoye obrazovaniye v Yekaterinburge v kontse XIX – nachale XX v. [Folk Education in Yekaterinburg in the Late XIX – Early XX Centuries] // *Iz istorii dukhovnoy kul'tury dorevol'yutsionnogo Urala*. Sverdlovsk, 1979. S. 112–123.
2. Narodnoye obrazovaniye na Urale v XVIII – nachale XX v. [Public Education in the Urals in the XVIII – Early XX Centuries]: sbornik nauchnykh trudov. Sverdlovsk: UrGU, 1990. 146 s.
3. Nechayev N.V. Gornozavodskiyе shkoly Urala. (K istorii profesional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya v Rossii) [Mining Schools of the Urals. (On the History of Vocational Education in Russia)]. M.: Trudrezervizdat, 1956. 207 s.
4. Abramov V.F. Zemstvo, narodnoye obrazovaniye i prosveshcheniye [Zemstvo, Public Education and Enlightenment] // *Voprosy istorii*. 1998. № 8. S. 44–53.
5. Kondrat'yeva G.V. Chastnaya blagotvoritel'nost' v sfere prosveshcheniya (XIX v.) [Private Charity in the Field of Education (XIX Century)] // *Pedagogika*. 2002. № 9. S. 83–87.
6. Sinova I.V. Zhestokoye obrashcheniye s det'mi v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [Child Abuse in Russia at the Turn of the XIX – XX Centuries] // *Pedagogika*. 2004. № 3. S. 69–79.
7. Flit N.V. Shkola v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. [School in Russia in the Late XIX – Early XX Centuries]. L.: B.i., 1991. S. 96.
8. Vyatkin V.V. Trudnyy put' Permskoy dukhovnoy seminarii [The Difficult Path of the Perm Theological Seminary] // *Stranitsy proshlogo: izbrannyye materialy krayevedcheskikh Smyshlyayevskikh chteniy v Permi*. Vyp. 4. Perm', 2003. S. 38–49.
9. Bozhe V.S. Shkol'nyy mir dorevol'yutsionnogo Chelyabinska [The School World of Pre-Revolutionary Chelyabinsk]. Chelyabinsk, 2006. T. 1. 152 s. T. 2. 368 s.
10. Rushanin V.Y. Mariya Vasil'yevna Kamenskaya. Shkol'naya mama. [Maria Vasilyevna Kamenskaya. School Mom]. Chelyabinsk: CHGIK, 2019. 283 s.
11. Zotova L.M. Zhenskoye obrazovanie v Vyatskoj gubernii vo 2 pol. XIX – nachale XX v. [Female Education in Vyatka Province in the 2nd Half XIX – Early XX Century]. Kirov. 2003. 243 s.
12. Kuz'min A. Ubitoe detstvo [Murdered Childhood] // *Permskij kraj*. 1912. 17 yanvarya.
13. Gorin, V. Pechal'naya statistika [Sad Statistics] // *Permskij kraj*. 1913. 25 yanvarya.
14. Zavodchanin. Kogda zhe budut peremeny? [When will there be Changes?] // *Ural'skij kraj*. 1911. 23 aprelya.
15. Petrova, N. Nashi trevogi [Our Worries] // *Golos Priural'ya*. 1911. 14 avgusta.
16. Ochevidec. Beda v dome [An Eyewitness. Trouble in the House] // *Ural'skaya zhizn'*. 1910. 16 aprelya.

17. Neravnodushnyj. Kak dojti do znaniy? [Not Indifferent. How to Get to Knowledge?] // *Permskij kraj*. 1912. 25 marta.
18. Sidorov K. Zalezhi bezgramotnosti [Deposits of Illiteracy] // *Zaural'skij kraj*. 1913. 23 yanvarya.
19. Chernozub, S. Doloj kul'turu [Down with Culture] // *Vyatskaya rech'*. 1911. 5 marta.
20. Surkova, M. Strannaya istoriya [A Strange Story] // *Golos Priural'ya*. 1911. 5 fevralya.
21. Platonova, D. Hraniteli nravstvennosti [Guardians of Morality] // *Permskij kraj*. 1911. 15 yanvarya.
22. Pod znamenem Oktyabrya [Under the Banner of October]. Perm': Zvezda, 1927. 173 s.
23. Panova I. Budni seminaristov [Weekdays of Seminarians] // *Orenburgskij kraj*. 1913. 8 oktyabrya.
24. Tuchkov, P. Kogo vospityvaem? [Who are We Educating?] // *Orenburgskij kraj*. 1911. 28 oktyabrya.
25. Umetbaev Z. Podal'she ot boga [Away from God] // *Vaht*. 1913. 31 marta.
26. Volkova, E. Chego hotyat deti? [What do Children Want] // *Golos Priural'ya*. 1911. 9 dekabrya.

Yuri D. Korobkov – D. Sc. (History), Professor of the Department of General History, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk), e-mail: n.kyakkinen-56@yandex.ru

Nikita S. Korolev – Cand. Sc. (History), Associate Professor of the Department of History, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk), e-mail: korolev_ns_@mail.ru

Received March 1, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Коробков, Ю. Д. Проблемы школьного образования на Урале в 1909–1913 гг. в освещении либеральной печати / Ю. Д. Коробков, Н. С. Королев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 31–37. DOI: 10.14529/ssh230204

FOR CITATION

Korobkov Y. D., Korolev N. S. Problems of School Education in the Urals in 1909–1913 in the Coverage of the Liberal Press. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 31–37. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230204

ПЛАНОВОЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В ЧЕЛЯБИНСКУЮ ОБЛАСТЬ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. Н. Лымарев¹, Н. П. Палецких²

¹Объединенный государственный архив Челябинской области, г. Челябинск,
Российская Федерация

²г. Челябинск, Российская Федерация

В статье на материалах Челябинской области впервые в региональной историографии предпринята попытка исследования планового сельскохозяйственного переселения в 1939–1945 гг. Источниковую базу исследования составили преимущественно архивные материалы, отложившиеся в фондах Ф. Р-1142, Ф. П-288, Ф. П-297, хранящихся в Объединенном государственном архиве Челябинской области. В соответствии с гипотезой о советском обществе как обществе мобилизационного типа выработка и реализация модели плановой аграрной миграции населения трактуются авторами как составная часть мобилизационных процессов в Советском Союзе накануне Великой Отечественной войны, а сама модель сельскохозяйственного переселения понимается как деятельность, направленная на обеспечение жизнеспособности и развития советской цивилизации. Тема раскрывается через показ мероприятий государственной политики, колхозной поддержки миграционного поведения крестьян-переселенцев. Изучение нормативно-директивных, делопроизводственных, учетно-статистических документов, эго-материалов позволило установить динамику миграционных потоков по годам, показать проблемы, с которыми столкнулись переселенцы, выявить индивидуальные миграционные траектории. Рассмотрена деятельность властей по организации миграции, удовлетворению нужд переселенцев, вовлечению их в колхозное производство, показана степень «обратничества» мигрантов.

Проведенное исследование позволило сделать главный вывод: инициированное советской властью добровольное плановое сельскохозяйственное переселение было объективно необходимым мероприятием в конкретно-исторических условиях рубежа 1930–1940-х гг. Направление переселенцев в Челябинскую область диктовалось острым дефицитом рабочей силы в южноуральских колхозах. Государство выделило области значительные материально-финансовые средства, предоставило переселенцам и принимающим колхозам серьезные льготы. Возможности оказания помощи вселяемым переселенцам со стороны колхозов были разными и зависели от экономической устойчивости артелей. Миграционное поведение вселяемых также было различным. Большой проблемой на протяжении всего рассматриваемого периода стало «обратничество». В 1943–1945 гг. осуществлялось доустройство переселенцев довоенного времени.

Ключевые слова: миграции населения, плановое сельскохозяйственное переселение, колхозники-переселенцы, Челябинская область, Великая Отечественная война.

Введение

Активные миграционные процессы в современном мире предопределили интерес научной общественности к причинам, видам, формам, объемам, результатам и последствиям массовых территориальных перемещений населения. Бурное развитие получает миграциология (наука о миграционном движении населения). Миграционная проблематика приобретает все более отчетливую прикладную актуальность и в России, буквально прорываясь не только в бытовую повседневность разных регионов, но и в повестку общественно-политических дебатов и неотложных управленческих решений. Для понимания современных тенденций требуется осмысление исторической ретроспективы, в том числе миграций советской эпохи.

Крупным потоком в трудовых миграциях первой половины XX века явилось плановое переселение крестьянства из малоземельных районов Советского Союза в многоземельные. В 1939–1941 гг.

одним из регионов вселения, обладавшим значительной миграционной емкостью, стала Челябинская область. Целью статьи является анализ конкретно-исторического материала, характеризующего подготовку и проведение аграрного переселения в Челябинскую область периода 1939–1945 гг., выявление сочетания мер государственной политики, колхозной поддержки и миграционного поведения крестьян-переселенцев.

Обзор литературы

Историография миграций в дореволюционной России и в СССР многопланова. В ней присутствуют исследования миграционной политики государства в разных локально-временных рамках, охарактеризованы отдельные миграционные кампании. Не утратили научной значимости многие работы, изданные в 1920–1980-е гг. и рассматривавшие миграционные движения советского периода. Поскольку довольно подробный обзор этой литературы был выполнен В. М. Моисеенко [1, с. 5–35], ограничимся ссылкой на наиболее часто

цитируемую книгу Н. И. Платунова [2], где на солидной источниковой основе освещены направления переселенческой политики и практики советского государства в 1917–1941 гг.

Во второй половине 1980-х – 1990-е гг. привычная миграционная проблематика, в том числе история аграрных переселений в СССР, ушла на второй план. На первом плане оказались темы, связанные с принудительными трудовыми миграциями, с «кулацкой ссылкой», с депортацией по этническому признаку и т. д. Отечественным исследователям стали доступны труды зарубежных авторов, поднимавших темы из разряда «белых пятен» истории СССР. В частности, новые трактовки миграционной реальности 1920–1930-х гг. были предложены в главе «Исход» книги Ш. Фицпатрик [3, р. 80–102], позднее вышедшей с другим названием на русском языке [4, с. 96–119], в статье Г. Кесслера о государственном контроле за передвижением населения в Советском Союзе в 1932–1940 гг. [5] и др.

Обострение внимания к миграционным вопросам советской истории проявилось в первом десятилетии XXI века. Исследования выполняются на расширенной источниковой базе, с постановкой до того не акцентированных проблем. Так, предметом изучения Л. В. Зандановой избрано формирование советской переселенческой политики и органов, ее осуществлявших [6]. В статьях М. Л. Бережновой [7] и М. А. Овчаровой [8] внимание сосредоточено на этнических аспектах земледельческих миграций 1930–1940-х гг. Особенности плановых переселений жителей Кировской области рассмотрены в публикации Н. В. и К. А. Чернышевых [9].

В то же время нельзя не заметить, что в совокупности новейших отечественных исследований отсутствуют концептуально значимые труды по интересующей нас теме. Этот недостаток называет О. В. Горбачев [10, 11], опубликовавший развернутую рецензию на книгу американских авторов Л. Сигельбаума и Л. П. Мох [12], которые в центр изучения миграций ставят не государственные институты и их политику, а самих мигрантов.

Нельзя не согласиться с О. В. Горбачевым в том, что работа Сигельбаума и Мох обладает несомненной научной значимостью. Однако для создания обобщающих трудов общероссийского масштаба, по всей видимости, еще нет достаточно систематизированного эмпирического материала, даже на уровне крупного региона. Об этом говорит, в частности, историографическая ситуация по Уралу. Она объемно описана в статье Е. Ю. Баранова [13]. Ученый пришел к выводу, что разработка истории миграций населения на Урале в XX веке отличается фрагментарностью. Не является исключением из этой оценки и тема планового сельскохозяйственного переселения конца 1930-х –

начала 1940-х гг. В работах А. Н. Молощенкова [14], В. П. Мотревича [15, 16, с. 135–136], Г. Е. Корнилова [17], М. С. Каменских [18] затрагивались отдельные аспекты данной темы, но, как правило, в качестве кратких сюжетов. Исследований на материалах Челябинской области выявить не удалось.

Методы исследования

Исследование проводилось с использованием общезначимых принципов и специально-исторических методов научного познания. Основным теоретическим ориентиром для работы стала гипотеза о советском обществе как обществе мобилизационного типа. В соответствии с ней выработка и реализация модели плановой аграрной миграции населения трактуются как составная часть мобилизационных процессов в Советском Союзе накануне Великой Отечественной войны, а сама модель сельскохозяйственного переселения (ее институты, задачи и функции) понимается как деятельность, направленная на обеспечение жизнеспособности и развития советской цивилизации. Авторы исходят из того, что эвристический потенциал избранной гипотезы в преломлении к изучаемой теме не противоречит ни одной из современных теоретико-методологических систем и подразумевает использование разных подходов: институционального, структурно-функционального, факторного, историко-антропологического.

Источниковую базу исследования составили преимущественно архивные материалы. Изучение нормативно-директивных, делопроизводственных, учетно-статистических документов, эго-материалов, выявленных в фондах Объединенного государственного архива Челябинской области (Ф. Р-1142, Ф. П-288, Ф. П-297), позволило установить динамику миграционных потоков по годам, показать проблемы, с которыми столкнулись переселенцы, выявить индивидуальные миграционные траектории. Рассмотрена деятельность властей по организации миграции, удовлетворению нужд переселенцев, вовлечению их в колхозное производство, показана степень «обратничества» мигрантов.

Результаты и дискуссия

В литературе обосновано положение о том, что особенности исторического пути нашей страны вызвали необходимость сельскохозяйственных переселений. Их целью было наиболее полное использование земельного фонда, рациональное освоение гигантских территорий. В Советской России плановое добровольное аграрное переселение началось после Гражданской войны, прекратилось в связи с коллективизацией, возобновилось в конце 1930-х гг.

Особую роль играл фактор аграрного перенаселения. «Аграрное перенаселение основных сельскохозяйственных районов страны – болезненно опасная проблема России еще конца XIX – начала XX веков, – предупреждал А. В. Чаянов. – Аграр-

ное перенаселение – тот горячий материал, из которого рванула революция 1917 года» [Цит. по: 19, с. 88]. Следствиями перенаселения были более низкий уровень потребления населения в сравнении с восточными районами страны, растущий слой отходников и «мнимых колхозников», самовольная безвозвратная миграция и пр. В этих условиях советское правительство сохраняло историческую преемственность переселенческого движения в восточном направлении, «...всячески поддерживало переселенческие процессы, продолжая политику колонизации Сибири и Дальнего Востока населением Европейской части России» [20, с. 44].

Территория Южного Урала издавна была зоной миграционного приращения. В 30-е гг. в связи с форсированной индустриализацией, выдвигавшей растущий спрос на изъятие трудовых ресурсов из деревни, а также вследствие коллективизации и раскулачивания южноуральская колхозно-совхозная деревня испытывала острую нужду в рабочей силе. Власти Челябинской области еще в 1935 г. обратились к И. В. Сталину и В. М. Молотову с просьбой «...разрешить переселить в колхозы Челябинской обл. 6 тыс. хозяйств колхозников и трудящихся единоличников из других краев и областей Союза». Просьбу аргументировали тем, что в области много целинных и необрабатываемых колхозных пахотоспособных земель. Между тем численность сельского населения с 1930 по 1935 гг. сократилась на 683 тыс. человек. Нагрузка уборочных площадей на одного трудоспособного доходит во многих районах до 14–23 га (при средней по области в 8,1 га). Справиться с ней наличное крестьянство не в состоянии. Подчеркивалось и то, что в колхозах имеется свыше 17 тыс. домов, пустующих более трех лет, и это даст возможность предоставить каждой семье переселенцев отдельный дом [21, с. 170–171]. Запрос области был учтен в плане Всесоюзного переселенческого комитета на 1936 г. А спустя несколько лет Челябинская область в программе планового переселения колхозников 1939–1942 гг. стала главным местом вселения на Урале.

В обстановке усиления мобилизационной готовности общества и укрепления колхозного строя принципиальное значение имело принятие 27 мая 1939 г. постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». В соответствии с пунктом 14 с 1939 г. устанавливался «...для каждого трудоспособного колхозника и колхозницы обязательный минимум трудодней в году». Пункт 15 гласил: «Ввиду того, что колхозные общественные земли не могут сокращаться, а в малоземельных колхозах уже исчерпаны резервы земли для наделения колхозников приусадебными участками по уставным нормам, считать необходимым переселение колхозников из таких колхозов в многоземельные

районы (Поволжье, Омская область, Челябинская область, Алтайский край, Казахстан, Дальний Восток и т. д.)» [22, с. 414]. Для руководства делом переселения было образовано при СНК СССР Переселенческое управление с его органами в союзных республиках, областях и краях.

26 июля 1939 г. принято постановление СНК СССР «О порядке переселения из малоземельных районов в многоземельные районы СССР», 14 сентября утверждена «Временная инструкция о порядке привлечения, отбора и направления сельскохозяйственных переселенцев из малоземельных районов в многоземельные районы СССР и о приеме переселенцев в местах вселения», а также формы личных документов переселенца: анкеты-заявления и переселенческого билета. Плановыми являлись мигранты, имеющие переселенческий билет. Они получали право на льготы, установленные еще 17 ноября 1937 г. Не оформившие надлежащим образом своего отъезда в местах выхода и не получившие переселенческого билета считались неплановыми переселенцами, т. е. не имели права на льготы.

Объявленные условия переселения были привлекательными, льготы для переселенцев и принимающих колхозов существенными. Прежние потоки мигрантов дополнились новой демографической когортой. Она начала прибывать и на Южный Урал. В. П. Мотревич сообщает, что в 1939 г. в Челябинскую область прибыли первые 39 семей переселенцев [15, с. 32]. Однако статистика по переселению 1939 г. нуждается в уточнении. На это обращает внимание и М. Л. Бережнова: «Первых переселенцев в Сибири приняли еще в 1939 г., но в изученных фондах планов переселений на этот год не обнаружилось» [7, с. 8].

Планы на 1939 г. по Челябинской области нами тоже не выявлены, но в стенограмме доклада зам. председателя Челябинского облисполкома на сессии областного Совета 21 декабря 1940 г. приведены следующие сведения: всего за 1940 г. эшелонами в организованном порядке прибыло 8147 хозяйств, 3200 хозяйств прибыли одиночками, без переселенческих билетов. Кроме того, 6 тысяч хозяйств прибыли в область во внеплановом порядке еще в 1939 г. [23, л. 12, 13]. Возможно, разница в показателях по прибывшим в 1939 г. переселенцам объясняется недоразумениями с разверсткой планов. Судя по следующим годам, планы вселения доводились до регионов с задержками и корректировками. Надо делать поправку и на то, что местные руководители переселенческого дела не всегда могли разобраться в спускаемых планах. М. Л. Бережнова замечает: «Иногда дело доходило до курьеза. Челябинская область называлась в официальных документах местом вселения, но в Сибири встречались люди, вполне официально покинувшие ту же Челябинскую область как плановые переселенцы» [7, с. 10].

В 1940 г. Челябинская область должна была принять 15 тыс. хозяйств переселенцев из Украинской и Белорусской ССР, Мордовской и Татарской АССР, Тамбовской, Рязанской, Смоленской, Горьковской областей [24, л. 2; 25, л. 39–40]. Плановый контингент вселения в Челябинскую область на 1941 г. составлял 10 тыс. хозяйств из Украины, Мордовии, Тамбовской и Смоленской областей [26, л. 60]. Выполнение планов начиналось с отбора и оформления потенциальных переселенцев в местах выхода. Для помощи в этой работе командировались ответственные представители принимающей стороны. Они должны были иметь утвержденные покотхозные планы вселения и материалы, характеризующие места вселения (копии годовых отчетов, брошюры, карты, фотоснимки). При их личном участии велась массово-разъяснительная работа о значении и условиях переселения.

Там, где местные власти и приезжие вербовщики работали в тесном контакте и не давали пустых обещаний, результаты агитации были обнадеживающими, и планы переселения выполнялись. Однако во многих отчетах о командировках уполномоченные сетовали на то, что по разным причинам не получалось слаженной и результативной работы. Так, уполномоченный от Шумихинского района за две недели мая 1941 г. провел в Немировском районе Винницкой области Украины совещание районного актива, везде общие собрания колхозников, в районной газете поместил статью с описанием Шумихинского района и три письма от осевших там переселенцев. «Но результаты проведенной работы оказались неважные. Желающих на переселение очень мало, всего оформлено документов только на пять семей», – пишет он и называет причины: колхозники живут хорошо; руководители района заняты исключительно подбором и отправкой рабочей силы из колхозов по разнарядкам в Баку, на дорожное строительство и т. д. [27, л. 40].

Оценивая этап агитации и отбора переселенцев в Челябинскую область, курганский ученый-экономист и публицист А. А. Базаров саркастически замечал: «...выяснилось, что специально созданный для революционно-демографических сдвигов Переселенческий Комитет при СНК СССР много хуже НКВД. Работать с широкими народными массами там совершенно не умели. В области, из которых намечалось выселение, направили разнарядки с обещанием рая на новом месте. Ни сборных пунктов, ни комендатур. Не по советски, скажу двумя словами... Уполномоченных от сельскохозяйственных районов Урала отправили на вербовку колхозников на Украину и в республики Поволжья. У каждого при себе был план набора и эскиз рая. Вербовка без нагана превратилась в сплошной конфуз» [28, с. 487].

Авторы статьи не могут согласиться с такой оценкой и с такой тональностью. Безусловно,

в организации переселения на всех его этапах было много недочетов и ошибок. Но нельзя не заметить другого: оно было добровольным и подкрепленным значительной материальной базой. Государство приняло на свой счет перевозку переселенцев и их имущества. С них полностью снимались все недоимки по сельхозналогу, культсбору, страховым платежам и обязательным поставкам государству сельхозпродукции; вселявшиеся в Челябинскую область освобождались от такого рода платежей и впредь – сроком на 2 года. Им предоставлялась семенная и продовольственная ссуда из расчета 2 % годовых, выдавался долгосрочный кредит на приобретение коров и домашнее обзаведение и т. д.

Условия переселения не закрепощали крестьянина, недаром одной из больших проблем этой кампании явилось «обратничество». У мигрантов имела возможность проявить свободную волю, выстроить «личные стратегии». Об этом говорит факт появления массы самовольных, неплановых переселенцев. Об этом же говорят и нарушения миграционного режима, т. е. определенных государством границ допустимого в поведении переселенцев. В выступлениях районных руководителей на сессии Челябинского облсовета 21 декабря 1940 г. приводились примеры таких нарушений. «У нас прибыло 19 глав семей без семей, они с собой привезли много яблок, которые продали на рынке, получили деньги и уехали» (Багарякский район); «Привезли еще ряд одиночек, которые не имеют совсем семьи и уже на станции начинают такие разговоры, как бы устроиться на производство. При разговоре с ними оказалось, что эти одиночки побывали уже на Дальнем Востоке, на Украине и прибыли в наш Сосновский район»; «К нам в один из колхозов приехало 7 хозяйств переселенцев, а через месяц мы получили с Дальнего Востока на 14 тысяч рублей через Госбанк долгов от старого их переселения... появились просто профессионалы, которые избрали себе переселения профессией» (Еткульский район). [23, л. 106, 109, 113]. Такие индивидуальные траектории миграции, бесспорно, наносили вред как колхозам вселения, так и государству, поскольку означали растративание и колхозных, и государственных средств, которые вряд ли уже можно было разыскать и вернуть, если мигрант выбывал в неизвестном направлении. Безусловно, была и иная линия поведения переселенцев. Многие из них отлично проявили себя на колхозной работе, заслужили уважение окружающих, были выдвинуты на руководящие посты в колхозах и сельских советах.

Переселенческий поток в 1939–1941 гг., несмотря на «конфузы», оказался впечатляюще большим. В сентябре 1940 г. Коллегия Переселенческого Управления при СНК СССР отмечала, что за этот год Челябинский диспетчерский пункт обслужил 280 эшелонов (в том числе транзитных)

с общим контингентом 228 тыс. плановых переселенцев [25, л. 34]. Подчеркивая значение переселения, председатель Челябинского облисполкома М. П. Соболев в 1940 г. говорил: «Работа эта исключительно большого масштаба. Вы представьте себе, товарищи, на один момент, что в этом году нужно было вселить 15 000 семей! Если взять по коэффициенту 3, то это значит 45 тыс. человек. Это нужно целый город построить, нужно израсходовать до 70 миллионов рублей средств...» [23, л. 173]. В 1940 г. в область прибыло почти 11500 хозяйств (около 75 % к намеченному плану), в том числе 10 тысяч плановых, т. е. имеющих на руках переселенческие билеты. Прибывшие были размещены в 1450 колхозах [26, л. 3; 23, л. 13].

Прием и обустройство переселенцев требовали решения типичных проблем: обеспечение жильем, скотом, продуктами питания, посевным материалом, промтоварами. В их решении были заинтересованы все субъекты: государство, колхозы, сами мигранты. Без сочетания их усилий кампания не могла быть успешной. По итогам 1940 г. для переселенцев в Челябинской области было отпущено 10 млн руб. бюджетных средств, 33 млн руб. сельскохозяйственного кредита, 125 тыс. фустметров древесины, 260 тонн гвоздей, 60 вагонов оконного стекла и многое другое [26, л. 3]. Помимо этого колхозы, принявшие переселенцев, получали льготы и скидки по натуральным поставкам и денежным платежам государству.

На усиление участия колхозов было нацелено постановление ЦК ВКП(б) от 1 февраля 1940 г., в котором одобрялась инициатива колхозов Новосибирской области. Бюро Челябинского обкома партии предложило районным властям разъяснять и использовать почин сибиряков с тем, чтобы колхозы своими силами строили и приспособляли дома с надворными постройками для приема переселенцев, помогали им в обзаведении скотом в пределах Устава сельхозартели [29, л. 3]. Во исполнение властных директив проводились общие собрания колхозников, протоколы которых велись по стандартной форме, где излагалась программа предстоящих действий: сколько принимается семей переселенцев; сколько и каких домов для них колхоз будет строить, покупать, ремонтировать; какие расходы по устройству переселенцев и объем трудозатрат колхоз берет на себя; сколько будет выдано голов скота с колхозных ферм; какие продукты будут выданы на руки или направлены на общественное питание и т. д. [30, л. 37]. Во многих протоколах количественные показатели остались незаполненными.

Там, где усилия государственных органов и колхозов соединялись, адаптация вселившихся шла быстрее, их включение в колхозное производство давало хорошие результаты. К примеру, на областном совещании отмечалось, что в Укянском районе все переселенцы получили приуса-

дебные участки, размещены в отремонтированных домах, 70 % прибывших обеспечены коровами, колхозы оказывают продовольственную помощь, поэтому в районе нет «обратничества», «...а наоборот, люди приезжают сверх плана» [26, л. 8]. Конечно, так было далеко не везде. По данным 59 районов, число выбывших к числу прибывших в 1940 г. составило 22,9 % [31, л. 140]. По данным 28 районов (по состоянию на 1 июля 1947 г.), прибыло в 1939–1941 гг. 8800 хозяйств, а выбыло 1375 хозяйств, или 15,6 % [32, л. 1].

Поскольку «обратничество» приобретало массовый характер, и тем самым кампания планового переселения дискредитировалась, Переселенческое Управление давало задания своим отделам на местах вести учет выбывших переселенцев, выявлять причины и принимать меры к их устранению [25, л. 17]. Причины оказались разными: от абсолютной нищеты до отсутствия школы для русскоязычных учеников или неподходящего климата. Наиболее частым комплексным мотивом для отъезда служила материально-бытовая необеспеченность, отсутствие помощи со стороны колхоза, грубость и самоуправство председателей колхозов, недружелюбное, а то и враждебное, отношение старожилов. Один из примеров, попавших в докладную записку в феврале 1941 г.: семья коммуниста Аношина «устроена» в колхозе «Красный Урал». «Отведена этой семье на 8 человек (6 детей) квартира, принадлежащая находящемуся в РККА колхознику, в 13 кв. м., без русской печи...В квартире холод, чад, смрад, никакой мебели, на всю семью 2 пары пимов, дети не учатся. Колхоз до сих пор не получил кредита на корову для этого колхозника...Задерживает его в этом колхозе только партийная дисциплина и бедность, иначе и он бы давно от таких условий уехал» [33, л. 78–79].

В областной Переселенческий отдел в 1940–1941 гг. поступало в среднем по 15 жалоб за день, не считая заявлений, с которыми приходили целые делегации из колхозов [34, л. 7]. Отдел не располагал особыми полномочиями и вряд ли мог оказать просителям действенную помощь. В лучшем случае сотрудники отдела в свою очередь направляли просьбу в райисполком дать распоряжение колхозу помочь человеку в его нуждах. Одной из постоянных обязанностей отдела стал учет и уничтожение по акту сданных переселенческих билетов.

В годы войны аграрное переселение на Урал не проводилось, хотя инерция приема подъезжавших какое-то время сохранялась. Переселенческий отдел был преобразован в отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения, в котором действовал переселенческий сектор в составе заведующего и двух инспекторов. По сведениям на начало 1942 г., в область в течение 1940–1941 гг. было вселено 10640 хозяйств колхозников. Из них не обеспечено домами 2086, коровами – 1172.

Продовольственной ссуды в 1941 г. выдано 8275 тонн, денежной ссуды в 1942 г. выдано 2912,7 тыс. руб. [35, л. 44–45]. Поскольку доустройство семей не выполнялось и их переселенческий статус потерял былое значение, они самовольно покидали колхозы вселения.

31 марта 1943 г. вышло постановление СНК РСФСР № 303 о плане переходящего строительства и хозяйственного устройства переселенцев на 1943 г., в соответствии с которым в Челябинской области предусматривалось доустройство 1201 хозяйства переселенцев прошлых лет. Для строительства жилья, хозяйственного обустройства намечалось направить из госбюджета 2330 тыс. руб., колхозных средств 913,0 тыс. руб. Ради сокращения расходов было рекомендовано внедрить в практику строительство простейших типов домов (саманных, глинолитных и т. п.) [36, л. 6, 7, 70]. Вопросы доустройства переселенцев были взяты под контроль областными властями. В 1943–1944 гг. облисполком неоднократно принимал решения, акцентируя внимание на помощи семьям фронтовиков [37, л. 9, 27; 38, л. 5, 20].

В 1947 г. была проведена повсеместная проверка наличия плановых переселенцев 1939–1941 гг. В Челябинской области их оказалось 1845 хозяйств (6743 человека, в том числе 3411 трудоспособных). Своих домов по-прежнему не имели 200 семей, коров – 170 хозяйств [32, л. 1].

Выводы

Анализ изученных материалов позволяет утверждать, что инициированное советской властью добровольное плановое сельскохозяйственное переселение было объективно необходимым мероприятием в конкретно-исторических условиях рубежа 1930–1940-х гг. Направление переселенцев в Челябинскую область диктовалось острым дефицитом рабочей силы в южноуральских колхозах. Государство выделило области значительные материально-финансовые средства, предоставило переселенцам и принимающим колхозам серьезные льготы. Возможности оказания помощи вселяемым переселенцам со стороны колхозов были разными и зависели от экономической устойчивости артелей. Миграционное поведение вселяемых также было различным. Большой проблемой на протяжении всего рассматриваемого периода стало «обратничество». В 1943–1945 гг. проводилось доустройство переселенцев довоенного времени.

Литература

1. Моисеенко, В. М. Территориальное движение населения. Характеристика и проблемы управления / В. М. Моисеенко. – М.: Мысль, 1985. – 118 с.

2. Платунов, Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.) / Н. И. Платунов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. – 283 с.

3. Fitzpatrick, S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization / S. Fitzpatrick. New York: Oxford University Press, 1994. – 386 p.

4. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е года: деревня / Ш. Фицпатрик; пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 422 с.

5. Kessler, G. The passport system and State control over population flows in the Soviet Union, 1932–1940 / G. Kessler // Cahiers du Monde russe, 2001. – P. 477–504.

6. Занданова, Л. В. Основные этапы складывания советской переселенческой политики и формирования переселенческих органов / Л. В. Занданова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2007. – № 1. – С. 27–45.

7. Бережнова, М. Л. Государственная программа переселений в восточные районы СССР 1939–1942 гг.: этнографические аспекты / М. Л. Бережнова // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4 - 2. – С. 7–16.

8. Ovcharova, M. A. Oral History Sources in the Study of Agricultural Migrations of the Mordvins and Formation of Settlements in the Eastern Part of Siberia in the 1930s – 1940s / M. A. Ovcharova // Historical Courier. – 2020. – № 5 (13). – P. 70–82. – URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-06.Pdf>.

9. Чернышева, Н. В. Плановые сельскохозяйственные переселения жителей Кировской области во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. / Н. В. Чернышева, К. А. Чернышев // Вестник гуманитарного образования. – 2019. – № 1 (13). – С. 21–26.

10. Gorbachev, O. «Broad Is My Land»: The Dimensions of Russian Migration / O. Gorbachev // Quastio Rossica. – 2016. – Vol. 4, № 3. – P. 268–281.

11. Gorbachev, O. Migrants and the Russian State in the 20th Century: Opportunities and Limitations / O. Gorbachev // Quastio Rossica. – 2018. – Vol. 6, № 1. – P. 240–248.

12. Siegelbaum, L. H. Broad is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century / L. H. Siegelbaum, L. P. Moch. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 2014. – 421 p.

13. Баранов, Е. Ю. Миграции населения на Урале в XX в.: проблемы современной историографии / Е. Ю. Баранов // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 11. – С. 11–28.

14. Молощенков, А. Н. Политика советского правительства и переселение украинцев на Южный Урал в 30-е гг. XX века / А. Н. Молощенков // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 3 (15). – С. 105–107.

15. Мотревич, В. П. Плановое сельскохозяйственное переселение на Урал в 1920 – 1950-е гг. /

В. П. Мотревич // Аграрный вестник Урала. – 2012. – № 9 (101). – С. 32–33.

16. Мотревич, В. П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны / В. П. Мотревич. – Екатеринбург : Альфа Принт, 2021. – 700 с.

17. Корнилов, Г. Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. / Г. Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 2 (35). – С. 48–57.

18. Каменских, М. С. Переселенческая политика и личные стратегии переселенцев на Урале в 1928–1930 гг. / М. С. Каменских // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития : сборник статей IX Уральского демографического форума : в 2 т. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2018. – Т. II. – С. 140–149.

19. Нефедов, С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации: монография / С. А. Нефедов. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – 283 с.

20. Воробьева, О. Д. Миграционная политика России: история и современность / О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский. – М. : Экон-Информ, 2016. – 192 с.

21. Челябинская область. 1917–1945 гг. Сбор-

ник документов и материалов ; под ред. проф. П. Г. Агарышева. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1998. – 304 с.

22. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1980). Т. 7. 1938–1945. – 9-е изд., доп. и испр.– М. : Политиздат, 1985. – 574 с.

23. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 23.

24. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 3. – Д. 384.

25. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 2.

26. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 20.

27. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 28.

28. Базаров, А. А. Хроника колхозного рабства / А. А. Базаров. – М. : Возвращение, 2004. – 814 с.

29. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 3. – Д. 360.

30. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 27.

31. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 3. – Д. 497.

32. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 203.

33. ОГАЧО. – Ф. П-297. – Оп. 2. – Д. 642.

34. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 83.

35. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 58.

36. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 145.

37. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 148.

38. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 165.

Лымарев Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом публикации и научного использования документов, Объединенный государственный архив Челябинской области (Челябинск), e-mail: limarev_muz@mail.ru. ORCID: 0000-0002-9588-5344

Палецких Надежда Петровна – доктор исторических наук, доцент (Челябинск), e-mail: palenad@mail.ru. ORCID: 0000-0001-5073-7914

Поступила в редакцию 12 декабря 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230205

PLANNED AGRICULTURAL RESETTLEMENT IN THE CHELYABINSK REGION BEFORE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. N. Lymarev¹, N. P. Paletskikh²

¹United State Archive of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russian Federation

²Chelyabinsk, Russian Federation

Based on materials from the Chelyabinsk region, for the first time in regional historiography, this article attempts to study the planned agricultural resettlement in 1939–1945. The study was based mainly archive materials stored in the United State Archive of the Chelyabinsk Region. In accordance with the hypothesis of Soviet society as a society of a mobilization type, the authors consider the development and implementation of a model of planned agrarian migration of the population as an integral part of the mobilization processes in the Soviet Union on the eve of the Great Patriotic War. The model of agricultural resettlement itself is seen as ensuring the viability and development of Soviet civilization. The topic is revealed through state policy measures, collective farm support and migratory behavior of migrant peasants. The study of regulatory, directive, office work, accounting and statistical documents, ego-materials enabled the dynamics of migration flows over

the years to be established. The problems faced by the migrants were shown and individual migration trajectories identified.

The study also drew a main conclusion: voluntary planned agricultural resettlement initiated by the Soviet authorities was an objectively necessary event in the specific historical conditions of the turn of the 1930s–1940s. The direction of immigrants to the Chelyabinsk region was dictated by an acute shortage of labor in the South Ural collective farms. The state allocated significant material and financial resources to the oblast, provided the settlers and host collective farms with serious benefits. A key problem throughout the entire period under review was «reversal». In 1943–1945 the settlement of pre-war settlers was carried out

Keywords: population migration, planned agricultural resettlement, collective farmers-settlers, Chelyabinsk region, Great Patriotic War.

References

1. Moiseenko V.M. Territorial'noe dvizhenie naseleniya. Kharakteristika i problemy upravleniya [Territorial Movement of the Population. Characteristics and Problems of Management]. M., 1985. 118 s.
2. Platonov N.I. Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 – iyun' 1941 gg.) [Migration Policy of the Soviet State and Its Implementation in the USSR (1917 – June 1941)]. Tomsk, 1976. 283 s.
3. Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York: Oxford University Press, 1994. 386 p.
4. Fitzpatrick S. Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e goda: derevnya [Stalinist Peasants. Social History of Soviet Russia in the 30s: Village]. M., 2001. 422 s.
5. Kessler G. The Passport System and State Control Over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940. Cahiers du Monde russe. 2001. P. 477–504.
6. Zandanova L.V. Osnovnye etapy skladyvaniya sovetskoy pere-selencheskoy politiki i formirovaniya pereselencheskikh organov [The Main Stages in the Formation of the Soviet Resettlement Policy and the Formation of Resettlement Bodies] // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 2007. № 1. S. 27–45.
7. Berezhnova M.L. Gosudarstvennaya programma pereseleniy v vostochnye rayony SSSR 1939–1942 gg.: etnograficheskie aspekty [State Program of Resettlement in the Eastern Regions of the USSR 1939–1942: Ethnographic Aspects] // *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. № 4 - 2. S. 7–16.
8. Ovcharova M.A. Oral History Sources in the Study of Agricultural Migrations of the Mordvins and Formation of Settlements in the Eastern Part of Siberia in the 1930s – 1940s // *Istoricheskiy kur'er*. 2020. № 5 (13). S. 70–82. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-06.Pdf>.
9. Chernysheva N.V., Chernyshev K.A. Planovye sel'skokhozyay-stvennye pereseleniya zhiteley Kirovskoy oblasti vo vtoroy polovine 1930-kh – nachale 1940-kh gg. [Planned Agricultural Resettlement of Residents of the Kirov Region in the Second Half of the 1930s – Early 1940s.] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*. 2019. № 1(13). S. 21–26.
10. Gorbachev O. «Broad Is My Land»: The Dimensions of Russian Migration] // *Quaestio Rossica*. 2016. Vol. 4, № 3. P. 268–281.
11. Gorbachev O. Migrants and the Russian State in the 20th Century: Opportunities and Limitations // *Quaestio Rossica*. 2018. Vol. 6, № 1. P. 240–248.
12. Siegelbaum L.H., Moch L.P. Broad is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century. Ithaca. Cornell Univ. Press, 2014. 421 p.
13. Baranov E.Y. Migratsii naseleniya na Urale v XX v.: problemy sovremennoy istoriografii [Population Migrations in the Urals in the 20th Century: Problems of Modern Historiography] // *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2019. № 11. S. 11–28.
14. Moloshchenkov A.N. Politika sovetskogo pravitel'stva i pereselenie ukraintsev na Yuzhnyy Ural v 30-e gg. XX veka [The Policy of the Soviet Government and the Resettlement of Ukrainians to the South Urals in the 30s. XX Century] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2011. № 3(15). S. 105–107.
15. Motrevich V.P. Planovoe sel'skokhozyaystvennoe pereselenie na Ural v 1920–1950-e gg. [Planned Agricultural Migration to the Urals in the 1920s – 1950s.] // *Agrarnyy vestnik Urala*. 2012. № 9 (101). S. 32–33.
16. Motrevich V.P. Vklad v Pobedu: sel'skoe khozyaystvo Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Contribution to the Victory: Ural agriculture during the Great Patriotic War]. Ekaterinburg, 2021. 700 s.
17. Kornilov G.E. Migratsionnoe dvizhenie i formirovanie naseleniya Urala v pervoy polovine XX v. [Migration Movement and the Formation of the Population of the Urals in the First Half of the 20th Century] // *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2012. № 2 (35). S. 48–57.

18. Kamenskikh M.S. Pereselencheskaya politika i lichnye strategii pereselentsev na Urale v 1928–1930 gg. [Migration Policy and Personal Strategies of Settlers in the Urals in 1928–1930] // *Demograficheskaya i semeynaya politika v kontekste tseyey ustoychivogo razvitiya: sbornik statey IX Ural'skogo demograficheskogo foruma: v 2 t. T. II. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2018. S. 140–149.*
19. Nefedov S.A. Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoj kollektivizatsii [Agrarian and Demographic Results of Stalinist Collectivization]: monografiya. Tambov, 2013. 283 s.
20. Vorob'eva O.D., Rybakovskiy L.L., Rybakovskiy O.L. Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost' [Migration Policy of Russia: History and Modernity]. M., 2016. 192 s.
21. Chelyabinskaya oblast'. 1917–1945 gg. Sbornik dokumentov i materialov [Collection of Documents and Materials]; pod red. prof. P.G. Agarysheva. Chelyabinsk, 1998. 304 s.
22. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyu-tsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1980) [The Communist Party of the Soviet Union in the Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1980)]. T. 7. 1938–1945. 9-e izd., dop. i ispr. M., 1985. 574 s.
23. Ob"edinenny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk Region (USACR)]. F.R-1142. Op.1. D. 23.
24. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 3. D. 384.
25. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op. 1. D. 2.
26. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op. 1. D. 20.
27. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op. 1. D. 28.
28. Bazarov A.A. Khronika kolkhoznogo rabstva [Chronicle of Collective Farm Slavery]. M., 2004. 814 s.
29. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 3. D. 360.
30. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op.1. D. 27.
31. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 3. D. 497.
32. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op.1. D. 203.
33. OGACHO [USACR]. F. P-297. Op.2. D. 642.
34. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op. 1. D. 83.
35. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op. 1. D. 58.
36. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op. 1. D. 145.
37. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op. 1. D. 148.
38. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op. 1. D. 165.

Aleksandr N. Lymarev – Cand. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Department of Publication and Scientific Use of Documents, United State Archive of the Chelyabinsk Region (Chelyabinsk), e-mail: n.kyakkinen-56@yandex.ru

Nadezhda P. Paletskikh – D. Sc. (History), Independent Researcher (Chelyabinsk), e-mail: pale-nad@mail.ru

Received December 12, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Лымарев, А. Н. Плановое сельскохозяйственное переселение в Челябинскую область накануне и в годы Великой Отечественной войны / А. Н. Лымарев, Н. П. Палецких // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 38–46. DOI: 10.14529/ssh230205

FOR CITATION

Lymarev A. N., Paletskikh N. P. Planned Agricultural Resettlement in the Chelyabinsk Region before and during the Great Patriotic War. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 38–46. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230205

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ РОССИИ В ПЕРИОД ГОЛОДА 1932–1933 гг.: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Н. Н. Назаренко¹, Н. В. Коршунова¹, А. В. Башкин²

¹Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация

²Проект «Исторические материалы», г. Москва, Российская Федерация

Статья посвящена историографическому анализу особенностей демографических процессов в Центрально-Черноземной области Советского Союза в период голода 1932–1933 гг. Выбор объекта обусловлен тем, что демографические процессы этого региона представляют особый интерес, поскольку это был один из ведущих зернопроизводящих районов России. В современной российской историографии его относят к наиболее пострадавшим.

Научное изучение указанной темы началось в постсоветский период, так как долгое время она была под запретом. Вопросы демографии и голода 30-х гг. в Центральном Черноземье рассматривались как в общероссийских, так и региональных работах отечественных исследователей, имеющих характер фактологических исследований. Рассмотрены работы зарубежных исследователей, прежде всего американских, украинских и американо-украинских.

Показано, что авторы исследований подсчитывали количество голодающих, умерших от голода, рождаемость и смертность населения разными методами, преимущественно по предварительным оценочным данным и сводным отчетам ЦУНХУ СССР, результаты оценок не всегда согласуются между собой и вызывают вопросы. Публикации украинских историков достаточно сложно анализировать, настолько они изобилуют оценочными суждениями, далекими от научной этики, либо используют не вполне корректные демографические модели.

Установлено, что демография голода 1932–1933 гг. в Центральном Черноземье рассмотрена в первом приближении и только на уровне крупных административно-территориальных единиц, а география голода имеет разночтения и до конца не прояснена. Детально не рассмотрен вопрос городской и порайонной рождаемости, смертности и естественной убыли населения, крайне политизирован и не до конца прояснен вопрос этнической компоненты голода российского Центрального Черноземья.

Ключевые слова: голод 1932–1933 гг., рождаемость, смертность, естественное движение населения, динамика демографических показателей, демографические потери, Центрально-Черноземная область.

Введение

Центрально-Черноземная область (ЦЧО) РСФСР была образована в 1928 г. и просуществовала до 1934 г., когда была разделена на Курскую и Воронежскую области. В настоящий момент эта территория охватывает Курскую, Белгородскую, Воронежскую, Тамбовскую области, большую часть Липецкой и юг Орловской области. Демографические процессы, шедшие на данной территории в период голода 1932–1933 гг., представляют особый интерес, поскольку это был один из ведущих зернопроизводящих районов России [1, с. 50, 67, 106], который в современной российской историографии относят к наиболее пострадавшим от голода. В самых первых исследованиях по демографии СССР 1990-х гг. указывается, что Центрально-Черноземный район (Воронежская и Курская области) характеризовался в 1933 г. отрицательным естественным приростом населения [2, с. 47].

С учетом остроты вопросов демографии в условиях голода в 1932–1933 гг. интерес представляет не только фактическая сторона данного вопроса, но и его освещение в литературе. Это

отражает как направление государственной политики, так и формирование общественного мнения по данному вопросу.

Обзор литературы

Существующие историографические работы по теме исследования [3–7] в подавляющем большинстве носят спорный характер. По указанным территориям актуальные работы по демографии голода немногочисленны: изучение проблематики голода в 30-х гг. XX в. оказалась крайне политизированно. Эта тема и сейчас является таковой, в том числе она оказалась предметом различного рода фальсификаций и псевдоисторических заявлений [8].

Методы исследования

В статье использованы общенаучные методы историзма, научного сравнения, анализа и синтеза, а также метод типологизации. С учетом специфики материала использованы элементы демографо-статистических методов исследования.

Результаты и дискуссия

В числе первых на отрицательный естественный прирост населения Центрального Черноземья России указала Е. А. Осокина. Она отметила убыль

городского населения ЦЧО в 23,1 тыс. человек, сельского – в 39,2 тыс. человек на основании отчетных данных Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) о естественном движении населения СССР за 1933 г. [9, с. 19–20]. По мнению Е. А. Осокиной, регион в РСФСР оказался на четвертом месте в стране по убыли городского населения (убыль составила 1,9 %) [9, с. 20].

В монографии «Население России в XX веке» был описан «разразившийся голодомор 1932–1933 г.», охвативший Тамбовщину [10, с. 266], а также указан рост смертности в результате голода в Курской и Воронежской областях и отрицательный естественный прирост в городах этих областей в 1934 г. [10, с. 268]. Историк Н. А. Ивницкий писал, что в ЦЧО голод охватил в основном южные районы: Валуйский, Уразовский, Вейделевский, Волоконовский, Ровеньский, Россошанский, Никитовский, Буденновский, Алексеевский и Богучарский, особо острым он был весной 1933 г. [11, с. 229]. Всего, по его оценкам, от голода и «сопровождающих его болезней» (без пояснения каких) умерло около 200 тыс. человек [11, с. 230].

С. А. Нефедов, указал, что основная часть Центрально-Черноземного района оказалась в очаге демографической катастрофы [12, с. 61–62] и привел оценку числа умерших, данную П. В. Загоровским, – 195 тыс. человек [13, с. 50], и свою – на основе данных Р. Дэвиса и С. Уиткрофта и «нормы» как среднего числа умерших в 1930–1931 гг.: 142 тыс. человек (1,4 % населения) [12, с. 66; 13, с. 47; 14, с. 270].

Общепризнанный специалист по данному вопросу В. В. Кондрашин описывал голодное бедствие и массовую смертность от голода в ЦЧО [6, с. 310; 15, с. 118]. Ссылаясь на сообщения К. С. Дроздова, в качестве эпицентра голода в ЦЧО он указал пшеничные районы с преобладающим украинским населением [16, с. 19]. В другой работе В. В. Кондрашина эпицентром голода названы Борисовский, Уразовский, Валуйский Вейделевский, Никитовский, Березовский и Верхне-Михайловский районы как наиболее пострадавшие от хлебозаготовок, но без указания этнической характеристики населения [1, с. 175]. Автор отметил, что голод в регионе, в том числе в городах, начался в марте и продолжался до июля 1933 г. [1, с. 175–176]. Всего для ЦЧО со ссылкой на П. В. Загоровского приводятся следующие цифры: 241 тыс. прямых потерь от голода и около 400 тыс. потерь от «недорода» и стихийной миграции – всего около 600–650 тыс. человек [17, с. 191; 18, с. 325]. Другая оценка потерь приводится в соответствии с данными сельскохозяйственного налога: с 1 января 1933 г. по 1 января 1935 г. численность сельского населения Курской области сократилась на 13 %, а Воронежской – на 11 % [1, с. 285]. Отметим, что начальник сектора населения и здравоохранения ЦУНХУ С. Каплун при подготовке материалов по итогам

естественного движения населения СССР в 1933 г. писал, что данные налогового учета не обеспечивают полноты охвата населения, а также отражают результаты миграции, и напрямую не могут быть использованы для демографических оценок [19, л. 285].

Историк В. Б. Жиромская отмечала, что голод охватил значительную часть ЦЧО. Особо пострадало население Курской области [20, с. 95]. В более позднем исследовании автора убыль населения из-за смертности от голода отмечена не только в Курской, но и в Орловской и Воронежской областях (без указания на то, в границах какого года) [21, с. 651]. По ее подсчетам, население Курской области сократилось на 8 %, Воронежской – на 4 %, а смертность в Курской области составляла 33 % сельского населения и 44 % – городского [20, с. 96]. В дальнейшем рассчитанная В. Б. Жиромской смертность немного другая, но приведена в процентах – 30,3 и 42,8 % [21, с. 653]. Указание размерности в процентах (возможно из-за технической ошибки) привело к искусственному завышению смертности в 10 раз¹. Также автором отмечен отрицательный естественный прирост населения в 1934 г. городов Воронежской области (-2,4 %) [20, с. 97]. Еще одна оценка потерь населения В. Б. Жиромской дается по убыли населения между переписями населения 1926 и 1937 гг. Для сел Курской области убыль составила 17,6 %, а Воронежской – 10,4 % [20, с. 99]. Автор отметила, что эту убыль нельзя объяснить миграцией сельского населения в города в связи с бурным ростом строительства промышленных объектов, поскольку часть промышленных объектов строилась не в городской черте, где и размещались строители и промышленные рабочие [21, с. 652]. Отметим, что размещение не в городской черте не означает, что строители не фиксировались как жители городов (рабочих поселков), а выезд из села всегда фиксировался как миграция из сельской местности. Кроме того, высокие темпы миграции в города были и после голода [12, с. 65; 13, с. 49].

Анализируя миграционные потоки из Центрального Черноземья, исследователь С. А. Нефедов связал их с аграрным перенаселением, отсут-

¹ Мы анализируем понятия смертности и рождаемости. Для сравнения используют относительные показатели: чаще всего это относительная смертность (рождаемость). Она рассчитывается как число умерших (родившихся) за календарный год, деленное на численность населения данной территории. Для удобства сравнения величин для разных территорий десятичную дробь относят (умножают) либо к 100 и получают относительную смертность в процентах, либо к 1000 и получают промилле. Если при населении 1000 человек родилось 10 детей, то абсолютная рождаемость будет 10, относительная – 10/1000 = 0,01, в процентах это 1, а в промилле 10. В демографических исследованиях приняты именно промилле, поскольку они удобнее при низких абсолютных величинах и высокой численности населения. Величина одна и та же – показатель рождаемости (смертности), деленный на общее население, а вот выражение этой величины разное, что приводит к ошибкам или порой к сознательному искажению исторических фактов.

ствием промышленных центров и аграрной спецификой региона [12, с. 66–67]. По его данным, выезд из ЦЧО в 1936 г. более чем в два раза превышает оценки смертности от голода. С этими оценками сопоставима и ежегодная официальная миграция после 1933 г., которая могла быть и выше официальной [12, с. 66; 13, с. 50; 22, с. 14, 21]. Появление в первые пятилетки громадного количества рабочих мест вне сельского хозяйства и за пределами региона породило массовый отток молодежи из сел [23]. Безусловно, трагедия 1932–1933 гг. усилила миграцию, однако необходимо отличать потери от голода и убыль от миграции по социально-экономическим причинам. Именно социально-экономические причины, а не голод 1932–1933 гг. обусловили значительный отток сельского населения из ЦЧО в другие регионы СССР, падение рождаемости и убыль населения, которую зафиксировали в переписи населения 1937 г. по сравнению с ранее проведенной в 1926 г.

Зарубежные исследователи Р. Дэвис и С. Уиткрофт в своей работе привели отчетные данные ЦУНХУ СССР, согласно которым в ЦЧО в 1932 г. родилось 391556 (36,7 %) человек, а умерло 204328 (19,2 %) человек, а в 1933 г. – 299083 (28,3 %) и 361389 (34,1 %) человек, соответственно [24]. Они указали, что в ЦЧО смертность в сельской местности к июлю 1933 г. в 4 раза превышала «норму» (которая авторами не указывается, но дается ссылка на 3 тома работы «Трагедия советской деревни» и монографию П. В. Загородского) [25, с. 417]. Авторы, со ссылкой на справки ОГПУ, отметили факты недоедания, опухания и смертей от голода в отдельных деревнях в 1934 г. [25, с. 418]. Рассчитанная ими «сверхсмертность» в ЦЧО в 1933 г. составила 0,13 млн человек, а всего за период голода 1932–1933 гг. – 0,1 млн человек (в 1932 г. по их расчетам был прирост в 0,03 млн) [25, с. 422]. С. Уиткрофт отметил, что в Центральном Черноземье в период голода наблюдался широкий и относительно высокий пик смертности в городах (70 на тыс.), который был аналогичен смертности сельского населения (75 на тыс.), но длился меньше по времени [26, с. 752].

Наличие в российском Центральном Черноземье украинских национальных районов обусловило интерес к региону со стороны украинских историков. Однако их работы, например, статью Ю. Брызгунова, сложно анализировать, настолько она изобилует оценочными суждениями и формулировками, далекими от научной этики [27]. По сути вопроса Ю. Брызгунов указывает, что пик смертности в Курском и Белгородском регионах пришелся на середину 1933 г., голод был и в 1934 г. Несмотря на оговорку, что от голода пострадали и другие национальности, в частности русские [27, с. 130], Ю. Брызгунов напрямую связывал голод с отменой украинизации в ЦЧО и украинофобией «северо-восточной соседки» и писал о геноциде

украинской нации в РСФСР [26, с. 136–139]. Фактически единственным аргументом «геноцида» является то, что наиболее пострадали южные и юго-западные районы (особенно современной Белгородской области), где проживали потомки казаков-переселенцев и этнические украинцы [27, с. 128, 130, 132].

Этот подход нашел поддержку у некоторых российских исследователей. В. В. Бубликов и В. В. Маркова писали, что основной причиной «деукраинизации» Белгородского края послужил голод 1932–1933 гг., «...получивший в украинской историографии название Голодомор» [28, с. 54]. Виновным в «деукраинизации голодом» они называли советское руководство, которое, снизив план хлебозаготовок в целом в ЦЧО, для половины южных украинских районов его увеличила [28, с. 55]. Данные о плане хлебозаготовок авторами взяты из работы К. С. Дроздова, который писал, что в большинстве «русских» районов севера ЦЧО планы хлебозаготовок были уменьшены, а в 27 из 52 южных «украинских» районов – увеличены [29, с. 33]. Еще в качестве аргумента «голода-геноцида украинцев» в ЦЧО В. В. Бубликов отметил, что в период между переписями населения 1926 и 1939 гг. численность украинцев в регионе сократилась в 4 раза при росте числа русских в 1,4 раза [29, с. 32; 30, с. 39].

На основе расчетов П. В. Загородского В. В. Бубликов писал, что прямые потери населения Белгородской области от голода были не менее 100 тыс. человек [29, с. 33]. Но, считая эти расчеты заниженными, предложил свою оценку естественной убыли населения ЦЧО с 1 января 1933 г. «по середину 1934 г.» как 1179,8 тыс. человек, где округленно прямые потери от голода составили около 900–1000 тыс. человек и еще 200–300 человек потерь из-за снижения рождаемости и других причин [29, с. 33–34]. Потери Белгородской области, по его мнению, составили 300–350 тыс. человек прямых потерь от голода, из которых «не менее 2/3 составили этнические украинцы» [29, с. 36].

Еще в 1995 г. на семинаре по демографии населения СССР 20–30-х гг. XX в. в университете Торонто (Канада) указывалась некорректность использования в оценках потерь от голода данных об изменении этнического состава между переписями населения 1926, 1937 и 1939 гг., поскольку в переписях использовались разные подходы для национальной самоидентификации и, соответственно, разные формулировки вопроса [31, с. 140]. В. Б. Жиромская отметила, что в городах Воронежской и Курской областей в 1934 г. наблюдалась убыль русского, немецкого и еврейского населения, а число украинцев увеличилось [20, с. 98], что указывает на миграционные потоки этнических украинцев из сел в города.

Этнические вопросы голода рассмотрены и в публикации американско-украинской группы

историков и демографов, полагающих национальность возможным ключевым фактором («nationality may be a key factor») голодных 1932–1933 гг. в РСФСР [32, р. 1]. Однако они не выделяли ЦЧО или иные регионы с украинскими национальными районами в качестве отдельного «субрегиона» (как, например, «Krasnodar kraj») для обоснования национального фактора этого явления. Критика методики, используемой этой группой, нами была представлена ранее [33, с. 190–191]. Здесь отметим, что ЦЧО авторы отнесли к третьей группе российских регионов по потерям от голода в 1932–1934 гг. (38,4 %) [32, р. 6, 7, см. Fig. 2]. Было указано, что смертность от голода в регионах не коррелирует с хлебозаготовками [32, р. 10], но в анализе «фактора национальности» приводится аргумент повышения плана хлебозаготовок в 27 из 52 «украинизированных» районов ЦЧО по сравнению с северными районами [32, р. 15]. Фактически же ситуация с голодом украинцев в ЦЧО в статье лишь упоминается, поскольку она, по данным самих же авторов, не вписывается в теорию «ключевого фактора национальности».

Таким образом, в большинстве рассмотренных работ общероссийского масштаба, где рассматривается Центральное Черноземье, а также работ зарубежных исследователей и тех, кто рассматривает «голодомор» в ЦЧО, часто приводятся оценки, выполненные еще в 1990-е гг. П. В. Загоровским и К. С. Дроздовым.

П. В. Загоровский [34] писал, что рост смертности на селе начался в марте 1933 г., а следующие скачки были в мае и июне с пиком в июле и общим ростом на 262 %, с августа смертность быстро снижается. Особенно пострадали юго-западные районы ЦЧО, но в западных районах смертность была лишь немногим меньше, голодные смерти фиксировались в восточных и северных районах. Наиболее пострадали районы: Белгородский, Беловский, Больше-Троицкий, Борисовский, Вейделевский, Велико-Михайловский, Весело-Лопанский, Грайворонский, Никитовский, Ракитнянский, Ровеньский, Старо-Оскольский, Уразовский, Чернянский, Шаталовский, Шебекинский (современная Белгородская область); Земетчинский (Тамбовская); Ново-Калитвянский (Воронежская), Становлянский (Липецкая). Указывается, что голод был и зимой 1933–1934 гг., когда наиболее сильно пострадали юго-западные и южные районы ЦЧО. Однако смертность не была такой высокой, как в 1933 г. Также весной 1933 г. голод пришел в города с точно такими же пиками и общим ростом на 158 %. Рост умерших в городах был за счет истощенных переселенцев из сельской местности. Рождаемость в 1933 г. упала на 18,5 % по сравнению с 1932 г., убыль населения в 1933 г. составила 81 тыс. человек, а прямые потери от голода – 195 тыс. человек. К ним прибавляются 45,8 тыс. падения рождаемости, получая 241 тыс.

потерь от голода или 2 % населения ЦЧО. Никакой этнической компоненты или геноцида украинцев голодом П. В. Загоровский не упоминает. Проблема заключается в том, что использованные им данные (табл. 4, схема 4 и 5 монографии [34]) по ЦЧО за 1933 и 1934 гг. – оценочные и использованы ЦУНХУ по конъюнктурным отчетам [35, л. 15; 36].

К. С. Дроздов, упоминая работу Ю. Брызгунова, указал на достаточно низкую объективность и научную ценность украинских исследований, основанных на искусственном противопоставлении Москвы и Киева, а также на однобоком представлении советской украинской национальной политики как обмана и провокации большевиков для ликвидации украинского национального движения [36, с. 8]. Высокая смертность в регионах компактного проживания украинцев, по его мнению, не имела ничего общего с геноцидом. Причина в том, что это был наиболее экономически развитый регион товарного производства зерна ЦЧО, где прошла наиболее активная и массовая коллективизация. Именно поэтому в части районов (27 из 52) были увеличены планы хлебозаготовок [36, с. 26; 37, с. 309]. Никакого геноцида в 1933 г. в ЦЧО К. С. Дроздов не отмечал [37, с. 325–326], а сворачивание политики украинизации связывается с недопущением развала колхозов и срыва хлебозаготовок в зерновых районах РСФСР, граничивших с Украиной [36, с. 29; 37, с. 326–332]. Фактически это ответ и В. В. Бубликову, который, упоминая данные К. С. Дроздова в подтверждение своего мнения «голодомора украинцев», не указывает аргументы из этих же работ, противоречащие его мнению. Оценка числа потерь от голода К. С. Дроздовым принята по расчетам П. В. Загоровского (195 тыс. прямых и 46 тыс. «не родившихся детей»), но в ареал голода он предлагает включить и южные районы ЦЧО [37, с. 326, 338].

Рассматривая этническую составляющую голода в ЦЧО необходимо отметить, что С. Уиткрофт с соавторами, анализируя смертность на районном уровне, писал, что по границе между Харьковской (УССР) и Курской (РСФСР) области нет резкого разрыва в смертности на уровне районов [38, с. 220]. Можно отметить достаточно случайное распределение смертности в приграничных районах на составленной им карте. Кроме того, на ней нет привязки по национальности [38, с. 225].

Из региональных исследований следует отметить работу Е. А. Высотиной, которая писала, что кризис 1933 г. отразился на рождаемости. Она упала с конца 1933 г. и в 1934 г. на 132 тыс. человек, а голод 1933 г. привел к росту смертности до 400 тыс. человек за год, высокая смертность была и в 1934 г. [22, с. 16–17]. При этом в ЦЧО можно было наблюдать отличную от других регионов миграцию населения, когда в 1933 г. произо-

шел спад переезда в города региона. Одновременно жители ЦЧО устремились в города других регионов [22, с. 14]. Оценок потерь от голода и указаний на «геноцид голодом» автором не приводил.

Региональные особенности голода отмечались на Тамбовщине. Единичные случаи смерти от истощения были весной 1932 г., число их возросло к июню 1932 г., когда в Тамбовском районе умирало 2 человека в день от истощения [39, с. 186], а пик голода был зимой 1932–1933 гг., к весне голод начал спадать [39, с. 188]. Оценки потерь от голода не даны в силу того, что «...абсолютно точно вычислить количество умерших от голода и его последствий не представляется возможным» [39, с. 189].

Выводы

Таким образом, вопрос естественного движения населения ЦЧО в период голода 1932–1933 гг. в монографических исследованиях и статьях общероссийского масштаба опирается преимущественно на положения, сформулированные в публикациях еще начала 1990-х гг. XX в., и на оценки 1990-х гг., выполненные П. В. Загоровским. Сами расчеты потерь от голода зачастую даны по предварительным оценочным данным и сводным отчетам ЦУНХУ СССР, которые не всегда согласуются между собой и вызывают дополнительные вопросы.

Демография голода 1932–33 гг. в Центральном Черноземье рассмотрена в первом приближении и только на уровне крупных административно-территориальных единиц, а география голода имеет разночтения и до конца не прояснена, несмотря на имеющийся порайонный картографический анализ смертности.

Детально не рассмотрен вопрос городской и порайонной рождаемости и естественной убыли населения ЦЧО.

Наконец, крайне политизирован и не до конца прояснен вопрос этнической компоненты голода российского Центрального Черноземья. Большинство исследователей рассматривает эту проблему в парадигме «голодомора-геноцида» и при этом использует однобокую аргументацию, зачастую игнорируя данные и аргументы, противоречащие их представлениям и взглядам.

Таким образом, необходима оценка демографических процессов (естественного движения населения, определяемого рождаемостью и смертностью, а также миграциями) населения Центрального Черноземья на основе детального анализа широкого круга архивных источников по демографической статистике, а также рассмотрения особенностей рождаемости и смертности в районах компактного проживания этнических украинцев в ЦЧО.

Благодарности

Авторы благодарят уважаемого Марка Таугера (Mark B. Tauger, PhD, associate professor, De-

partment of History, West Virginia University) за помощь в получении редких научных изданий.

Литература

1. Кондрашин, В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.) / В. В. Кондрашин. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 350 с.
2. Андреев, Е. М. Население Советского Союза, 1922–1991 гг. / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Д. Харьковская. – М. : Наука, 1993. – 139 с.
3. Кондрашин, В. В. Голод 1932–1933 годов в современной российской и зарубежной историографии: взгляд из России / В. В. Кондрашин // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР ; науч. ред. В. В. Кондрашин. – М. : РОССПЭН, 2011. – С. 8–57.
4. Баранов, Е. Ю. Современная историография демографической истории СССР в 1930-е гг.: тренд дискурса и актуальные проблемы / Е. Ю. Баранов // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 3 (44). – С. 70–79.
5. Казьмина, М. В. Отечественная историография рубежа XX–XXI вв. о голоде 1932–1933 гг. в СССР / М. В. Казьмина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – Т. 2, № 3 (59). – С. 122–125.
6. Кондрашин, В. В. Современная российская историография голода 1932–1933 годов в СССР: к 85-летию общей трагедии народов Советского Союза / В. В. Кондрашин // Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории России : сборник статей к 70-летию профессора В. Н. Никулина. – Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2018. – С. 307–318.
7. Кондрашин, В. В. Региональные и национальные особенности голода в СССР в 1932–1933 гг. / В. В. Кондрашин // Труды Института российской истории РАН. – 2019. – № 15. – С. 196–219.
8. Кондрашин, В. В. Методы и исследовательские практики политизации и фальсификации темы голода 1932–1933 гг. в СССР, на постсоветском пространстве и в современной западной историографии / В. В. Кондрашин // История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом : доклады Международной научно-практической конференции. – М. : Изд-во РГГУ, 2019. – С. 232–241.
9. Осокина, Е. А. Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) / Е. А. Осокина // История СССР. – 1991. – № 5. – С. 18–26.
10. Население России в XX веке : в 3 т. / отв. ред. Ю. А. Поляков. – Т. 1. – М. : Росспэн, 2000. – 463 с.
11. Ивницкий, Н. А. Голод 1932–1933 годов

- в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центральнo-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал / Н. А. Ивницкий. – М. : Собрание, 2009. – 288 с.
12. Нефедов, С. А. Демографическая динамика СССР в 1930-х годах / С. А. Нефедов // Экономическая политика. – 2012. – № 5. – С. 56–69.
13. Нефедов, С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации / С. А. Нефедов. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – 283 с.
14. Нефедов, С. А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах / С. А. Нефедов. – М. : Дело, 2017. – 432 с.
15. Кондрашин, В. В. Голод 1932–1933 годов – общая трагедия народов СССР / В. В. Кондрашин // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2009. – № 11 (15). – С. 117–120.
16. Кондрашин, В. В. Голод 1932–1933 гг. в Российской Федерации (РСФСР) / В. В. Кондрашин // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2010. – № 1. – С. 6–20.
17. Кондрашин, В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни / В. В. Кондрашин. – М. : РОССПЭН, 2008. – 519 с.
18. Кондрашин, В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. – 2-е изд., доп. и перераб. / В. В. Кондрашин. – М. : РОССПЭН, 2018. – 566 с.
19. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 107.
20. Жиромская, В. Б. Голод 1932–1933 годов в России и современные международные отношения / В. Б. Жиромская // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2009. – № 14. – С. 92–101.
21. Жиромская, В. Б. Голод 1932–1933 гг.: людские потери / В. Б. Жиромская // Голод в СССР. 1929–1934 : в 3 т. – Т. 3: Лето 1933–1934. – М. : МФД, 2013. – С. 651–662.
22. Высотина, Е. А. Социально-демографическое развитие Центрального Черноземья в 1920–1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Высотина. – Воронеж, 2007. – 24 с.
23. Жуков, Д. С. Факторы демографических процессов в российском аграрном обществе второй половины XIX – конца XX в. (на материалах Тамбовского региона) / Д. С. Жуков, В. В. Канищев, С. К. Лямин // Историческая информатика. – 2020. – № 3. – С. 89–102.
24. Davies, R. W. The years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933 / R. W. Davies, S. G. Wheatcroft // Registered excess deaths by regions, 1932–1933. – URL: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/hunger>. (дата обращения: 06.08.2022).
25. Дэвис, Р. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933 / Р. Дэвис, С. Уиткрофт. – М. : Росспэн, 2011. – 543 с.
26. Уиткрофт, С. Показатели демографического кризиса в период голода / С. Уиткрофт // Голод в СССР. 1929–1934 : в 3 т. – Т. 3: Лето 1933–1934. – М. : МФД, 2013. – С. 719–771.
27. Брызгунов, Ю. Голод 1930-х років у Центральному Чорнозем'ї та на Кубані: антиукраїнське спрямування / Ю. Брызгунов // Три голодомори в Україні в XX ст.: погляд із сьогодення : матеріали міжнародної наукової конференції. – К. : Українська Видавнича Спілка, 2003. – С. 126–140.
28. Бубликов, В. В. Формирование этнического состава населения Белгородской области (часть первая: XIX век – середина XX столетия) / В. В. Бубликов, В. В. Маркова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2014. – № 2 (173). – С. 49–59.
29. Бубликов, В. В. Причины и последствия «этнической революции» 1930-х гг. на Белгородчине (ч. II) / В. В. Бубликов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2017. – № 10 (259). – С. 31–40.
30. Бубликов, В. В. Причины и последствия «этнической революции» 1930-х гг. на Белгородчине (ч. I) / В. В. Бубликов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2016. – № 24 (245). – С. 38–46.
31. Кульчицкий, С. В. Ще раз до питання про демографічні наслідки голоду 1932–1933 рр. в Україні / С. В. Кульчицкий // Український історичний журнал. – 1995. – № 5. – С. 137–140.
32. Levchuk, N. Regional 1932–1933 famine losses: a comparative analysis of Ukraine and Russia / N. Levchuk, O. Wolowyna, O. Rudnytskyi, A. Kovbasiuk, N. Kulyk // Nationalities Papers. – 2020. – P. 1–21.
33. Назаренко, Н. Н. Региональные особенности рождаемости и смертности населения Нижнего Поволжья в период голода 1932–1933 годов / Н. Н. Назаренко, А. В. Башкин // Самарский научный вестник. – 2021. – Т. 10, № 2. – С. 189–199.
34. Загоровский, П. В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х годов / П. В. Загоровский. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 1998. – 132 с. – URL: <http://iatp.vspu.ac.ru/itog2001/kraevedenie/golod.htm> (дата обращения 06.08.2022).
35. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 20. – Д. 41.
36. Дроздов, К. С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье: 1923–1933 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2010. – 30 с.
37. Дроздов, К. С. Голод 1933 года в южных украинизированных районах Центрально-Черноземной области РСФСР / К. С. Дроздов // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР ; науч. ред. В. В. Кондрашин. – М. : РОССПЭН, 2011. – С. 282–338.

38. Wheatcroft, S. G. Mapping crude death rates in Ukraine in 1933 and explaining the raion patterns / S. G. Wheatcroft, A. Garnaut, I. Leikin // Голод в Україні у першій половині ХХ століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947) : матеріали міжнародної наукової конференції. – Київ, 2013. – С. 219–226.

39. Жигульский, А. В. Опыт взаимодействия власти и общества в условиях голода 1932–1933 гг. (на примере Тамбовской области) / А. В. Жигульский // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 23, № 174 – С. 181–190.

Назаренко Назар Николаевич – доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры химии, экологии и методики обучения химии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), e-mail: nnazarenko@hotmail.com. ORCID: 0000-0002-2425-3649

Коршунова Надежда Владимировна – доктор исторических наук, декан исторического факультета, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), e-mail: korshunovanv@cspu.ru. ORCID: 0000-0002-4648-0893

Башкин Анатолий Викторович – координатор, Проект «Исторические материалы» (Москва), e-mail: lost_empire@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1086-8690

Поступила в редакцию 9 февраля 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230206

DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE CENTRAL CHERNOZEM REGION OF RUSSIA DURING THE FAMINE OF 1932–1933: HISTORIOGRAPHY ANALYSIS

N. N. Nazarenko¹, N. V. Korshunova¹, A. V. Bashkin²

¹South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

²Project «Historical materials», Moscow, Russian Federation

The paper presents the results of a historiographical analysis of the demographic processes in the Central Chernozem region of the Soviet Union during the famine of 1932–1933. This subject was chosen because the demographic processes that took place in this territory at that time are of particular interest, since it was one of the principal grain-producing regions of Russia, which in modern Russian historiography are considered one of the most strongly affected by the famine.

Scientific study of this topic began in the post-Soviet period, as this topic was taboo for many years. The problems of demography and famine of the 1930s in the Central Chernozem region have been considered both in Russian and regional fact-based studies by Russian researchers.

Papers by foreign researchers – primarily American, Ukrainian and Ukrainian-American – are also considered. We found that different methods were used to calculate the number of people who were starved or died of hunger, birth rate, and mortality, but they primarily used tentative prognoses data and summary reports, the results of which do not always coincide and raise questions. The papers of Ukrainian historians are quite difficult to analyze, as they are abound in value judgments that do not conform to scientific ethics, or they use somewhat incorrect demographic models.

It has been ascertained that the demography of the famine of 1932–1933 in the Central Chernozem region is examined through initial approximation and only at the level of large administrative territorial units; the geography of the famine has discrepancies and has not yet been fully clarified. Urban and rural birth rate, mortality, and natural population increase have not been considered in detail, while the ethnic component of the famine of the Russian Central Chernozem region is extremely politicized and also not yet fully clarified.

Keywords: famine 1932–1933, birth rate, mortality, vital rate statistics, dynamics of demographic indicators, demographic losses, Central Chernozem region.

References

1. Kondrashin V.V. Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoy pyatiletki i ee rezul'taty (1929–1933 gg.) [Grain Procurement Policy During the First Five-Year Plan and Its Results (1929–1933)]. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 350 s.
2. Andreev E.M., Darsky L.E., Khar'kova T.L. Naselenie Sovetskogo Soyuz, 1922–1991 gg. [Population of the Soviet Union: 1922–1991]. M.: Nauka, 1993. 139 s.
3. Kondrashin V.V. Golod 1932–1933 godov v sovremennoy rossiyskoy i zarubezhnoy istoriografii: vzglyad iz Rossii [The Famine of 1932–1933 in Modern Russian and Foreign Historiography: A View from Russia] // *Sovremennaya rossiysko-ukrainskaya istoriografiya goloda 1932–1933 gg. v SSSR*; nauch. red. V.V. Kondrashin. M.: ROSSPEN, 2011. S. 8–57.
4. Baranov E.Y. Sovremennaya istoriografiya demograficheskoy istorii SSSR v 1930-e gg.: trend diskursa i aktual'nye problemy [Modern Historiography of the Demographic History of the USSR in the 1930s: discourse trends and topical problems] // *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. 2014. № 3 (44). S. 70–79.
5. Kazmina M.V. Otechestvennaya istoriografiya rubezha XX–XXI vv. o golode 1932–1933 gg. v SSSR [Russian Historiography of the Turn of 20th–21st Centuries on the 1932–1933 Famine in the USSR] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. Vol. 2, № 3 (59). S. 122–125.
6. Kondrashin V.V. Sovremennaya rossiyskaya istoriografiya goloda 1932–1933 godov v SSSR: k 85-letiyu obshchey tragedii narodov Sovetskogo Soyuz [Modern Russian Historiography of the Famine of 1932–1933 in the USSR: the 85th Anniversary of the Common Tragedy of the Peoples of the Soviet Union] // *Vekov nespeshnyj hod: problemy social'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii: sbornik statej k 70-letiyu professora V.N. Nikulina*. Kaliningrad: Baltiyskiy federal'nyy universitet imeni Immanuila Kanta, 2018. S. 307–318.
7. Kondrashin V.V. Regional'nye i natsional'nye osobennosti goloda v SSSR v 1932–1933 gg. [Regional and National Characteristics of the Famine in the USSR in 1932–1933] // *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN*. 2019. № 15. S. 196–219.
8. Kondrashin V.V. Metody i issledovatel'skie praktiki politizatsii i fal'sifikatsii temy goloda 1932–1933 gg. v SSSR, na postsovetskom prostranstve i v sovremennoy zapadnoy istoriografii [Methods and Research Practices of the Politization and Falsification of the Theme of the 1932–1933 Famine in the USSR in the Post-Soviet Space and in the Modern Western Historiography] // *Istoriya sovremennosti: informatsionnye resursy, metody i issledovatel'skie praktiki v Rossii i za rubezhom: doklady Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. M.: Izd. RGGU, 2019. S. 232–241.
9. Osokina E.A. Zhertvy goloda 1933 goda: skol'ko ikh? (Analiz demograficheskoy statistiki TsGANKh SSSR) [Victims of the Famine of 1933: How Many are There? (Analysis of Demographic Statistics of the CGANH USSR)] // *Istoriya SSSR*. 1991. № 5. S. 18–26.
10. Naselenie Rossii v XX veke [The population of Russia in the 20th century]: v 3 t.; otv. red. Y.A. Polyakov. T. 1. M.: Rosspen, 2000. 463 s.
11. Ivnitkiy N.A. Golod 1932–1933 godov v SSSR: Ukraina, Kazakhstan, Severnyy Kavkaz, Povolzh'e, Tsentral'no-Chernozemnaya oblast', Zapadnaya Sibir', Ural [Famine of 1932–1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, North Caucasus, Volga region, Central-Chernozem oblast, Western Siberia, Ural]. M.: Sobranie, 2009. 288 s.
12. Nefedov S.A. Demograficheskaya dinamika SSSR v 1930-kh godakh [Demographic Dynamics of the USSR in the 1930s] // *Ekonomicheskaya politika*. 2012. № 5. S. 56–69.
13. Nefedov S.A. Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoj kollektivizatsii [Agrarian and Demographic Results of Stalin's Collectivization]. Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2013. 283 s.
14. Nefedov S.A. Uroven' zhizni naseleniya i agrarnoe razvitie Rossii v 1900–1940 godakh [The Standard of Living of the Population and the Agrarian Development of Russia in 1900–1940]. M.: Delo, 2017. 432 s.
15. Kondrashin V.V. Golod 1932–1933 godov – obshchaya tragediya narodov SSSR [Famine 1932–1933 – the Tragedy of the Peoples of the USSR] // *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo*. 2009. № 11 (15). S. 117–120.
16. Kondrashin V.V. Golod 1932–1933 gg. v Rossiyskoy Federatsii (RSFSR) [Famine of 1932–1933 in the Russian Federation (RSFSR)] // *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskikh issledovanij*. 2010. № 1. S. 6–20.
17. Kondrashin V.V. Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiyskoy derevni [Famine of 1932–1933: the Tragedy of the Russian Village]. M.: ROSSPEN, 2008. 519 s.
18. Kondrashin V.V. Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiyskoy derevni [Famine of 1932–1933: the Tragedy of the Russian Village]. 2-e izd., dop. i pererab. M.: ROSSPEN, 2018. 566 s.
19. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE) [Russian State Archive of Economics (RSAE)]. F. 1562. O. 329. D. 107.

20. Zhiromskaya V.B. Golod 1932–1933 godov v Rossii i sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya [Famine of 1932–1933 in Russia and Contemporary International Relations] // *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2009. № 14. S. 92–101.
21. Zhiromskaya V.B. Golod 1932–1933 gg.: Lyudskie poteri [Famine of 1932–1933: Human Losses] // *Golod v SSSR. 1929–1934: v 3 t. T. 3: Leto 1933–1934. M.: MFD, 2013. S. 651–662.*
22. Vysotina E.A. Sotsial'no-demograficheskoe razvitiye Tsentral'nogo Chernozem'ya v 1920–1930-e gg. [Socio-Demographic Development of the Central Chernozem Region in the 1920s–1930s]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2007. 24 s.
23. Zhukov D.S., Kanishchev V.V., Lyamin S.K. Faktory demograficheskikh protsessov v rossiyskom agrarnom obshchestve vtoroy poloviny XIX – kontsa XX v. (na materialakh Tambovskogo regiona) [Factors of Demographic Processes in Russian Agrarian Society in the Second Half of the 19th–late 20th Centuries (Tambov Region Data)] // *Istoricheskaya informatika*. 2020. № 3. S. 89–102.
24. Davies R.W., Wheatcroft S.G. The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933. Registered Excess Deaths by Regions, 1932–1933. URL: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/hunger> (data obrashcheniya: 06.08.2022).
25. Davies R.W., Wheatcroft S.G. The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933. (Rus. Ed.). M.: ROSSPEN, 2011. 543 p.
26. Wheatcroft S.G. Pokazateli demograficheskogo krizisa v period goloda [Indicators of the Demographic Crisis in the Period of Famine] // *Golod v SSSR. 1929–1934: v 3 t. T. 3: Leto 1933–1934. M.: MFD, 2013. S. 719–771.*
27. Brjazgunov J. Golod 1930-h rokov u Central'nomu Chornozem'i' ta na Kubani: antyukrai'ns'ke sprjamuvannya [Famine of the 1930s in the Central Chernozem Region and Kuban': Anti-Ukrainian Direction] // *Try golodomory v Ukraini v XX st.: pogliad iz siogodennia: materialy mizhnarodnoyi naukovoï konferenciyi. K.: Ukrayins'ka Vydavnycha Spilka, 2003. S. 126–140.*
28. Bublikov V.V., Markova V.V. Formirovaniye etnicheskogo sostava naseleniya belgorodskoy oblasti (chast' pervaya: XIX vek – seredina XX stoletiya) [Formation of the Ethnic Composition of Belgorod Region (Part One: 19th Century – Mid 20th Century)] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2014. № 2 (173). S. 49–59.
29. Bublikov V.V. Prichiny i posledstviya «etnicheskoy revolyutsii» 1930-kh gg. na Belgorodchine (chast' II) [Causes And Consequences Of «Ethnic Revolution» in the 1930s in Belgorod Region (Part II)] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2017. № 10 (259). S. 31–40.
30. Bublikov V.V. Prichiny i posledstviya «etnicheskoy revolyutsii» 1930-kh gg. na Belgorodchine (chast' I) [Causes And Consequences Of «Ethnic Revolution» 1930s in Belgorod Region (Part I)] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2016. № 24 (245). S. 38–46.
31. Kul'chyc'kyy S.V. Eshche raz do pytannia pro demografichni naslidky golodu 1932–1933 gg. v Ukraini [Once Again, to the Question of the Demographic Consequences of the Famine of 1932–1933 in Ukraine] // *Ukrayins'kyy istorychnyy zhurnal*. 1995. № 5. S. 137–140.
32. Levchuk N., Wolowyna O., Rudnytskyi O., Kovbasiuk A., Kulyk N. Regional 1932–1933 Famine Losses: a Comparative Analysis of Ukraine and Russia // *Nationalities Papers*. 2020. P. 1–21.
33. Nazarenko N.N., Bashkin A.V. Regional'nye osobennosti rozhdaemosti i smertnosti naseleniya Nizhnego Povolzh'ya v period goloda 1932–1933 godov [Regional Features of Birth Rate and Mortality in the Lower Volga Region in the Famine of 1932–1933s] // *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 2021. T. 10, № 2. C. 189–199.
34. Zagorovskiy P.V. Sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya goloda v Tsentral'nom Chernozem'e v pervoy polovine 1930-kh godov [Socio-economic Consequences of Famine in the Central Chernozem Region in the First Half of the 1930s]. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 1998. 132 s. URL: <http://iatp.vspu.ac.ru/itog2001/kraevedenie/golod.htm> (data obrashcheniya: 06.08.2022).
35. RGAE [RSAE]. F. 1562. O. 20. D. 41.
36. Drozdov K.S. Gosudarstvennoe regulirovaniye rusko-ukrainskikh natsional'nykh otnosheniy v Tsentral'nom Chernozem'e: 1923–1933 gg. [State Regulation of Russian-Ukrainian National Relations in the Central Chernozem Region: 1923–1933]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2010. 30 s.
37. Drozdov K.S. Golod 1933 goda v yuzhnykh ukrainizirovannykh rayonakh Tsentral'no-Chernozemnoy oblasti RSFSR [Famine of 1933 in the Southern Ukrainized Areas of the Central Chernozem Region of the RSFSR] // *Sovremennaya rossiysko-ukrainskaya istoriografiya goloda 1932–1933 gg. v SSSR; nauch. red. V. V. Kondrashin. M.: ROSSPEN, 2011. S. 282–338.*
38. Wheatcroft S.G., Garnaut A., Leikin I. Mapping crude death rates in Ukraine in 1933 and explaining the regional patterns // *Golod v Ukraini u pershiy poloviny XX stolittia: prychyny ta naslidky (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): materialy mizhnarodnoyi naukovoï konferenciyi. K., 2013. S. 219–226.*

39. Zhigul'skiy A.V. Opyt vzaimodeystviya vlasti i obshchestva v usloviyakh goloda 1932–1933 gg. (na primere Tambovskoy oblasti) [The State-Society Interaction Through the Famine of 1932–1933 (the Tambov Region)] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. 2018. T. 23, № 174. S. 181–190.

Nazar N. Nazarenko – D. Sc. (Biology), Associate Professor, Professor of the Chair of Chemistry, Ecology and Chemistry methodology, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: nnazarenko@hotmail.com

Nadezhda V. Korshunova – D. Sc. (History), Dean of the Faculty of History, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: korshunovanv@cspu.ru

Anatoliy V. Bashkin – coordinator, Project «Historical materials» (Moscow), e-mail: lost_empire@mail.ru

Received February 9, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Назаренко, Н. Н. Демографические процессы в Центральном Черноземье России в период голода 1932–1933 гг.: историография вопроса / Н. Н. Назаренко, Н. В. Коршунова, А. В. Башкин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 47–56. DOI: 10.14529/ssh230206

FOR CITATION

Nazarenko N. N., Korshunova N. V., Bashkin A. V. Demographic Processes in the Central Chernozem Region of Russia during the Famine of 1932–1933: Historiography Analysis. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 47–56. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230206

ВЛИЯНИЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ИДЕОЛОГИИ СТАЛИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ НА ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ СССР 1930–1950-х ГОДОВ

И. С. Огоновская

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация*

Рассматривается процесс становления и развития исторического образования в СССР под влиянием государственной политики 1930–1950-х гг., выраженной в постановлениях ЦК ВКП(б) и СНК. Анализируются истоки широкого распространения революционной терминологии в политической, общественной и быденной жизни страны. Акцентируется внимание на формировании особой лингвокультуры советского общества после выхода в свет сталинского «Краткого курса ВКП(б)». Актуализируется проблема влияния языка официальных документов, публичных выступлений партийных и государственных деятелей, «Краткого курса ВКП(б)», периодической печати, советских словарей 1930–1950-х гг. на лексику школьных учебников истории СССР того времени. Подчеркивается значимость учебных изданий как проводников марксистско-ленинского понимания истории, инструмента влияния на мировоззрение советских школьников. Дается характеристика основных учебников указанного периода, приводятся примеры многочисленных употреблений конкретных слов, отражающих трактовку исторических событий, процессов в русле марксистско-ленинской идеологии. Сообщаются краткие сведения об ученых, являвшихся авторами учебных изданий, о результатах конкурсов учебников, проводимых по инициативе партийных и государственных органов. Сделан вывод о корректировке содержания учебников по истории в зависимости от идеологических установок.

Ключевые слова: историческое образование, учебник истории СССР, лексика, И. В. Сталин, А. В. Шестаков, А. М. Панкратова.

Введение

Размышляя о влиянии различных факторов на речь человека, литературовед и теоретик искусства М. М. Бахтин отмечал, что в каждую эпоху, в каждом социальном кругу, маленьком мире семьи, друзей и знакомых, товарищей, в котором вырастает и живет человек, всегда есть авторитетные, задающие тон высказывания, художественные, научные, публицистические произведения, на которые опираются и ссылаются, их цитируют, им подражают, за ними следуют; в каждую эпоху во всех областях жизни и деятельности есть традиции, выраженные в словесном облачении, ведущие идеи “властителей дум”, какие-то основные задачи, лозунги и т. п.» [1, с. 284–285]. Высказанное ученым мнение актуально при рассмотрении проблемы влияния официальной лексики советского периода на язык школьных учебников отечественной истории. Предмет нашего внимания – лингвистические особенности учебников советского периода, в полной мере вобравших лексикон времени, зафиксированный в официальных документах, публичных выступлениях партийных и государственных деятелей, периодической печати, советских словарях.

Источниковой базой исследования являются школьные учебники истории 1937–1950-х гг., вышедшие под редакцией А. В. Шестакова [2] и А. М. Панкратовой [3], «Краткий курс истории ВКП(б)» [4]. Важное место занимают официальные документы, касающиеся школьного историче-

ского образования: Программа РКП(б) 1919 г., постановления ЦК ВКП(б) и СНК [5], материалы периодической печати (газета «Правда», журналы «Историк-марксист», «Борьба классов», «Народное образование»), а также статьи А. В. Шестакова [6], А. М. Панкратовой [7], М. В. Нечкиной [8].

Обзор литературы

Проблема развития школьного исторического образования в России в 1930–1950-е гг. широко представлена в методических трудах, научных публикациях отечественных историков, ряде диссертационных исследований [9–15]. Отдельные работы посвящены советским ученым-историкам, участвовавшим в создании школьных учебников отечественной истории [16–18, с. 587–593, 685–690, 691–696]. Заметен интерес исследователей к отдельным историческим темам, рассмотренным в учебных изданиях [19–21]. Вместе с тем, работ, целенаправленно посвященных комплексному изучению школьных учебников истории, не так много. Это труды А. М. Дубровского [20], А. Н. Фукса [22], а также коллективная монография «Школьный учебник истории и государственная политика» [23].

При рассмотрении проблемы лексики школьных учебников 1930–1950-х гг. мы обратились также к трудам лингвистов 1980–1990-х гг. [24, 25] и работам историков, акцентирующих внимание на активном проникновении марксистской терминологии в политическое и научное пространство страны в 1920-е гг. и ее дополнении новыми канонами языка в сталинский период [26, 27].

Методы исследования

Статья подготовлена на основе метода системно-исторического анализа, историко-сравнительного метода и метода контент-анализа, позволивших рассмотреть динамику распространения марксистско-ленинско-сталинской терминологии в школьных учебниках отечественной истории.

Результаты и дискуссия

Начавшаяся с конца октября 1917 г. советская эпоха российской истории значительно отличалась от предшествующей не только политическими и экономическими характеристиками, но и культурой в широком смысле этого слова – изменением ценностных ориентиров, системы обучения и воспитания, норм поведения, коммуникации. В Программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии в марте 1919 г., главной задачей в области народного просвещения провозглашалось «...дело превращения школы из орудия *классового господства буржуазии* в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества» [28, с. 81–82]. В этом и многих других документах сферы образования широко использовалась лексика нового языка эпохи: *революция, борьба, орудие пролетариата, классы, классовое господство, диктатура пролетариата, коммунизм, нарком*¹ и т. д.

По мнению лингвиста-слависта А. М. Селищева, высказанному еще в 1926 г., понятия *старый режим, петиция, декрет, экспроприация, национализация, коммуна, комиссар, трибунал* и др. были скалькированы из лексики времён Великой французской революции, а по аналогии с французскими новообразованиями от имен (бриссонизм, дантонизм, робеспьерист) были образованы и такие слова, как *ленинизм, троцкизм, ленинец, троцкист* [29, с. 21, 22]. А. М. Селищев проанализировал содержание ряда выступлений революционных ораторов на митингах, съездах, конференциях, бюро, ячейках. Актуален его вывод о том, что особенности лексики, синтаксиса, словообразования исследуемых им текстов стали в дальнейшем типичными для подобных выступлений и широко внедрились в раннюю советскую эпоху в лексику не только горожан, в первую очередь рабочих, но и сельского населения [29, с. 23, 24, 27].

В философском словаре 1940 г. «марксизм-ленинизм» определялся как теория освободительного движения пролетариата, теория и тактика *пролетарской социалистической революции и диктатуры пролетариата*, теории строительства *социалистического общества*, и в развернутых комментариях к данному определению представлен весь набор марксистско-ленинской лекси-

ки: *коммунизм, материализм, исторический материализм, капитализм, классовая борьба, прибавочная стоимость, эксплуатация, могильщик капитализма, диктатура пролетариата, оппортунизм, империализм, советская власть, национально-колониальные революции, партия нового типа* и др. [30, с. 147–151].

Официальных учебников истории для школы вплоть до 1937 г. в советской стране не было, их заменяли учебные издания обществоведческой направленности и книги для чтения. Только в феврале 1933 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об учебниках для начальной и средней школы», предписывающее переход всего обучения на новые устойчивые программы и методы преподавания, а также стабильные учебники [5, с. 164]. 16 мая 1934 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР», целью которого провозглашалось «марксистское понимание истории» [5, с. 164–165]. В передовой статье одного из выпусков журнала «Борьба классов» («Исторический журнал» с 1937 г.) за 1934 г. заявлялось: «Наши марксистские учебники должны резко и принципиально отличаться от старых царских или нынешних буржуазных учебников истории, как резко отличается вся система нашего марксистско-ленинского образования и воспитания от буржуазной» [31, с. 3].

В 1933–1934 гг. над учебником истории СССР работала группа историков во главе с Н. Н. Ваногом. Рецензентами представленного макета – И. В. Сталиным, А. А. Ждановым и С. М. Кировым – было отмечено смешение в нем терминов *реакция* и *контрреволюция*; *революция*, буржуазная и буржуазно-демократическая революция, а также то обстоятельство, что история народов СССР (в том числе истоки *национально-освободительного движения* в России); *аннексионно-колониаторская* и *контрреволюционная роль русского царизма* на международной арене в 60-х гг. XVIII в. – XIX в.; внутривластная борьба (особенно борьба с *троцкизмом* как *мелкобуржуазным контрреволюционным течением*); причины Октябрьской революции и образования СССР не получили достаточного отражения. «Царизм» не был показан как «*тюрьма народов*» и «*международный жандарм*», и проект учебника был отвергнут [32, с. 2].

А. М. Панкратова в 1935 г. утверждала, что историческое образование «...является неотъемлемой частью *марксистско-ленинского воспитания масс*», что задача большевистского учебника истории – «...показать историю... в свете *исторической борьбы* рабочего класса за *пролетарскую диктатуру* и *социализм* во всем мире» [7, с. 20]. В 1936 г. ЦК ВКП(б) «...потребовал отказа от затасканных, неточных определений, заимствованных у буржуазных историков, в первую

¹ Здесь и далее курсив используется для выделения необходимых терминов и понятий.

очередь либеральных, применения во всех учебниках точных, определенных научных понятий марксизма-ленинизма, без которых нельзя дать ученикам действительной картины развития человечества [32, с. 2]. 3 марта 1936 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории» [33, с. 1], и 22 августа 1937 г. в «Правде» было опубликовано «Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР для 3 и 4 классов средней школы». Первая премия не присуждалась, второй премии удостоились авторы учебника, составленного кафедрой истории СССР Московского государственного педагогического института под редакцией профессора А. В. Шестакова [2].

Содержание, термины и понятия марксизма-ленинизма в этом издании в полной мере соответствовали рекомендациям, данным Сталиным, Кировым, Ждановым в 1934 г., и передовицей газеты «Правда» 1936 г. На первых страницах учебника сообщалось: «На земном шаре есть только одна социалистическая страна. Это наша родина... В СССР нет паразитов – капиталистов и помещиков, как в других странах», «...эта книжка ... расскажет вам, как жили люди в старину, как боролся народы СССР со своими угнетателями и врагами» [2, с. 3, 4].

Благодаря этому учебнику дети начальной школы познакомились с марксистской теорией: «Маркс и Энгельс учили рабочих, что между угнетенными и угнетателями всегда шла жестокая борьба. При капитализме такая борьба неизбежна между буржуазией и рабочими, и она должна кончиться победой рабочего класса. Рабочий класс свергнет власть буржуазии и утвердит свою революционную власть – диктатуру пролетариата. Победивший пролетариат построит новое – коммунистическое общество, в котором не будет ни классов, ни угнетения людей. Маркс и Энгельс призывали рабочих всех стран объединиться в единую могучую коммунистическую партию» [2, с. 94]. Рассказ о Парижской коммуне завершался следующим выводом: «Парижская коммуна погибла, потому что у рабочих не было еще своей рабочей, марксистской, революционной партии, способной без колебаний повести рабочих против буржуазии. И еще потому, что рабочие не имели поддержки крестьян, не понимали значения союза рабочих и крестьян» [2, с. 106].

Предпоследний параграф учебника назывался «Наши враги и наши друзья за пределами СССР» и должен был «окунуть» детей в современные реалии и познакомить их уже с новой лексикой – словами сталинского периода: *фашистские шпионы,*

враг народа, фашистский агент Троцкий, банда убийц, вредители, троцкисты, рывковцы, фашистские агенты [2, с. 207–208]. В хронологической таблице в конце учебника обозначена дата 1934 г. – «Злодейское убийство С. М. Кирова врагами народа – троцкистами» [2, с. 219].

В целом, анализ постановлений СНК и ЦК ВКП(б) 1930-х гг., публикаций по проблемам школьного учебника истории и учебника А. В. Шестакова подтверждает вывод Ю. Н. Афанасьева о том, что одним из самых распространенных терминов в советской историографии было слово «борьба» [34, с. 21]. По нашим подсчетам, в учебнике 1937 г. это слово и производный от него глагол «бороться» использованы 179 раз. Отметим, что в разделах по истории IX–XVIII вв. они встречаются всего 12 раз при рассмотрении вопросов о борьбе с внешними врагами, борьбе Ивана IV с боярами, борьбе Разина с помещиками, борьбе Петра I за побережье Каспийского моря и с отсталостью России [2, с. 4, 20, 32, 40, 52, 63, 64], однако уже в предпоследнем абзаце в разделе «Крестьянская война под руководством Пугачева» их употребление значительно увеличилось: «...Крестьяне храбро и стойко боролись... они не могли создать прочной организации и крепкой армии для борьбы... Рабочего класса, который мог бы вести на борьбу за собой крестьян и угнетенные народы, тогда еще не было. Вот почему крестьяне и угнетенные народы были разбиты» [2, с. 72]. В разделах по истории XIX в. – 1917 г. можно встретить фразы о борьбе народов России против самодержавия, борьбе русских царей с народными восстаниями и революцией, борьбе пролетариата с капитализмом за свои права и др. [2, с. 82, 85, 92, 93, 102, 118]. Самое большое количество раз слово «борьба» представлено в параграфах 42 «I Интернационал и рабочее движение» (8), 44 – «Рабочее движение 70–90-х годов. В. И. Ленин» (13), главе X «Первая буржуазная революция в России» (44) [2, с. 103–110, 111–117, 118–142].

Трудно сказать, как усваивали содержание учебника под редакцией А. В. Шестакова, который издавался 12 раз (последний – в 1955 г.), учащиеся начальной школы, но именно он был рекомендован также и учащимся 5–7 классов, для которых учебника создано не было.

А. Н. Фукс пишет, что соавторами В. А. Шестакова были Н. Г. Тарасов, Н. Д. Кузнецов, А. С. Нифонтов, а в работе над учебником принимали также участие Б. А. Гарданов, Ю. В. Готье, Д. Н. Никифоров, Н. Д. Фирсов и некоторые другие историки [35, с. 106]. А. В. Шестаков (1877–1941) занимался изучением аграрной истории России 1861–1917 гг., был одним из организаторов Общества историков-марксистов, в 1926–1930 гг. возглавлял редакцию журнала «Историк-марксист», в 1930-е гг. заведовал кафедрой исто-

рии СССР Московского государственного педагогического института (МГПИ). Анализ его статей, опубликованных в журнале «Историк-марксист», позволяет видеть всю палитру марксистско-ленинской лексики [36].

Особую роль в формировании языка учебной литературы сыграл сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» (1938) [4]. В этот учебник вошло все лексическое многообразие 1920–1930-х гг. – партийно-государственное, публицистическое, журналистское: *генеральная линия партии, троцкистско-зиновьевский антипартийный блок, уклон, искривления политики партии, перегибы, извращения, соглашательство, политическое двурушничество, враги народа, бухаринско-троцкистские шпионы, вредители, изменники родины* и др. Специальным постановлением ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «Краткий курс» был объявлен «...энциклопедией философских знаний в области марксизма-ленинизма» [37, с. 316]. Хронологически учебник А. В. Шестакова вышел раньше, чем сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)», но общность терминологии двух учебников объясняется тем, что именно И. В. Сталин был главным цензором и редактором учебника для начальной школы.

В 1940 г. вышло первое издание учебника истории СССР под редакцией профессора А. М. Панкратовой. Часть 1 (от первобытнообщинного строя на территории нашей страны до конца XVII в.) для 8-го класса издавалась 15 раз (1940–1956), часть 2 (от образования Российской империи до начала борьбы за революционную пролетарскую партию) для 9-го класса – 21 раз (1940–1962), часть 3 (от первой буржуазно-демократической революции до вступления в полосу завершения построения социализма и постепенного перехода к коммунистическому обществу / XXII съезд КПСС) для 10-го класса – 22 раза (1940–1963) [3].

В концентрированном виде марксистско-ленинско-сталинская терминология представлена в этих изданиях в полной мере, прежде всего в учебнике для 10-го класса, в котором представлены такие слова и словосочетания, как *новая партия, революционная теория, классовая борьба, меньшевистско-троцкистские агенты буржуазии, русские социал-шовинисты, троцкисты, соглашатели, контрреволюционная буржуазия, мировая пролетарская революция, международный империализм, бухаринско-троцкистские предатели родины, генеральная линия партии, троцкистско-бухаринская банда изменников родины* и др. [3, с. 18, 21, 37, 115, 133, 135, 142, 197, 199, 209, 307, 329.]

В авторском коллективе под руководством А. М. Панкратовой были серьезные исследователи отечественной истории, научные взгляды которых во многом определялись марксистскими идеями. К. В. Базилевич (1892–1950) преподавал в Высшей

партийной школе при ЦК КПСС, в 1936–1950 гг. был старшим научным сотрудником Академии Наук СССР, занимался изучением истории классовой борьбы и социально-экономической истории Русского государства в XV–XVII вв. С. В. Бахрушин (1882–1950) преподавал в Московском институте философии, литературы и истории, на историческом факультете МГУ, в 1936–1950 гг. был научным сотрудником Института истории АН СССР и, как считает А. А. Чернобаев, разрабатывал концепцию русской истории на базе марксистско-ленинской методологии [18, с. 587, 588]. А. М. Панкратова (1897–1957) занималась историей рабочего класса, революционного движения в России, заведовала кафедрой истории СССР в МГУ в 1934–1936 гг., к моменту подготовки первого учебника истории СССР для старших классов уже была членом-корреспондентом АН СССР [18, с. 687].

Доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС в феврале 1956 г. не мог не повлиять на развитие исторической науки в стране и вследствие этого на содержание школьных учебников. Выступая перед аудиторией Центрального института повышения квалификации руководящих работников народного образования, А. М. Панкратова и старший научный сотрудник Академии Педагогических Наук РСФСР Л. П. Бущик отмечали: «*Борьба* против пережитков *культы личности* в исторической науке и в преподавании истории, особенно *борьба* против переоценки роли исторических деятелей, имеет большое значение для успешного решения основных задач советской школы» [9, с. 7]. В 1956 г. вышло и первое издание учебника Л. П. Бущика для 8-го класса под редакцией А. М. Панкратовой [38]. История России с древности до конца XVII в. была представлена с позиции *классовой борьбы*, без особого пиетета перед личностями русских правителей, но с идейным посылом о народе – творце истории. Со временем из учебных изданий ушли имя И. В. Сталина и цитаты из его трудов, но устоявшаяся терминология сохранилась в них в полной мере.

8 октября 1959 г. вышло в свет постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах». В нём объяснялось, что под формированием у школьников в доступном виде научного представления о закономерностях исторических процессов следует понимать пропаганду идей «*неизбежности гибели капитализма и победы коммунизма*», изучение современных реалий *коммунистического строительства*, роли *народных масс* как творцов истории; руководящей роли КПСС как ведущей и направляющей политической силы [5, с. 196]. Вышедшие в последующие годы учебники и учебные пособия вплоть до конца пе-

рестройки мало чем отличались по терминологии и языку от своих предшественников.

Выводы

Школьные учебники отечественной истории 1930–1950-х гг. создавались в условиях определенного общественно-политического строя, в полной мере отражали основные постулаты марксистско-ленинской теории, каноны лингвокультуры сталинского периода и уровень развития исторической науки в СССР. Читая эти книги, школьники должны были усваивать смыслы текста на основе слов, ассоциированных с эпохой классовой борьбы, революций, уничтожения врагов, движения к коммунизму. Благодаря своему содержанию и лексической наполненности учебники стали действенным инструментом идейно-политического воспитания детей и молодежи советской страны.

Литература

- Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб. : Азбука, 2000. – 336 с.
- Краткий курс истории СССР : учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. А. В. Шестакова. – М. : Учпедгиз, 1937. – 223 с.
- История СССР : учебник для X класса средней школы / К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин, А. М. Панкратова, А. В. Фохт ; под ред. А. М. Панкратовой. – Ч. 3. – 2-е изд. – М. : Учпедгиз, 1941. – 368 с.
- История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) : краткий курс. – М. : Правда, 1938. – 352 с.
- Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сборник документов. 1917–1973 гг. / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. – М. : Педагогика, 1974. – 560 с.
- Шестаков, А. В. Как преподавать историю СССР по новому учебнику истории / А. В. Шестаков // Исторический журнал. – 1937. – № 9. – С. 77–86.
- Панкратова, А. М. За большевистское преподавание истории / А. М. Панкратова // Борьба классов. – 1935. – № 1-2. – С. 19–36.
- Нечкина, М. В. О преподавании истории в школе / М. В. Нечкина // Народное образование. – 1957. – № 2. – С. 88–102.
- Панкратова, А. М. Вопросы преподавания истории СССР в свете решений XX съезда КПСС / А. М. Панкратова, Л. П. Бущик. – М. : Минпрос СССР, 1956. – 75 с.
- Стражев, А. И. Преподавание истории в советской школе за 40 лет / А. И. Стражев // Преподавание истории в школе. – 1957. – № 5. – С. 64–77.
- Бущик, Л. П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР / Л. П. Бущик. – М. : АПН РСФСР, 1961. – 537 с.
- Ветвицкий, В. История как предмет в школах России. Ч. 2: Историческое образование в СССР / В. Ветвицкий, С. Лавренов // Обозреватель. – 2016. – № 8. – С. 68–91.
- Колосков, А. Г. Становление и совершенствование школьного исторического образования в СССР : дис. ... д-ра пед. наук / А. Г. Колосков. – М., 1984. – 430 с.
- Багрова, Н. А. Становление школьного исторического образования в советской России, 1920–1934 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Багрова. – Ростов-н/Д., 2001. – 198 с.
- Петухова, О. А. Историческое образование в российской школе в первые годы Советской власти: 1917–1937 гг. : дис. ... канд. ист. наук / О. А. Петухова. – Смоленск, 2004. – 251 с.
- Луцкий, Е. А. Андрей Васильевич Шестаков / Е. А. Луцкий // История СССР. – 1967. – № 3. – С. 134–141.
- Евсеева, Е. Н. Научно-педагогическая деятельность Андрея Васильевича Шестакова : дис. ... канд. ист. наук / Е. Н. Евсеева. – М., 1984. – 229 с.
- Историки России. Биографии / сост., отв. ред. А. А. Чернобаев. – М. : РОСПЭН, 2001. – 912 с.
- Пушкарев, Л. Н. Освещение общественно-политической мысли России конца XVII в. в советских учебниках и обобщающих трудах (1917–1981) / Л. Н. Пушкарев // История и историки. Историографический ежегодник. 1980 ; отв. ред. М. В. Нечкина. – М. : Наука, 1984. – С. 51–62.
- Дубровский, А. М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.) / А. М. Дубровский. – Брянск, 2005. – 800 с.
- Тихомиров, Н. В. Отражение процесса централизации Русского государства в школьных учебниках истории конца 1930-х — начала 1950-х гг. / В. Н. Тихомиров // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2020. – Т. 6. – № 4. – С. 401–406.
- Фукс, А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен: конец XVII – 1930-е гг. : дис. ... д-ра ист. наук / А. Н. Фукс. – М., 2011. – 442 с.
- Багдасарян, В. Э. Школьный учебник истории и государственная политика / В. Э. Багдасарян, Э. Н. Абдулаев и др. – М. : Научный эксперт, 2009. – 375 с.
- Васильева, А. Н. Газетно-публицистический стиль речи / А. Н. Васильева. – М. : Русский язык, 1982. – 198 с.

25. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург ; Пермь : УрГУ – ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.
26. Бухараев, В. Что такое наш учебник истории? Идеология и назидание в языке и образе учебных текстов / В. Бухарев // *Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы* ; под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. – М. : АИРО-XX, 2002. – С. 13–46.
27. Ушаков, А. Образ врага в учебной литературе. Кто? Зачем? Почему? / А. Ушаков // *Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы* ; под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. – М. : АИРО-XX, 2002. – С. 61–66.
28. Программа РКП(б). Март 1919 г. // *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 16 т. – Т. 2 (1917–1922)*. – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Политиздат, 1983. – С. 71–92.
29. Селищев, А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) / А. М. Селищев. – М. : Работник Просвещения, 1928. – 248 с.
30. Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя, П. Юдина. – 2-е изд. – М. : Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940. – 328 с.
31. Историческое образование на новом этапе // *Борьба классов*. – 1934. – № 6. – С. 3–129.
32. Правда. – 1936. – 27 января.
33. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории» // *Правда*. – 1936. – 4 марта.
34. Афанасьев, Ю. Н. Феномен советской историографии / Ю. Н. Афанасьев // *Советская историография*. – М. : РГГУ, 1996. – С. 7–41.
35. Фукс, А. Н. Формирование советской моноконцепции отечественной истории и её отражение в школьном учебнике А. В. Шестакова / А. Н. Фукс // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. – 2009. – № 2. – С. 104–113.
36. Шестаков, А. В. Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР / А. В. Шестаков // *Историк-марксист*. – 1937. – № 3 (061). – С. 85–98.
37. Огурцов, А. П. Подавление философии / А. П. Огурцов // *Суровая драма народа: Учёные и публицисты о природе сталинизма* ; сост. Ю. П. Сенокосов. – М. : Политиздат, 1989. – С. 353–375.
38. Бущик, Л. П. История СССР : учебник для 8 класса. Ч. 1 / Л. П. Бущик ; под ред. А. М. Панкратовой. – М. : Учпедгиз, 1956. – 200 с.

Огоновская Изабелла Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарного образования, Специализированный учебно-научный центр, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), e-mail: izabella-irro@mail.ru. ORCID 0000-0002-0834-6757

Поступила в редакцию 8 марта 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230207

IMPACT OF MARXIST-LENINIST IDEOLOGY AND STALIN'S LINGUOCULTURE ON SCHOOL TEXTBOOKS OF THE 1930s – 1950s USSR HISTORY

I. S. Ogonovskaya

Ural Federal University the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

The paper considers the formation and development of the USSR history education exposed to the 1930–1950s state policy and expressed in the resolutions of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Council of People's Commissars. It analyses the origins of the widespread revolutionary terminology in the political, social and everyday life of the country. The paper focuses on the formation of a special linguistic culture of the Soviet society after the release of I. V. Stalin's «Short course of the CPSU (b)». It updates the influence of the official documents language, party leaders' and statesmen's public speeches, the «Short Course of the All-Union Communist Party of Bolsheviks», 1930–1950s Soviet perio-

dicals and dictionaries on the vocabulary of the school history books of that time. The educational publications of this period conducted the Marxist-Leninist understanding of history and served a tool for influencing the worldview of Soviet schoolchildren. The main textbooks of this period contain numerous examples of specific words, reflecting the interpretation of historical events and processes in line with Marxist-Leninist ideology. The paper provides brief information about the authors of educational publications and the results of textbook competitions initiated by the party and state bodies. The conclusion refers to the content adjustment of history textbooks depending on ideological attitudes.

Keywords: history education, Soviet history textbook, vocabulary, I. V. Stalin, A. V. Shestakov, A. M. Pankratov.

References

1. Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres] // *Avtor i geroy: k filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk*. SPb.: Azbuka, 2000. 336 s.
2. Kratkiy kurs istorii SSSR [A Short Course in the History of the USSR]: uchebnik dlya 3-go i 4-go klassov; pod red. A.V. Shestakova. M.: Uchpedgiz, 1937. 223 s.
3. Istoriya SSSR: uchebnik dlya X klassa sredney shkoly [History of the USSR: a Textbook for the X Grade of Secondary School] / K.V. Bazilevich, S.V. Bakhrushin, A.M. Pankratova, A.V. Fokht; pod red. A.M. Pankratovoy. Ch. 3. 2-e izd. M.: Uchpedgiz, 1941. 368 s.
4. Istoriya Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov) [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]: kratkiy kurs; pod red. Komissii TSK VKP(b). M.: Pravda, 1938. 352 s.
5. Narodnoye obrazovaniye v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola. Sbornik dokumentov. 1917–1973 gg. [Public Education in the USSR. Comprehensive School. Collection of Documents. 1917–1973] / sost. A.A. Abakumov, N.P. Kuzin, F.I. Puzyrev, L.F. Litvinov. M.: Pedagogika, 1974. 560 s.
6. Shestakov A.V. Kak prepodavat' istoriyu SSSR po novomu uchebniku istorii [How to Teach the History of the USSR According to a New History Textbook] // *Istoricheskiy zhurnal*. 1937. № 9. S. 77–86.
7. Pankratova A.M. Za bol'shevistskoye prepodavaniye istorii [For the Bolshevik Teaching of History] // *Bor'ba klassov*. 1935. № 1-2. S. 19–36.
8. Nechkina M. O prepodavanii istorii v shkole [About Teaching History at School] // *Narodnoye obrazovaniye*. 1957. № 2. S. 88–102.
9. Bushchik L.P., Pankratova A.M. Voprosy prepodavaniya istorii SSSR v svete resheniy KHKH s"yezda KPSS [Questions of Teaching the History of the USSR in the Light of the Decisions of the XX Congress of the CPSU]. M., 1956. 75 s.
10. Strazhev A.I. Prepodavaniye istorii v sovetskoj shkole za 40 let [Teaching History in the Soviet School for 40 Years] // *Prepodavaniye istorii v shkole*. 1957. № 5. S. 64–77.
11. Bushchik L.P. Ocherk razvitiya shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v SSSR [Essay on the Development of School History Education in the USSR]. M.: APN RSFSR, 1961. 537 s.
12. Vetevitskiy V., Lavrenov S. Istoriya kak predmet v shkolakh Rossii. Ch. 2: Istoricheskoye obrazovaniye v SSSR [History as a Subject in Russian Schools. P. 2: Historical Education in the USSR] // *Obozrevatel'*. 2016. № 8. S. 68–91.
13. Koloskov A.G. Stanovleniye i sovershenstvovaniye shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v SSSR [Formation and Improvement of School History Education in the USSR]: dis. ... d-ra ped. nauk. M., 1984. 430 s.
14. Bagrova N.A. Stanovleniye shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v sovetskoj Rossii, 1920–1934 gg. [Formation of School History Education in Soviet Russia, 1920–1934]: dis. ... kand. ist. nauk. Rostov-n/D., 2001. 198 s.
15. Petukhova O.A. Istoricheskoye obrazovaniye v rossiyskoj shkole v pervyye gody Sovetskoj vlasti: 1917–1937 gg. [Historical Education in the Russian School in the First Years of Soviet Power: 1917–1937]: dis. ... kand. ist. nauk. Smolensk, 2004. 251 s.
16. Lutskiy Y.A. Andrey Vasil'yevich Shestakov [Andrey Vasilyevich Shestakov] // *Istoriya SSSR*. 1967. № 3. S. 134–141.
17. Yevseyeva Y.N. Nauchno-pedagogicheskaya deyatel'nost' Andrey Vasil'yevicha Shestakova [Scientific and Pedagogical Activity of Andrey Vasilyevich Shestakov]: dis. ... kand. ist. nauk. M., 1984. 229 s.
18. Istoriiki Rossii. Biografii [Historians of Russia. Biographies] / sost., otv. red. A.A. Chernobayev. M.: ROSSPEN, 2001. 912 s.
19. Pushkarev L.N. Osveshcheniye obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii kontsa XVII v. v sovetskikh uchebnikakh i obobshchayushchikh trudakh (1917–1981) [Illumination of the Socio-Political thought of Russia at the End of the 17th Century. in Soviet Textbooks and Generalizing Works (1917–1981)] // *Istoriya i istoriki*. Istoriograficheskiy yezhegodnik. 1980; otv. red. M.V. Nechkina. M.: Nauka, 1984. S. 51–62.

20. Dubrovskiy A.M. Istorik i vlast'. Istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal'noy Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-ye gg.) [Historian and Power. Historical Science in the USSR and the Concept of the History of Feudal Russia in the Context of Politics and Ideology (1930–1950s)]. Bryansk, 2005. 800 s.
21. Tikhomirov N.V. Otrazheniye protsessa tsentralizatsii Russkogo gosudarstva v shkol'nykh uchebnikakh istorii kontsa 1930-kh – nachala 1950-kh gg. [Reflection of the Process of Centralization of the Russian State in School History Textbooks of the Late 1930s – Early 1950s.] // *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki. Yuridicheskiye nauki.* 2020. T. 6, № 4. S. 401–406.
22. Fuks A.N. Shkol'nyye uchebniki po otechestvennoy istorii kak istoriograficheskiy fenomen: konets XVII – 1930-ye gg. [School Textbooks on National History as a Historiographic Phenomenon: the End of the 17th – 1930s]: dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2011. 442 s.
23. Bagdasaryan V.E., Abdulayev E.N., Klychnikov V.M., Larionov A.E., Morozov A.Y., Orlov I.B., Stroganova S.M. Shkol'nyy uchebnik istorii i gosudarstvennaya politika [School History Textbook and State Policy]. M.: Nauchnyy ekspert, 2009. 375 s.
24. Vasil'yeva A.N. Gazetno-publitsisticheskiy stil' rechi [Newspaper and Journalistic Style of Speech]. M.: Rus. yazyk, 1982. 198 s.
25. Kupina N.A. Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii [Totalitarian Language: Dictionary and Speech Reactions]. Ekaterinburg; Perm: UrGU: ZUUNTS, 1995. 144 s.
26. Bukharayev V. Chto takoye nash uchebnik istorii? Ideologiya i nazidaniye v yazyke i obraze uchebnykh tekstov [What is Our History Textbook? Ideology and Edification in the Language and Image of Educational Texts] // *Istorii chitayut uchebniki istorii. Traditsionnyye i novyye kontseptsii uchebnoy literatury*; pod red. K. Aymermakhera, G. Bordyugova. M.: AIRO-XX, 2002. S. 13–46.
27. Ushakov A. Obraz vruga v uchebnoy literature. Kto? Zachem? Pochemu? [The Image of the Enemy in Educational Literature. Who? For what? Why?] // *Istorii chitayut uchebniki istorii. Traditsionnyye i novyye kontseptsii uchebnoy literatury*; pod red. K. Aymermakhera, G. Bordyugova. M.: AIRO-XX, 2002. S. 61–66.
28. Programma RKP(b). Mart 1919 g. // *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'yezдов, konferentsiy i plenumov TSK.* V 16 t. T. 2 (1917–1922). 9-ye izd., dop. i ispr. M.: Politizdat, 1983. S. 71–92.
29. Selishchev A.M. Yazyk revolyutsionnoy epokhi. Iz nablyudeniy nad russkim yazykom poslednikh let (1917–1926) [The Language of the Revolutionary Era. From Observations of the Russian Language in Recent Years (1917–1926)]. 2-e izd. M.: Rabotnik Prosveshcheniya, 1928. 248 s.
30. Kratkiy filosofskiy slovar' [Brief Philosophical Dictionary] / pod red. M. Rozentalya, P. Yudina. 2-e izd., dop. M.: Politizdat pri TSK VKP(b), 1940. 328 s.
31. Istoricheskoye obrazovaniye na novom etape [Historical Education at a New Stage] // *Bor'ba klassov.* 1934. № 6. S. 3–129.
32. Pravda. 1936. 26 yanvarya.
33. Postanovleniye SNK SSSR i TSK VKP(b) «Ob organizatsii konkursa na luchshiy uchebnik dlya nachal'noy shkoly po elementarnomu kursu istorii SSSR s kratkimi svedeniyami po vseobshchey istorii» [Decree of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks «On Organizing a Competition for the Best Textbook for Elementary School in the Elementary Course of the History of the USSR with Brief Information on World History»] // *Pravda.* 1936. 4 marta.
34. Afanas'yev Y.N. Fenomen sovetskoy istoriografii [The Phenomenon of Soviet Historiography] // *Sovetskaya istoriografiya.* M.: RGGU, 1996. S. 7–41.
35. Fuks A.N. Formirovaniye sovetskoy monokontseptsii otechestvennoy istorii i yeë otrazheniye v shkol'nom uchebnike A.V. Shestakova [Fuks A. N. Formation of the Soviet Mono-Concept of National History and Its Reflection in the School Textbook of A.V. Shestakov] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskkiye nauki.* 2009. № 2. S. 104–113.
36. Shestakov A.V. Osnovnyye problemy uchebnika «Kratkiy kurs istorii SSSR [The Main Problems of the Textbook «A Short Course in the History of the USSR»] // *Istorik-marksist.* 1937. № 3 (061). S. 85–98.
37. Ogurtsov A.P. Podavleniye filosofii [The Suppression of Philosophy] // *Surovaya drama naroda: Uchonyye i publitsisty o prirode stalinizma*; sost. Y.P. Senokosov. M.: Politizdat, 1989. S. 353–375.
38. Bushchik L.P. Istoriya SSSR: uchebnik dlya 8 klassa. Ch. 1 [History of the USSR: a Textbook for Grade 8. P. 1]; pod red. A.M. Pankratovoy. M.: Uchpedgiz, 1956. 200 s.

Izabella S. Ogonovskaya – Cand. Sc. (History), Associate Professor of Department of Liberal Education, Specialized Educational and Scientific Center, Ural Federal University the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), e-mail: izabella-irro@mail.ru

Received March 8, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Огоновская, И. С. Влияние марксистско-ленинской идеологии сталинской лингвокультуры на школьные учебники истории СССР 1930–1950-х годов / И. С. Огоновская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 57–65. DOI: 10.14529/ssh230207

FOR CITATION

Ogonovskaya I. S. Impact of Marxist-Leninist Ideology and Stalin's Linguoculture on School Textbooks of the 1930s – 1950s USSR History. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 57–65. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230207

ПОД МИКРОСКОПОМ ПРОЛЕТАРСКОЙ НАУКИ: ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ С ЭПИДЕМИЯМИ В 20-е гг. XX в.

И. В. Островская

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

В статье прослеживается история создания и становления санитарно-бактериологической службы в Севастополе начиная с 1880-х гг. и до 1931 г., что обусловлено необходимостью актуализации опыта прежних лет в условиях возрастающего порога эпидемзаболеваний в современном обществе. Автор выявляет и раскрывает направления работы первого в Крыму советского научно-учреждения, работавшего в области бактериологии и борьбы с инфекциями в первой половине 1920-х гг. В ходе выявления, исследования и анализа документов Государственного Архива Республики Крым и Государственного Архива Севастополя определена материально-техническая база, кадровый состав научно-медицинского учреждения, а также установлен факт его активного взаимодействия с военно-медицинской службой Черноморского флота и Институтом физических методов лечения им. проф. Сеченова, ведущим учреждением здравоохранения страны в области курортологии. Впервые в ходе научно-исследовательской работы установлены биографические данные первых руководителей, ведущих сотрудников Севастопольского санитарно-бактериологического института, а также хронологические рамки работы данного учреждения в городе. Определен вклад севастопольских врачей-инфекционистов, бактериологов в дело предотвращения эпидемий, борьбы с различными инфекциями, тифом, туберкулезом, бешенством, малярией на протяжении сложного периода истории города и страны.

Ключевые слова: Севастопольский санитарно-бактериологический институт, эпидемии, общество севастопольских врачей, политические репрессии, Крымский медицинский институт.

Введение

В первые годы советской власти в области здравоохранения особенно обострился вопрос борьбы с эпидемиями, неизбежными спутниками войны и хозяйственной разрухи. 1921–1922 гг. в Севастополе – период голода и тифозных эпидемий. В середине 1922 г., когда не удалось еще победить тиф, вспыхнули холера и оспа. Только в течение июня 1922 г. в Севастополе заболело холерой 56 человек, оспой – 30 [1, л. 21]. Однако благодаря энергичным мерам горсовета и медицинских учреждений удалось локализовать очаги опасных заболеваний. Значительный вклад в нейтрализацию проблемы инфекционных заболеваний, в борьбу с эпидемиями сделал Севастопольский санитарно-бактериологический институт. Целью данной статьи является воссоздание полувековой истории возникновения и деятельности санитарно-бактериологической службы Севастополя, главным структурным звеном которой с начала 1920-х гг. по 1931 г. и был севастопольский институт. К сожалению, на данный момент сведения о работе в городе данного учреждения здравоохранения носят весьма обрывочный характер.

Обзор литературы

Наиболее полно история становления системы севастопольского здравоохранения отражена в монографии Т. Н. Веренкиной [2]. Вопросам функционирования городских структурных подразделений здравоохранения в 1921–1925 гг. посвящена работа В. С. Юрченко [3]. Организация медицинского обеспечения, система санитарно-профилактического и противоэпидемического обслуживания

до начала и вовремя Великой Отечественной войны прослеживается в исследовании Е. П. Гармашовой, А. А. Митус, М. А. Кузнецовой [4]. Необходимо отметить ряд монографий по истории города и флота, где история учреждений здравоохранения в контексте развития социальной сферы города, военно-морской базы на Черном море, уделяется отдельное внимание. Среди данных трудов «Севастополь: энциклопедический справочник», выпущенный коллективом Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя [5], коллективная монография «История Севастополя в трех томах» [6], «История городов и сёл Украинской ССР: Крымская область» написанная Институтом истории АН УССР [7].

Методы исследования

При раскрытии темы исследования использован такой общеисторический метод исследования, как историко-хронологический, а также такие эмпирические методы, как контент-анализ и мониторинг. Применение историко-хронологического метода позволяет выделить и рассмотреть этапы становления санитарно-бактериологической службы на протяжении полувекового периода истории.

Контент-анализ использован при работе с печатными периодическими изданиями рассматриваемого периода, информировавшими население о ходе санпросветработы и борьбы с эпидемиями, болезнями.

С помощью мониторинга шло ознакомление с отчетами горздравотдела с 1924 по 1929 год. Важно было проследить темпы и результаты создания различных вакцин и в целом вакцинации на-

селения. Целью мониторинга был анализ накопленного материала и изучение вклада специализированного учреждения в нормализацию общественной жизни. Важно было проследить во времени изменения в направлениях деятельности, формах и видах работы института.

Результаты и дискуссия

Севастопольский государственный санитарно-бактериологический институт как учреждение научно-практического профиля в первой половине 1920-х гг. находился в авангарде борьбы с эпидемиями. История его создания уходит в 1880-е гг., когда в Севастополе заработала Пастеровская лаборатория, ютившаяся на городских задворках и занимавшаяся первоначально только анализом продуктов. В годы гражданской войны ее материально-техническая база послужила основой для работы переведенной из Екатеринодара Краевой санитарно-исполнительной комиссии. Уже при советской власти, в 1921 году, она была переименована в Севастопольский Государственный Бактериологический Институт. Первоначально он сосредоточил свою деятельность на изготовлении всевозможных сывороток и вакцин, прививочного материала против холеры, брюшного тифа и оспы для всего населения Крымского полуострова. А позже для крымских медучреждений стал изготавливать и вакцину Альбера Кальмета против туберкулеза, вакцины против дифтерии, скарлатины, столбняка.

Институт также производил клинические, бактериологические анализы, руководил эпидемиологической работой, вел борьбу с бешенством.

В начале 1920-х гг. на 11 прививочных пунктах предприятий и в учреждениях благодаря деятельности института ежегодно получали прививки более 30 000 севастопольцев [8, л. 14]. В Севокздравотделе сотрудники Бактериологического института, вместе с врачами-консультантами, рентгенокабинетом, Сеченовским институтом находились на «особом положении».

Комплекс помещений Института размещался на Историческом бульваре по улице 4-я Бастионная. Пастеровская станция, вошедшая в структуру нового института, расширила свои площади и была переведена по адресу ул. К. Маркса д. 8, где заняла второй этаж бывшего частного особняка. Уже с 1922 г. кроме аналитического и производственного начало работать сывороточное отделение. Были построены операционная для животных, конюшня, телятник, помещение для морских свинок, крольчатник.

В первую пятилетку советской власти деятельность Института имела особое значение. 17 октября 1922 г. на III съезде здравотделов Крыма отдельно отмечалась необходимость усиления деятельности противозидемической службы, так при правильной и эффективной ее постановке уменьшались расходы на лечебную медицину [2,

л. 43]. Это было крайне важно, так как бюджет здравоохранения в данный период был значительно сокращен. В больницах появились платные койки, в основном акушерско-хирургические, а снабжение медикаментами больниц стало осуществляться за счет доходов аптек. Исполком Севастопольского городского Совета активно занимался вопросами социальной защиты трудящихся и малоимущих через социальное страхование.

Только за 1922 г. работниками бакинститута было сделано 15450 анализов, включая холерных 355, реакции Вассермана – 247 [9, л. 34]. Городская газета «Маяк коммуны» от 26 июня 1922 г. писала: «И как не тяжел на подъем обыватель окраины, все же вести о заболеваниях холерой у него под боком, по составу фактам, не подлежащим сомнению по своей очевидности, точно молотом по голове бьют его сознание, пугают его таинственной близостью смертельного недуга и гонят к врачебным пунктам делать прививки. Число уверовавших в спасительное действие прививок с каждым днем, с каждым новым случаем заболевания растет».

Работники Севастопольского Государственного санитарно-бактериологического института принимали активное участие в противозидемических мероприятиях и в других районах Крыма. Так, известно, что под руководством и при непосредственном участии севастопольского института в 1924 г. работал Чоргунский малярийный отряд [10, л. 75]. В комплекс противомаларийных мероприятий учреждения входила расчистка от растительности рек, арыков, их нефтевание, проведение среди населения санпросветработы. Для налаживания данного вида работ в марте 1924 г. на базе Института были организованы малярийные курсы для врачей из разных районов Крыма.

Научное взаимодействие сотрудников бакинститута с врачами Института физических методов лечения им. И. М. Сеченова, военного госпиталя, городской поликлиники давали возможность обмена опытом, а значит, способствовало решению главной задачи снижения заболеваемости среди населения. Как правило, такими площадками для городских медицинских учреждений были научные конференции, где презентовался передовой опыт врачей. Так, старейший врач-хирург военно-морского госпиталя М. Э. Утцаль вспоминал, что на одной из конференций сотрудником бакинститута был сделан доклад о том, что институт успешно практикует изготовление в наикратчайшие сроки лечебной вакцины из гноя больного, и такой подход показал хорошую эффективность при лечении больных [11].

Спустя десять лет после образования Севастопольский санитарно-бактериологический институт мог изготавливать сыворотки и вакцины, производил клинические, бактериологические

и химические анализы, руководил эпидемиологической работой в городе, вел борьбу с бешенством. 7 200 литров вакцин, 490 литров сывороток, 5100 прививок против бешенства – итог 10-летней деятельности учреждения [12, с. 19]. Среди заслуг Института организация и проведение отдельной экспедиции по изучению туберкулеза крымских татар. Сотрудники данного учреждения впервые в Крыму наладили противотуберкулезное прививание новорожденных по способу Кальметта. Важное значение имела исследовательская работа по выявлению разновидностей возбудителей лихорадки, так были выявлены новые виды москитов в Крыму и наличие заболеваемости среди населения полуострова новой болезнью – «мальтийской лихорадкой».

Традиции врачебной деятельности в области борьбы с инфекционными заболеваниями среди населения тесно связаны с деятельностью Общества Севастопольских врачей, первое заседание которого состоялось 24 марта 1888 года. Среди инициаторов его образования врачи были врач-инфекционисты Ратнер, Волицев, Аргириди. Из 111 докладов научного и практического характера, сделанных на заседании общества за 25 лет его существования, 45 касались проблем профилактики и лечения инфекционных, венерических болезней и туберкулеза. В них также ставились вопросы обустройства отдельных помещений для больных, улучшение организации учета инфицированных, обсуждалась система надзора за зараженными [2, с. 43].

В 1900, 1903, 1905–1907 гг. одним из наиболее активных членов общества и даже его председателем был врач С. А. Никонов. Спустя много лет в своих воспоминаниях он писал: «В 1913 году я получил от Севастопольского общества врачей телеграмму о том, что на торжественном заседании общества по случаю 20-летия его существования я избран почетным членом, одновременно с И. И. Мечниковым и бывшим профессором Московского университета, известным гигиенистом и общественником Эрисманом. Мотивом моего избрания была моя научная работа...» [13, с. 263].

Важно, что кадровый научный потенциал врачей – инфекционистов, бактериологов – дореволюционной школы в Севастополе не был утрачен в первые годы становления новой, советской власти. Ярким примером здесь служит профессиональная судьба Я. Ю. Либермана, мобилизованного еще Деникиным для работы в санитарной службе и оказавшегося в Севастополе в 1919 г. с эвакуацией из Екатеринодара Краевой санитарно-исполнительной комиссией. Во главе Севастопольского института он встал в первый, самый сложный, год его существования, после чего был направлен в Москву для работы в АРА (American Relief Administration, АРА – негосударственная организация США, оказывающая помощь Совет-

ской России в ликвидации голода 1921–1923 гг.). Среди опытных врачей-инфекционистов «старой школы», работавших в городе с 1919 г. были Николай Афанасьевич Верижковский, а также Сергей Александрович Щеглов, участник русско-японской и Первой мировой войн.

После отъезда из города Я. Ю. Либермана работу Института возглавил видный ученый, доктор медицины, профессор Георгий Степанович Кулеша. В личном листке ответственного работника № 104, который хранится в фондах государственного архива г. Севастополя, отмечалось: «Г. С. Кулеша по происхождению дворянин, из многодетной семьи. В 1886 году после окончания гимназии поступил в Московский университет на естественный факультет, со второго курса получал государственную стипендию. На четвертом курсе арестован и выслан из Москвы на родину без права поступления в русские университеты. Позже поступил в Дерптский университет, его окончил в 1895 году со званием врача. В этом же году поступил на службу в горбольницу Петрограда. До 1923 года был прозектором при больнице Марии Магдалины. Кроме того, состоял врачом санитарного надзора на водных путях Петроградского округа с 1900 по 1921 г. и профессором при психоневрологическом Институте с 1915 по 1923 гг. В 1923 году по распоряжению Наркома Семашко отправляется работать в Крым, где назначен директором Государственного Бактериологического института в Севастополе, одновременно зачисляется профессором в штат кафедры патологической анатомии Крымского университета. Изучал патологию анатомии бактериологических острых заразных болезней чумы, холеры, кори, брюшного и возвратного тифа, дизентерии» [14, л. 1].

В Севастополе Георгий Степанович помимо вопросов бактериологии и эпидемиологии продолжил работу по изучению проблемы водной санитарии, условий труда и заболеваемости рабочих судостроительной промышленности. К этому же периоду относится и его руководство исследовательской экспедицией по изучению распространения туберкулеза и других заболеваний не только в Крыму, но и на Северном Кавказе. Практически сразу по приезде в город профессор Кулеша был избран председателем Общества Севастопольских врачей. В городе он пробыл до 1926 г., а затем его откомандировали на преподавание в Кубанский медицинский институт. Помощником Георгия Степановича по работе в Севастопольском санитарно-бактериологическом Институте был Георгий Иванович Беседин, еще один опытнейший военный врач.

Георгий Иванович Беседин родился 1 ноября 1892 г. в селе Горско-Алексеевское Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. С 1903 по 1910 гг. – учащийся – гимназист бахмутской мужской гимназии, которую окончил с отличием. В 1914 г.

с отличием окончил и Военно-Медицинскую Академию в Петрограде. С 1914 г. по 1918 г. – военная служба в действующей армии (военный врач). Служил в лазаретах и госпиталях, был врачом для поручений при эвакуационном пункте. Выполнял обязанности врача Черноморского пехотного полка. С января 1918 г. уволен по болезни.

В начале 1919 г. командирован в Кубанскую Краевую комиссию по борьбе с сыпным тифом, а с октября 1919 г. до 1927 г. он в Севастополе работает сначала в Центральной бактериологической лаборатории, а с 1921 г. в Севастопольском санитарно-бактериологическом институте. Георгий Иванович возглавлял вакцинное отделение и помимо производственной деятельности вел и научно-исследовательскую. С августа 1922 г. занимал должность помощника директора Института. Область его научных интересов – туберкулез [15, л. 2]. Севастополь он покинул в 1927 г., переехав в Ленинград, где принял заведование учетным статистическим отделением Ленинградского Института имени Пастера.

Работа в Севастопольском государственном санитарно-бактериологическом институте в первой половине 1920-х гг. стала важным этапом в формировании научной биографии видных ученых-эпидемиологов Г. С. Кулеша и Г. И. Беседина. По-другому уже в 1930-х гг. сложилась судьба Якова Юльевича Либермана. После работы в АРА он был назначен директором Петроградского Бактериологического и Диагностического Института, которым руководил до декабря 1930 г. 31 декабря 1930 г. Я. Ю. Либерман был арестован по обвинению «... в развале сывороточно-вакцинного дела, в срыве компаний по борьбе с эпидемическими заболеваниями, в выживании из института коммунистов и советских работников, в сопротивлении созданию новых кадров». После досрочного освобождения вновь привлечен к ответственности по статье 58-10 УК. Расстрелян 29 января 1938 г. в Ленинграде по приговору комиссии НКВД и Прокуратуры СССР от 17.01.1938. Впоследствии реабилитирован [16].

В 1928 г. Наркомздрав СССР принимает решение о реорганизации Севастопольского государственного санитарно-бактериологического института. В 1931 г. его переводят в Симферополь, где на его базе создается Крымский институт эпидемиологии и микробиологии. Возглавляет эту работу видный ученый в области бактериологии и эпидемиологии, профессор Сергей Михайлович Щастный. В годы Первой мировой войны он служил в армии, возглавлял противоэпидемиологическую службу 8-го армейского корпуса, позже был санитарным врачом армии, затем фронта, начальником санитарной части армии, фронта, автором учебника «Краткий курс микробиологии инфекционных болезней» (1912, 1919), профессором и первым заведующим кафедрой микробиологии Крымского медицинского института в Симферополе.

В январе 1938 г. был взят под арест и обвинен во вредительско-диверсионной деятельности. 5 лет ИТЛ отбывал в Казахстане в селе Иртышск, где возглавил Иртышскую санэпидстанцию. Несмотря на возраст и ослабленное здоровье, добровольно принимал участие в противоэпидемической экспедиции по борьбе с тифом, умер, заразившись этой болезнью. Современники описывали Сергея Михайловича Щастного так: «В населённые пункты района, причём в самые отдаленные, выезжали на быках, а иногда шли пешком с С. М. Щастным. Открывали изолятор, делали подворный обход больных, профессор полностью отдавал себя службе, был он очень внимателен к больным». В своем предсмертном письме Сергей Михайлович написал такие строки: «Бойцы идут под пули, а мы, эпидемиологи, подвергаемся опасности в борьбе с инфекциями... Если умру, то как боец на боевом посту» [17, с. 72].

Выводы

Итак, деятельность Севастопольского государственного бактериологического института имела большое практическое значение для населения как Севастополя, так и Крымского полуострова в борьбе с инфекционными болезнями, эпидемиями первой половины 1920-х гг., уносящими сотни жизней людей, и в формировании общей культуры быта населения. Самоотверженная работа организаторов, научных сотрудников, врачей внесла значительный вклад в становление советской школы бактериологии и эпидемиологии как научных направлений в медицине. Спустя столетие севастопольские и крымские инфекционисты, бактериологи осознают себя продолжателями богатейших традиций. Это актуализирует и всесторонние исторические исследования для воссоздания наиболее полной картины формирования и развития санитарно-бактериологической службы Крыма и Севастополя.

Литература

1. Государственный Архив города Севастополя (ГАГС). – Ф. Р – 420. – Оп. 1. – Д. 59.
2. Веренкина, Т. Н. Здравоохранение Севастополя / Т. Н. Веренкина. – Севастополь, 1996.
3. Юрченко, В. С. Система здравоохранения Севастополя в 1921–1925 годах / В. С. Юрченко // Исторические, философские, политические и юридические науки культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 1 (75). – С. 212–214.
4. Гармашова, Е. П. Здравоохранение в г. Севастополе до начала и в период Великой Отечественной войны / Е. П. Гармашова, А. А. Митус, М. А. Кузнецова // StudNet. – 2021. – № 7.
5. Севастополь : энциклопедический справочник ; ред.-сост. М. П. Апошанская. – 2-е изд., испр. и доп. – Севастополь : Нац. музей героич. обороны и освобождения Севастополя, 2008.

6. История Севастополя : в 3 т. – 2-е изд. – Севастополь : Альбатрос, 2021.
7. История городов и сёл Украинской ССР: Крымская область ; гл. редкол. : П. Т. Тронько (пред.) и др. – К. : Глав. ред. Украинской Сов. Энциклопедии, 1974.
8. Государственный Архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. Р-26. – Оп. 1. – Ед. хр. 52.
9. ГАРК. – Ф. Р-26. – Оп. 1. – Ед. хр. 107.
10. ГАРК. – Ф. Р-26. – Оп. 1. – Ед. хр. 297.
11. Фонды Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя (МГООС). НВ 1652 / Воспоминания старейшего врача Черноморского флота М. Э. Утцалы.
12. Севастополь в третьем году пятилетки / Городской Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ; рук. М. Кучеров ; ред. С. Константинов. – Севастополь : Маяк коммуны, 1931.
13. Фонды МГООС. КП 15446 А 10009 / Воспоминания врача С. А. Никонова об общественно-политической жизни в Севастополе.
14. ГАГС. – Ф. Р-420. – Оп. 1. – Д. 282.
15. ГАГС. – Ф. Р-420. – Оп. 1. – Д. 276.
16. Сотрудники с 1908 года. Либерман Яков Юльевич (22.07.1873 – 29.01.1938) : официальный сайт Санкт-Петербургский НИИ эпидемиологии и микробиологии имени Пастера. – URL: <https://www.pasteurorg.ru/article/284/3044/Liberman-Yakov-Yulevich-22071873---29011938> (дата обращения: 25.08.2022).
17. Хайтович, А. Б. Профессора кафедр: основатель и первый заведующий Щастный Сергей Михайлович / А. Б. Хайтович // Крымский журнал экспериментальной и клинической медицины. – 2021. – Т. 3, №3. – С. 70–76.

Островская Инна Валериевна – кандидат исторических наук, доцент базовой кафедры «Музейное дело и охрана памятников историко-культурного наследия», Севастопольский государственный университет (Севастополь), e-mail: ostrov-33@mail.ru. ORCID 0000-0002-9822-1738

Поступила в редакцию 15 декабря 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230208

UNDER THE MICROSCOPE OF PROLETARIAN SCIENCE: FROM THE HISTORY OF THE FIGHT AGAINST EPIDEMICS IN THE 1920S

I. V. Ostrovskaya

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

The article traces the history of the creation and formation of the sanitary and bacteriological service in Sevastopol since the 1880s and up to 1931. This results from the need to update the experience of previous years in the conditions of the increasing threshold of epidemic diseases in modern society. The author identifies and reveals the areas of work of the first Soviet scientific institution in Crimea in the field of bacteriology and infection control in the first half of the 1920s. During the identification, research and analysis of documents of the State Archive of the Republic of Crimea and the State Archive of Sevastopol, the material and technical base was established, the personnel of the scientific and medical institution were identified. The study also focuses on the active interaction with the military medical service of the Black Sea Fleet and the Institute of Physical Methods of Treatment named after Prof. Sechenov, the country's leading healthcare institution in the field of balneology. For the first time in the course of research work, biographical data of the first leaders, leading personnel of the Sevastopol Sanitary and Bacteriological Institute, as well as the chronological framework of the work of this institution in the city were established. The contribution of Sevastopol infectious diseases doctors, bacteriologists to the prevention of epidemics, the fight against various infections, typhus, tuberculosis, rabies, malaria during a difficult period of the history of the city and the country was also established.

Keywords: Sevastopol Sanitary and Bacteriological Institute, epidemics, society of Sevastopol doctors, political repression, Crimean Medical Institute.

References

1. Gosudarstvennyj Arhiv goroda Sevastopolja (GAGS) [State Archive of Sevastopol (SAS)]. F. R-420. Op. 1. D. 59.
2. Verenkina T.N. Zdravooxranenie Sevastopolja [Health Care of Sevastopol]. Sevastopol', 1996.
3. Jurchenko V.S. Sistema zdravooxranenija Sevastopolja v 1921–1925 godah [The Health Care System of Sevastopol in 1921–1925] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 1 (75). S. 212–214.
4. Garmashova E.P., Mitus A.A., Kuznetsova M.A. Zdravooxranenie v g. Sevastopole do nachala i v period Velikoj Otechestvennoj vojny` [Healthcare in Sevastopol before and during the Great Patriotic War] // *StudNet*. 2021. № 7.
5. Sevastopol' [Sevastopol]: entsiklopedicheskiy spravocnik; red.-sost. M. Aposhanskaja. 2-e izd., ispr. i dop. Sevastopol': Nac. muzej geroich. oborony i osvobodzhenija Sevastopolja, 2008.
6. Istorija Sevastopolja: v 3 t. [The History of Sevastopol]. 2-e izd. Sevastopol': Al'batros, 2021.
7. Istorija gorodov i sjol Ukrainskoj SSR: Krymskaja oblast'. [History of Cities and Villages of the Ukrainian SSR. Crimean Region]; gl. redkol.: P.T. Tron'ko (pred.) i dr. K.: Glav. red. Ukrainskoj Sov. Jenciklopedii, 1974.
8. Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Krym (GARK) [State Archive of the Republic of Crimea (SARC)]. F. R-26. Op. 1. Ed. hr. 52.
9. GARK [(SARC)]. F. R-26. Op. 1. Ed. hr. 107.
10. GARK [(SARC)]. F. R-26. Op. 1. Ed. hr. 297.
11. Fondy Muzeja-zapovednika geroicheskoj oborony i osvobodzhenija Sevastopolja (MGOOS) [Funds of the Museum of Heroic Defense and Liberation of Sevastopol] NV 1652 // *Vospominanija starejshego vracha Chernomorskogo flota M.J. Utcalja*.
12. Sevastopol' v tret'em godu pjatiletki [Sevastopol in the Third Year of the Five-Year Plan] // *Gorodskoj Sovet rabochih, krest'janskih i krasnoarmejskih deputatov*; ruk. M. Kucherov; red. S. Konstantinov. Sevastopol': Majak kommuny, 1931.
13. Fondy MGOOS. KP 15446 A 10009 // *Vospominanija vracha S.A. Nikonova ob obshhestvenno-politicheskoj zhizni v Sevastopole*.
14. GAGS [SAS]. F. R-420. Op. 1. D. 282.
15. GAGS [SAS]. F. R-420. Op. 1. D. 276.
16. Sotrudniki s 1908 goda. Liberman Jakov Jul'evich (22.07.1873 – 29.01.1938) [Sotrudniki s 1908 goda. Liberman Yakov Yul'evich (22.07.1873 – 29.01.1938)]: oficial'nyj sajt Sankt-Peterburgskij NII jepidemiologii i mikrobiologii imeni Pastera. URL: <https://www.pasteurorg.ru/article/284/3044/Liberman-Yakov-Yulevich-22071873---29011938> (data obrashcheniya: 25.08.2022).
17. Hajtovich A.B. Professora kafedr: osnovatel' i pervyj zavedujushhij Shhastnyj Sergej Mihajlovich [Professors of the Departments: Founder and First Head Sergey Mikhailovich Shchastny] // *Krymskij zhurnal jeksperimental'noj i klinicheskoj mediciny*. 2021. T. 3, № 3. S. 70–76.

Inna V. Ostrovskaya – Cand. Sc. (History), Associate Professor of basic Department «Museum Business and Protection of Monuments of Historical and Cultural Heritage», Sevastopol State University (Sevastopol), e-mail: ostrov-33@mail.ru

Received December 15, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Островская, И. В. Под микроскопом пролетарской науки: из истории борьбы с эпидемиями в 20-е гг. XX в. / И. В. Островская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 66–71. DOI: 10.14529/ssh230208

FOR CITATION

Ostrovskaya I. V. Under the Microscope of Proletarian Science: from the History of the Fight against Epidemics in the 1920s. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 66–71. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230208

ПРИЧИНЫ ОТСТАВКИ ДИРЕКТОРА ЧЕЛЯБИНСКОГО КИРОВСКОГО ЗАВОДА И. М. ЗАЛЬЦМАНА В 1949 г.

А. Н. Федоров

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье предпринята попытка установить взаимосвязь и степень важности разных причин отставки И. М. Зальцмана с поста директора Кировского завода в 1949 г. С помощью документов федеральных архивов выявлены новые обстоятельства «дела Зальцмана», которые показывают, что оно соответствовало кадровым практикам эпохи позднего сталинизма. Возникновение «дела» было связано с производственными проблемами: в феврале 1949 г. И. М. Зальцман получил от правительства выговор за выпуск некачественных танков на Кировском заводе, а затем не смог организовать быструю модернизацию танка ИС-4. За невыполнение правительственного задания полагалось новое взыскание. Однако вопрос о наказании директора передали на рассмотрение ЦК ВКП(б), который к тому моменту располагал сведениями о недостойном поведении директора, коррупции и неправильном подборе кадров на заводе. В большинстве случаев за такие недостатки директора предприятий получали дисциплинарные или партийные взыскания. Но отказ И. М. Зальцмана признать свои ошибки обострил ситуацию: дополнительная проверка выявила новые негативные факты, а его поступки стали расцениваться как «антипартийные». В итоге срыв важного оборонного задания, отягощенный коррупцией и нарушением неписаных правил, рассмотрение компрометирующих документов перевесили прежние заслуги знаменитого танкостроителя, и он получил строгое наказание – был снят с должности.

Ключевые слова: И. М. Зальцман, Кировский завод, коррупция, послевоенный период, Совет министров СССР, танковая промышленность, ЦК ВКП(б).

Введение

Из всей плеяды советских танкостроителей широкой аудитории наиболее известен Исаак Моисеевич Зальцман. В начале Великой Отечественной войны он наладил производство танков на Урале, был директором Кировского завода, выпускавшего тяжелые танки «КВ» и «ИС», почти год возглавлял наркомат танковой промышленности. В немалой степени известность И. М. Зальцмана связана и с его отставкой с поста директора Челябинского Кировского завода в 1949 г.: никто другой из заслуженных танкостроителей не подвергся столь тяжелому наказанию – понижению до заместителя начальника цеха на небольшом предприятии.

О том, почему знаменитый директор лишился своего поста, существует множество версий. Продолжительное время одни исследователи связывали отставку с политическими кампаниями конца 1940-х гг., а другие считали ее закономерным для послевоенных лет эпизодом, обусловленным производственными факторами. В последние годы удалось выяснить, что отставка И. М. Зальцмана была связана с поступившим в ЦК ВКП(б) компроматом на него и с тем, что Кировский завод не справился с важным заданием – модернизацией тяжелого танка ИС-4. Несмотря на то что указанные события происходили одновременно, некоторые исследователи ставят под сомнение влияние производственных проблем на ход и итоги «дела Зальцмана».

Цель данной статьи – установить взаимосвязь разных причин отставки И. М. Зальцмана в 1949 г.,

выявленных отечественными исследователями, и определить степень воздействия каждой из них.

Обзор литературы

Споры вокруг отставки И. М. Зальцмана во многом связаны с тем, что ее официальные причины были обнародованы только однажды, в июле 1949 г. на собрании партийного актива Кировского завода (грубое поведение директора, его непартийный стиль руководства, злоупотребления на заводе и невыполнение плана по выпуску тракторов) [1, с. 191–205], и многим показались неубедительными. Последующее замалчивание темы властями привело к появлению других объяснений «падения» Зальцмана. Современники связывали это событие с национальностью директора, доносами на него в высшие инстанции и конфликтами Зальцмана с Малышевым и Берией [2, с. 97–98]. Но самой популярной оказалась версия самого Исаака Моисеевича – «...был сурово наказан по партийной линии в связи с т. н. “ленинградским делом”», – которую он в 1980-е гг. поведал в автобиографии, письмах и интервью. В условиях «перестройки» эта версия была не критично воспринята и широко растиражирована прессой [1, с. 264–269; 3, с. 118–119], а затем воспроизведена в биографиях Зальцмана, составленных преимущественно по источникам личного происхождения [4–6].

В научной литературе «ленинградскую версию» в 1990-е гг. озвучил Г. В. Костырченко. Чтобы подтвердить ее, а также связать опалу знаменитого танкостроителя с антисемитской кампанией конца 1940-х гг., он первым из исследователей обратился к документам ЦК ВКП(б), посвященным

отставке и исключению И. М. Зальцмана из партии. Г. В. Костырченко задействовал лишь те документы, которые подтверждали выдвинутую им версию, проигнорировав другие материалы [7, с. 260–263]. Тем не менее, его выводы и аргументы многим специалистам показались убедительными, и до 2010-х гг. «ленинградское дело» и антисемитская политика считались основными или даже единственными причинами отставки И. М. Зальцмана [8, с. 153–154; 9, с. 264–265].

Иной взгляд на проблему в 2000-е гг. представили челябинские журналисты и краеведы. Опираясь на документы местных архивов, они пришли к выводу, что после войны из-за недостаточной модернизации и нехватки кадров Кировский завод не выполнял плановые задания по тракторам, а привычка директора решать проблемы методами военных лет породила острое недовольство подчиненных. Жалобы работников завода дошли до высшего руководства, и вскоре И. М. Зальцман лишился своей должности [10–12]. Производственные проблемы Кировского завода и стиль руководства его директора оказались в поле зрения и специалистов по истории танковой промышленности. В первой половине 2010-х гг. они выяснили, что в послевоенные годы отрасль переживала кризис, вызванный конверсией, недостаточным финансированием, оттоком кадров и прочими проблемами. В этих условиях Челябинский Кировский завод оказался неспособен выпускать в нужном объеме и надлежащего качества танки и некогда успешный директор лишился должности [13–14].

Во второй половине 2010-х гг. темой отставки И. М. Зальцмана предметно занимались уральские историки. Благодаря анализу источников личного происхождения и изучению большого массива документов региональных и федеральных архивов они выяснили, что отставка И. М. Зальцмана не была связана с «ленинградским делом». Вместе с тем им удалось детально восстановить ход рассмотрения в ЦК ВКП(б) компромата на Зальцмана и описать острую фазу кризиса в танковой промышленности, которая прихвлялась на 1949 г. и прямо затронула Челябинский Кировский завод [1, с. 125–217; 2, 15]. Таким образом, в «деле Зальцмана» удалось проследить две линии – «коррупционную» (злоупотребления руководителями завода, «антипартийное поведение» директора и его поддержка со стороны местных партийных органов) и «производственную» (проблемы с выпуском тяжелых танков и срыв задания по модернизации танка ИС-4). Тем не менее, некоторые исследователи полагают, что производственные проблемы не сыграли значимой роли в отставке И. М. Зальцмана [16–17].

Методы исследования

В качестве основных методов исследования заявленной проблемы использовались традицион-

ные для отечественной исторической науки хронологический и сравнительно-исторический методы, а также ситуационный анализ. Для выявления основных причин отставок директоров машиностроительных предприятий в первые послевоенные годы применялся статистический метод.

Исследование проводилось на основе документов нескольких федеральных архивов: Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива социально-политической истории и Российского государственного архива экономики. С их помощью удалось реконструировать некоторые обстоятельства «дела Зальцмана» и определить степень его типичности для кадровых практик эпохи позднего сталинизма.

Результаты и дискуссия

До 1949 г. информация о недостатках в работе Челябинского Кировского завода и злоупотреблениях его администрации регулярно доходила до высшего руководства, но оно реагировало сдержанно и не прибегало к серьезным наказаниям. Так, о неудовлетворительной подготовке завода к выпуску тракторов в 1946 г. написала «Правда», но для И. М. Зальцмана все закончилось тем, что коллегия министерства транспортного машиностроения лишь обязала его «быстрее закончить с отставанием Кировского завода» [18–19]. Министерство государственного контроля выявило незаконное расходование директором в 1945–1946 гг. около 800 тыс. рублей, за которое в апреле 1947 г. Совет министров СССР объявил ему выговор [1, с. 123]. Осенью 1947 г. до ЦК ВКП(б) дошла история начальника одного из цехов Кировского завода И. Г. Беляева, которого по инициативе директора пытались необоснованно исключить из партии и отдать под суд. Однако в январе 1948 г. Комиссия партийного контроля лишь указала директору на «непартийные методы» в отношениях с подчиненными [20]. Весной 1948 г. работники министерства государственного контроля вновь обнаружили на заводе массу незаконных трат: на проведение банкетов, изготовление дорогих подарков, содержание заводской футбольной команды. Тем не менее, руководство завода взысканий за все это не получило [21]. Наконец, осенью 1948 г. выяснилось, что Кировский завод сорвал программу по выпуску необходимого количества тракторов. Совет министров СССР в своем постановлении об оказании помощи заводу отметил данный факт, но не сделал руководителям завода даже предупреждения [22]. В правительстве прекрасно понимали, что предприятие объективно не было готово к выполнению слишком высокого плана, поэтому и воздержались от наказаний.

Положение резко изменилось в начале 1949 г., когда высшее руководство всерьез взялось за танковую промышленность, несколько лет пребывав-

шую в глубоком кризисе. В частности, 18 февраля 1949 г. Совет министров СССР прекратил выпуск танка ИС-4 на Кировском заводе, потребовал устранить в нем все недостатки и к 1 мая представить к испытаниям 12 улучшенных машин. Заодно заводу поручили до 1 августа разработать новый тяжелый танк. И. М. Зальцман получил выговор «за невыполнение заданий Правительства по производству танка ИС-4 и за выпуск этого танка со значительными конструктивными и производственными дефектами» и предупреждение, что «...при нарушении требований Правительства в дальнейшем» будет привлечен к более строгой ответственности [15, с. 73–74].

Спустя две недели, 3 марта 1949 г. в Особый сектор ЦК ВКП(б) поступило заявление секретаря партийной организации заводоуправления Челябинского Кировского завода А. М. Зверева [1, с. 133–136], которое в соответствии с устоявшейся историографической традицией вполне можно назвать доносом [23–24; 25, с. 5–23]. Оно было датировано 21 февраля 1949 г. и содержало сведения о злоупотреблениях на заводе, часть которых в 1948 г. выявило министерство государственного контроля. Вряд ли появление этого заявления было связано с постановлением правительства от 18 февраля: в силу скромной должности А. М. Зверев не имел доступа к секретным документам, а копию постановления на заводе получили 26 февраля. Но вот то, что в период с 3 по 7 марта о заявлении А. М. Зверева доложили И. В. Сталину, на наш взгляд, не было случайностью.

Каждый год на имя И. В. Сталина поступало несколько сотен тысяч писем, из которых до адресата ежемесячно доводилось несколько десятков. Принципы отбора этих документов для доклада И. В. Сталину пока не известны, но специалисты полагают, что его производили на основании ситуативных предписаний [25, с. 9–10]. Данную версию подтверждает то, что довольно часто И. В. Сталина знакомили с письмами, в которых затрагивались темы, недавно или только что попавшие в поле его зрения. Так, в феврале 1946 г., на стадии фабрикации «авиационного дела», ему сообщили об анонимном заявлении на работников аппарата ЦК ВКП(б) А. В. Будникова и Г. М. Григорьяна, якобы повинных «в плохой работе НКАП». В марте и апреле 1949 г., когда Политбюро плотно занималось «красноярским делом», до И. В. Сталина довели три заявления о неблагополучии с кадрами в министерстве геологии. В январе 1950 г., когда в ЦК ВКП(б) решался вопрос о партийных руководителях Челябинской области, И. В. Сталин узнал об анонимке, в которой шла речь о «разложении руководства Челябинского обкома во главе с т. Белобородовым» [26–28]. Полагаем, что этой же логикой В. Н. Чернуха и А. Н. Поскребышев, отвечавшие за отбор писем, руководствовались и в случае с заявлением А. М. Зверева.

Поскольку А. М. Зверев сообщил о «крупных преступлениях и беспорядках на заводе, покрываемых директором завода Зальцманом», И. В. Сталин распорядился направить его заявление на рассмотрение Г. М. Маленкову. Если бы в заявлении говорилось о производственных проблемах, то оно скорее всего попало бы к В. А. Малышеву – заместителю председателя Совета министров СССР, курировавшему тогда транспортное машиностроение. Г. М. Маленков получил заявление 7 марта или вскоре после этой даты, но принялся за его разбор не сразу. Вероятно, сначала он разобрался в ситуации, сложившейся на тот момент вокруг Кировского завода и его директора. Лишь 23 марта Г. М. Маленков распорядился ознакомить с документом секретарей ЦК ВКП(б) и В. А. Малышева. Спустя еще две недели из стандартных вариантов дальнейших действий – направить на завод для проверки инструктора профильного отдела ЦК, обсудить заявление на ближайшем заседании Секретариата или передать его компетентной комиссии, – Маленков выбрал третий. 9 апреля Секретариат поручил В. А. Малышеву, министру транспортного машиностроения И. И. Носенко и первому заместителю заведующего Отделом машиностроения ЦК ВКП(б) А. К. Кокотушкину в 4-дневный срок рассмотреть заявление А. М. Зверева и представить предложения. 13 апреля указанные лица подготовили записку, в которой отметили, что факты, изложенные А. М. Зверевым, заслуживают внимания, и предложили создать комиссию для проверки завода из представителей ЦК ВКП(б), Комиссии партийного контроля и министерства транспортного машиностроения. Но и в этот раз Г. М. Маленков взял долгую паузу, и решение о проведении межведомственной проверки было принято только 21 мая [1, с. 149–161].

А. В. Сушков, в деталях реконструировавший ход рассмотрения записки А. М. Зверева в ЦК ВКП(б), не объясняет причину задержки с проведением проверки на заводе. На наш взгляд она была связана с тем, что Г. М. Маленков вместе с другими заинтересованными лицами ожидал, как Кировский завод справится с модернизацией танка ИС-4. Если бы завод выполнил это задание в положенные сроки (к 1 мая), то, возможно, проверку бы не стали проводить. И только когда выяснилось, что важнейшее оборонное задание полностью провалено, было решено наказать Зальцмана, и поэтому началась разработка имевшегося на него компромата [15, с. 75–78].

Откладывание вопроса до выяснения важных обстоятельств было обычным явлением в работе ЦК ВКП(б). Например, в марте 1949 г. И. В. Сталину доложили о записке В. Ф. Самойлова, в которой говорилось о непартийном отношении министра геологии И. И. Малышева к кадрам. Записку направили Г. М. Маленкову, но тот придержал ее, поскольку знал, что в Политбюро начались разби-

рательства по поводу урановых месторождений в Красноярском крае [29, с. 83–86], от исхода которых и зависела судьба И. И. Малышева. Только 1 июля 1949 г., после того, как в министерстве геологии уже как два месяца сменилось руководство, Секретариат наконец-то поручил комиссии рассмотреть записку В. Ф. Самойлова и подготовить предложения [30]. Долгая пауза имела место и в случае с заявлением Д. Ф. Лунькова о хищениях на автомобильном заводе имени Сталина. Это заявление Г. М. Маленков получил из Особого сектора в начале июля 1949 г. и уже через несколько дней, 15 июля, Секретариат поручил Комиссии партийного контроля в недельный срок проверить материал. Осенью провели более тщательную проверку, по итогам которой Комиссия партийного контроля в январе 1950 г. указала директору завода И. А. Лихачеву на недостатки в работе жилищно-коммунального отдела. Согласно заведенному порядку Секретариат должен был вскоре утвердить данное решение, но в феврале началось «дело ЗИСа» [7, с. 263–266]. 17 апреля 1950 г. Политбюро освободило И. А. Лихачева от занимаемой им должности, и только после этого, 28 апреля, Секретариат довел дело по заявлению Д. Ф. Лунькова до конца [31].

Косвенным аргументом в пользу того, что история с заявлением А. М. Зверева могла обойтись без разбирательств в ЦК ВКП(б), является, на наш взгляд, деятельность ведомственной комиссии, которая в середине апреля 1949 г. побывала на Челябинском Кировском заводе. В нее вошли заместитель министра транспортного машиностроения А. Н. Мосин, заместитель начальника Управления руководящих кадров М. И. Ивлиев и начальник производственного отдела Главного танкового управления Г. А. Мицельский. 29 апреля они направили министру докладную записку, в которой подтвердили факты, представленные А. М. Зверевым, и предложили наложить на директора взыскание и освободить некоторых второстепенных руководителей завода [32]. Если бы Кировский завод вовремя справился с модернизацией танка ИС-4, то ЦК ВКП(б) с большой долей вероятности мог принять этот стандартный, заранее проработанный министерством вариант, и тогда И. М. Зальцман отделался бы относительно мягким наказанием, по крайней мере, не лишился бы своего поста.

В начале июня 1949 г. комиссия, в которую вошли два работника ЦК ВКП(б), заместитель министра транспортного машиностроения и два представителя местных партийных органов, проверила Кировский завод [1, с. 161–168]. Одновременно в Москве продолжались разбирательства вокруг танковой промышленности. В частности, 4 июня с 23:05 до 23:25 в кремлевском кабинете И. В. Сталина побывали В. А. Малышев, И. И. Носенко и заместитель министра вооруженных сил

СССР В. Д. Соколовский. А. В. Сушков связал их визит с «делом Зальцмана». Между тем присутствие Соколовского явно указывает на то, что обсуждалась именно танковая тема, скорее всего итоги испытаний усовершенствованного Т-54 и сорванная модернизация ИС-4. В пользу этой версии говорит тот факт, что 10 июня Совет министров СССР удовлетворил просьбу Кировского завода о продлении сроков модернизации ИС-4 до 15 июля [15, с. 75–76].

14 июня 1949 г. комиссия, проверившая работу Кировского завода, подготовила на имя Г. М. Маленкова записку, которая включала разделы о невыполнении заводом планов по выпуску тракторов и танков, о грубом отношении директора к рабочим, злоупотреблениях на заводе и неправильном подборе кадров. То, что в записке зашла речь о производственных недостатках, как и то, что они упоминались в первую очередь, вполне закономерно: в послевоенные годы работу предприятий и их директоров прежде всего оценивали по выполнению планов. Невыполнение планов по тракторам, о котором и до этого хорошо знали в Москве, и проблемы с танками значительно усилили прочие претензии в адрес директора. Тем не менее, комиссия не стала поднимать вопрос об отставке директора, а предложила привлечь его к строгой ответственности «за неправильный подбор и расстановку кадров, грубое отношение к подчиненным и за принятие необходимых мер борьбы с злоупотреблениями на заводе» [1, с. 168].

24 июня Секретариат ЦК ВКП(б) обсудил материалы комиссии, но поскольку И. М. Зальцман категорически не согласился с ее выводами, то была создана вторая комиссия, в которую вошли секретарь ЦК ВКП(б) П. К. Пономаренко, заместитель председателя Комиссии партийного контроля М. Ф. Шкирятов, В. А. Малышев, И. И. Носенко. Эта комиссия в течение нескольких дней собрала массу новых негативных фактов о недостойном поведении, зажиме критики и «непартийном» стиле руководства директора [1, с. 174–185]. Часть фактов была почерпнута из материалов прежних ревизий завода, о которых говорилось выше. Тогда же разгорелся очередной конфликт вокруг танка ИС-4. 23 июня маршал бронетанковых войск С. И. Богданов направил В. А. Малышеву протест против решения И. М. Зальцмана начать сборку танков для предстоящих испытаний еще до завершения их модернизации. Неизвестно, сказался ли данный инцидент на судьбе директора, но сборку недоработанных машин остановили [33].

30 июня 1949 г. итоговая записка по «делу Зальцмана» была направлена И. В. Сталину. В ней имелись разделы о срыве производственных планов, недостойном поведении и «порочном» стиле руководства Зальцмана, неправильном подборе им кадров и попустительстве обкома партии его «ан-

типартийным» действиям [1, с. 180–186]. Основное внимание в записке уделялось поведению директора, стилю его руководства и подбору кадров. Производственной теме посвятили 1,5 из почти 13 страниц, а танкам – только один абзац: «Крайне плохо завод выполнял в 1946–48 годах задания правительства по танкам. Выпуск танков систематически срывался, значительное количество их выпущено с серьезными конструктивными и технологическими дефектами, за что т. Зальцману постановлением Совмина в феврале 1949 года объявлен выговор» [34]. К записке прилагалось постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «Об антипартийном поведении директора Кировского Челябинского завода И. М. Зальцмана», черновой вариант которого имел констатирующую часть, посвященную исключительно поступкам директора, несовместимым со званием члена партии и руководителя предприятия. В Политбюро данное решение утвердили, но оно получило нейтральный заголовок: «О директоре Кировского Челябинского завода И. М. Зальцмане» [1, с. 186–191].

Из сказанного выше следует, что в документах ЦК ВКП(б) по «делу Зальцмана» танковая тема почти не затрагивалась. Означает ли это, что высшее руководство не придавало значения столь важной теме, когда решало вопрос о директоре Кировского завода? На наш взгляд, редкость и лаконичность сообщений о танках в материалах ЦК ВКП(б) связаны с тем, что до начала 1950-х гг. научно-технические и производственные вопросы военно-промышленного комплекса СССР не входили в компетенцию ЦК ВКП(б). Во второй половине 1940-х гг. этим занимался Совет министров СССР, его специальные комитеты и отраслевые бюро. Танковой темой в 1946–1950 гг. тоже занимались исключительно правительственные структуры, что следует из документов, хранящихся в РГАНИ [35]. Подразделения ЦК ВКП(б), такие как Управление кадров или отраслевые отделы, созданные летом 1948 г., в то время занимались только подбором кадров для промышленности [36]. Их деятельность в основном сводилась к рассмотрению и «оформлению» предложений министерств по должностям, входившим в номенклатуру ЦК ВКП(б). Даже если ЦК ВКП(б) вникал в работу министерств, то проверял исполнение директив общего характера и подбор руководящих кадров [37–38]. То же самое касалось и секретарей ЦК ВКП(б). Если Л. И. Брежнев в 1958–1966 гг. напрямую занимался вопросами военно-промышленного комплекса, то во второй половине 1940-х гг. такое еще не практиковалось. Г. М. Маленков возглавлял Специальный комитет по реактивной технике с мая 1946 г. по май 1947 г. как заместитель председателя Совета министров СССР. А. А. Кузнецов, в 1946–1948 гг. возглавлявший Управление кадров ЦК ВКП(б), а с июля 1948 г. по январь 1949 г. курировавший Отдел машино-

строения, самое большее занимался подбором квалифицированных рабочих, инженерно-технических и партийных работников для ряда предприятий атомной промышленности, причем делал это по распоряжению правительства [39, с. 226, 467–468, 782–784, 796–798].

О том, что в конце 1940-х гг. отделы, Секретариат и Оргбюро ЦК ВКП(б) практически не занимались военно-промышленным комплексом, свидетельствует и тот факт, что наказания за срыв оборонных заданий налагали Совет министров СССР или Политбюро ЦК ВКП(б). Так, в январе 1949 г. Политбюро освободило В. А. Окулова с поста директора завода № 22 за невыполнение в 1946–1948 гг. планов по выпуску стратегического бомбардировщика Ту-4 [40, с. 190–193]. 15 августа 1949 г. Совет министров СССР за срыв задания по созданию плавающего танка снял с должности директора завода № 112 Е. Э. Рубинчика [15, с. 79]. В обоих случаях не было «отягощения» в виде компромата, поэтому решения принимались сразу, без участия профильных отделов и Секретариата ЦК ВКП(б), и в нарушение установленного порядка освобождения номенклатурных работников.

Причины ротации директоров промышленных предприятий в период позднего сталинизма в отечественной историографии исследованы недостаточно. Тем не менее, известно, что в 1940-е гг. 26 % директоров металлургических заводов Челябинской области сняли с должностей за невыполнение производственных планов (с формулировкой «не справившийся с работой»), «за нарушение технологической дисциплины», «за необеспечение должного руководства») или в связи с «недочетами при подборе кадров» [42, с. 146–148]. Кроме того, из отчетов министерства транспортного машиностроения СССР о работе с руководящими кадрами следует, что в 1946–1950 гг. три четверти директоров, снятых или пониженных в должности, лишились своих постов из-за невыполнения производственных планов и заданий, а также приписок. Гораздо реже причинами таких отставок являлись «бесхозяйственность», «злоупотребления» и «неблаговидные поступки в быту», неправильный подбор кадров, зажим критики и отсутствие «достаточного» авторитета среди рабочих и руководителей завода [43–46]. Таким образом, в послевоенные годы отставка директора предприятия могла быть вызвана целым рядом причин, но наиболее значимыми из них считались производственные проблемы – невыполнение планов или срыв важного задания.

ЦК ВКП(б), решая вопрос о каком-либо директоре, исходил из тех же приоритетов, что и министерства. Это хорошо видно по делу еще одного известного хозяйственника послевоенных лет, не уступавшего И. М. Зальцману по заслугам и наградам, – директора Магнитогорского металлургического комбината Григория Ивановича Носова.

17 октября 1949 г. бывший начальник отдела технического снабжения комбината Я. А. Козлов написал на имя Г. М. Маленкова заявление, в котором сообщил, что директор окружил себя беспринципными людьми, использует служебное положение, не терпит критики и решает вопросы комбината, не считаясь с мнением местных партийных и советских органов. 18 ноября заявление зарегистрировали в Техническом секретариате Оргбюро ЦК ВКП(б), а уже 19 ноября Секретариат поручил Отделу тяжелой промышленности произвести проверку на месте. Через неделю в Магнитогорск выехал инструктор отдела Д. И. Полукаров. 9 января 1950 г. он подготовил докладную записку, в которой сообщил, что «факты, приведенные в заявлении т. Козлова, в основном подтвердились». В записке приводились примеры того, как Носов назначает на руководящие посты людей, не вызывающих политического доверия, преследует критику в свой адрес, злоупотребляет служебным положением, и отмечалось, что министерство и Челябинский обком партии знали о недостатках директора, но не поправляли его. 20 января 1950 г. Секретариат ЦК ВКП(б) поручил секретарю ЦК ВКП(б) П. К. Пономаренко, заместителю председателя Совета министров СССР И. Ф. Тевосяну, курировавшему металлургию, и министру металлургической промышленности А. Н. Кузьмину рассмотреть материалы проверки с вызовом Г. И. Носова. Спустя некоторое время комиссия доложила, что Г. И. Носов признал все свои ошибки и теперь занят устранением выявленных недостатков. Примечательно, что о его злоупотреблениях ничего не говорилось. Комиссия предложила ограничиться предупреждением, которое директор комбината получил в ходе разбора его дела, и не принимать специального постановления. Тем не менее, по указанию Г. М. Маленкова 17 февраля 1950 г. Секретариат ЦК ВКП(б) обязал Г. И. Носова «...принять меры к серьезному улучшению дела подбора кадров и покончить с неправильным отношением к критике» [47–49].

Поскольку в деле Г. И. Носова изначально не было каких-то особых обстоятельств, то его разбор в ЦК ВКП(б) происходил почти без задержек и по стандартному сценарию: проверка профильного отдела на месте – изучение материалов проверки компетентной комиссией – принятие постановления ЦК ВКП(б). Носову предъявили практически те же претензии, что и Зальцману, а также злоупотребление служебным положением, однако наказания он избежал. Крупнейший в СССР металлургический комбинат в 1947–1949 гг. уверенно перевыполнял план и по валу (104,5–106,4 %), и по номенклатуре (100,5–104,6 % по чугуноу, 100,2–104,7 % по стали, 102,0–105,1 % по прокату) [50]. К тому же Носов сразу признал предъявленные ему обви-

нения. Значительные производственные успехи и соблюдение «виновным» неписаных правил разбора компрометирующих материалов позволили комиссии и Маленкову не только закрыть глаза на злоупотребления, о которых было известно и до этого, но вообще обойтись без взыскания. В «деле Зальцмана» такие смягчающие обстоятельства отсутствовали.

Выводы

Отставка директора Челябинского Кировского завода Исаака Моисеевича Зальцмана в 1949 г. вполне соответствовала кадровым практикам эпохи позднего сталинизма и была вызвана рядом взаимосвязанных причин: срывом оборонного задания, коррупцией и нарушением неписаных правил рассмотрения компрометирующих материалов.

Начало «делу» положили производственные проблемы: в феврале 1949 г. И. М. Зальцман получил выговор от Совета министров СССР за выпуск Кировским заводом некачественных танков, а затем, в марте–апреле, он не смог организовать быструю модернизацию танка ИС-4, за что ему полагалось новое, более серьезное наказание. Но вопрос о наказании И. М. Зальцмана передали в секретариат ЦК ВКП(б), который на тот момент располагал сведениями о недостойном поведении директора, злоупотреблениях и неправильном подборе кадров на заводе. В обычной ситуации подобные «недостатки» оборачивались для директоров предприятий дисциплинарными или партийными взысканиями. Но при рассмотрении дела в ЦК ВКП(б) И. М. Зальцман отказался признавать свою вину и тем самым усугубил ситуацию. Последовала дополнительная проверка, которая выявила массу новых негативных фактов, а поступки директора стали расцениваться как «антипартийные». В итоге на серьезные производственные проблемы наложились коррупция и обвинения политического характера, что перевесило все прежние заслуги знаменитого танкостроителя и повлекло очень строгое наказание – снятие с должности.

Литература

1. Сушков, А. В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана / А. В. Сушков. – Екатеринбург, 2016. – 300 с.
2. Федоров, А. Н. «Дело Зальцмана» по источникам личного происхождения: о причинах кадровых чисток в период «позднего сталинизма» / А. Н. Федоров // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2016. – № 3. – С. 93–100.
3. Федоров, А. Н. «Танковый король» и «опальный генерал»: рождение легенды об Исааке Зальцмане / А. Н. Федоров // Новейшая история России. – 2016. – № 1 (15). – С. 109–133.
4. Сергейчук, В. Танковый король России / В. Сергейчук. – Киев, 2005. – 236 с.

5. Слободин, К. М. Сын века своего / К. М. Слободин. – Нижний Тагил, 2006. – 111 с.
6. Шмыров, Б. Д. Зальцман Исаак Моисеевич. Легендарный директор легендарного Танкограда / Б. Д. Шмыров. – Челябинск, 2017. – 272 с.
7. Костырченко, Г. В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие / Г. В. Костырченко. – М., 1994. – 397 с.
8. Гвоздецкий, В. Л. И. М. Зальцман – крупнейший советский танкостроитель. По страницам биографии / В. Л. Гвоздецкий // Юбилейная научная конференция, посвященная 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. – М., 2010. – С. 146–156.
9. Самуэльсон, Л. Танкоград: секреты русского тыла, 1917–1953 / Л. Самуэльсон. – М., 2010. – 372 с.
10. Кибиткина, Г. Король танков / Г. Кибиткина // Танкоград. – 2001. – № 1.
11. Салмина, М. С. И. М. Зальцман в послевоенном Челябинске (1945–1949 гг.) / М. С. Салмина, М. В. Передок // Гороховские чтения : материалы третьей региональной музейной конференции. – Челябинск, 2012. – С. 81–91.
12. Францева, Е. Загадка Зальцмана: он как никто умел делать танки, но не смог вписаться в мирную жизнь Танкограда / Е. Францева // Челябинский рабочий. – 2001. – 22 декабря.
13. Запарий, В. В. Становление и развитие танкового производства на Урале в 1940-е гг. / В. В. Запарий, Н. Н. Мельников // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 1 (46). – С. 36–44.
14. Шубарина, Л. В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития, 1945–1965 гг. / Л. В. Шубарина. – Челябинск, 2011. – 280 с.
15. Федоров, А. Н. «Танковое дело» 1949 г.: механизм решения проблем оборонной промышленности в послевоенный период / А. Н. Федоров // Новейшая история России. – 2017. – № 4 (21). – С. 69–86.
16. Воробьев, С. В. Падение «танкового короля» Исаака Зальцмана: исторические мифы и исторические факты / С. В. Воробьев // Вопросы истории. – 2022. – № 10 (2). – С. 4–19.
17. Пашолок, Ю. Главный по советским тяжелым танкам / Ю. Пашолок. – URL: <https://zen.ru/a/X85a18ngNHQ06XB6> (дата обращения: 28.12.2022).
18. Правда. – 1946. – 18 декабря.
19. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 8734. – Оп. 6. – Д. 55. – Л. 15–18.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 118. – Д. 5. – Л. 117–121.
21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-8300. – Оп. 15. – Д. 1071. – Л. 64–84.
22. ГАРФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 50а. – Д. 2134. – Л. 145.
23. Козлов, В. Феномен доноса / В. Козлов // Свободная мысль. – 1998. – № 4. – С. 100–112.
24. Нехамкин, В. А. Донос как социально-психологический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов) / В. А. Нехамкин // Историческая психология и социология истории. – 2014. – № 2. – С. 63–79.
25. Последние письма Сталину. 1952–1953 гг. Реконструкция документального комплекса. – М., 2015. – 541 с.
26. РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 11. – Д. 866. – Л. 81.
27. РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 11. – Д. 876. – Л. 15, 55.
28. РГАСПИ. – Ф. 558. – Оп. 11. – Д. 877. – Л. 3.
29. Свиньин, В. Ф. Геологи в атомном проекте СССР. Ч. 2. 1946–1953 / В. Ф. Свиньин // Геология и минерально-сырьевые ресурсы Сибири. – 2010. – № 2. – С. 78–90.
30. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 116. – Д. 442. – Л. 57.
31. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 116. – Д. 507. – Л. 20–21.
32. РГАЭ. – Ф. 8734. – Оп. 6. – Д. 513. – Л. 262–272.
33. РГАЭ. – Ф. 8734. – Оп. 6. – Д. 721. – Л. 37–43.
34. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 118. – Д. 448. – Л. 133.
35. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 3. – Оп. 46. – Д. 403–405.
36. Зеленов, М. В. Аппарат ЦК ВКП(б): структура, функции, кадры. 10 июля 1948 – 5 октября 1952 : справочник / М. В. Зеленов, Н. Ю. Пивоваров. – М. ; СПб., 2020. – 776 с.
37. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 116. – Д. 285. – Л. 5–11.
38. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 116. – Д. 684. – Л. 2–4.
39. Атомный проект СССР : документы и материалы. Т. 2. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 3. – М., 2002. – 893 с.
40. Подрепный, Е. И. Развитие отечественного самолетостроения в условиях «холодной войны» (1946–1959 гг.): на материалах серийных заводов Европейской части СССР : дис. ... д-ра ист. наук / Е. И. Подрепный. – Нижний Новгород, 2013. – 391 с.
41. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953. – М., 2004. – 494 с.
42. Павлов, К. С. Социальный облик директорского корпуса советских металлургических заводов в 1930–1940-е гг.: на материалах Челябинской области : дис. ... канд. ист. наук / К. С. Павлов. – Челябинск, 2010. – 195 с.
43. РГАЭ. – Ф. 8734. – Оп. 6. – Д. 129. – Л. 116–135.

44. РГАЭ. – Ф. 8734. – Оп. 6. – Д. 466. – Л. 11–12, 36–37.

45. РГАЭ. – Ф. 8734. – Оп. 6. – Д. 756. – Л. 7–10, 36–37.

46. РГАЭ. – Ф. 8734. – Оп. 6. – Д. 1072. – Л. 9–13.

47. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 118. – Д. 596. – Л. 131–136.

48. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 118. – Д. 705. – Л. 1–11.

49. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 118. – Д. 744. – Л. 176–177.

50. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. П-288. – Оп. 13. – Д. 164. – Л. 11.

Федоров Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Челябинский государственный университет (Челябинск), e-mail: fedorov.a.n@csu.ru. ORCID 0000-0002-4115-9603

Поступила в редакцию 30 декабря 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230209

REASONS FOR RESIGNATION OF THE CHELYABINSK KIROV PLANT DIRECTOR I. M. ZALTSMAN IN 1949

A. N. Fedorov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article attempts to establish the relationship and the degree of significance of the various reasons for the resignation of I. M. Zaltsman, Kirov plant director in 1949. With the help of Federal archive documents, new circumstances of the Zaltsman Affair are revealed showing that it corresponded to cadre practices of late Stalinism. The affair was due to production problems. In February 1949 Zaltsman was reprimanded by the government for the production of low-quality tanks in the Kirov Plant, and then was unable to organize the rapid modernization of the IS-4 tank. The question of a new punishment for the director was referred to the Central Committee of the CPSU(b), which by that time had information about the director's misconduct, corruption and improper cadre selection at the plant. In most cases, plant directors received disciplinary or party penalties for such shortcomings. However, Zaltsman's refusal to admit his guilt aggravated the situation. An additional check revealed new negative facts, and his actions began to be regarded as «anti-party». As a result, the disruption of the defense task, supplemented by corruption and violation of the unwritten rules for considering cadres questions, outweighed the merits of the famous director and he received the severe penalty of being removed from his post.

Keywords: I. M. Zaltsman, Kirov plant, corruption, post-war period, USSR Council of Ministers, tank industry, Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks.

References

1. Sushkov A.V. Delo «tankovogo korolja» Isaaka Zal'mana [The Case of the «Tank King» Isaac Saltzman]. Ekaterinburg, 2016. 300 s.
2. Fedorov A.N. «Delo Zal'mana» po istochnikam lichnogo proishozhdeniya: o prichinah kadrovyyh chistok v period «pozdnego stalinizma» [Zaltsman Case According to Personal Sources: about the Reasons of Staff Purges in the «Late Stalinism» Period] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2016. № 3. S. 93–100.
3. Fedorov A.N. «Tankovyy korol'» i «opal'nyy general»: rozhdenie legendy ob Isaake Zal'mane [«Tank King» and «Disgraced General»: the Birth of a Legend about Isaak Zaltsman] // *Novejshaja istorija Rossii*. 2016. № 1 (15). S. 109–133.
4. Sergijchuk V. Tankovyy korol' Rossii [Tank King of Russia]. Kiev, 2005. 236 s.
5. Slobodin K.M. Syn veka svoego [Son of His Century]. Nizhny Tagil, 2006. 111 s.
6. Shmyrov B.D. Zal'man Isaak Moiseevich. Legendarnyy direktor legendarnogo Tankograda [Zaltsman Isaak Moiseevich. The Legendary Director of the Legendary Tankograd]. Chelyabinsk, 2017. 272 s.

7. Kostyrchenko G.V. V plenu u krasnogo faraona. Politicheskie presledovanija evreev v SSSR v poslednee stalinskoe desjatiletie [Captured by the Red Pharaoh. Political Persecution of Jews in the USSR in the Last Stalinist Decade]. M., 1994. 397 s.
8. Gvozdeckij B.L. I.M. Zal'cman – krupnejšij sovetskij tan-kostroitel'. Po stranicam biografii [I.M. Zaltsman is the Largest Soviet Tank Builder. By Biography Pages] // *Jubilejnaja nauchnaja konferencija, posvjashhonnaja 65-letiju Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne*. M., 2010. S. 146–156.
9. Samujel'son L. Tankograd: sekrety russkogo tyla, 1917–1953 [Tankograd: Secrets of the Russian rear, 1917–1953]. M., 2010. 372 s.
10. Kibitkina G. Korol' tankov [Tank King] // *Tankograd*. 2001. № 1.
11. Salmina M.S., Peredok M.V. I.M. Zal'cman v poslevoennom Cheljabinske (1945–1949 gg.) [I.M. Zaltsman in Post-War Chelyabinsk (1945–1949)] // *Gorohovskie chtenija: materialy tret'ej regional'noj muzejnoj konferencii*. Chelyabinsk, 2012. S. 81–91.
12. Franceva, E. Zagadka Zal'cmana: on kak nikto umel delat' tanki, no ne smog vpisat'sja v mirnuju zhizn' Tankograda [Zaltsman's Mystery: he Knew How to Make Tanks Like no One Else, but He Could not Fit into the Peaceful Life of Tankograd] // *Cheljabinskij rabochij*. 2001. 22 dekabnja.
13. Zaparij V.V., Mel'nikov N.N. Stanovlenie i razvitie tankovogo proizvodstva na Urale v 1940-e gg. [Evolution and Development of Tank Construction Industry in the Urals in 1940s] // *Ural'skij istoričeskij vestnik*. 2015. № 1 (46). S. 36–44.
14. Shubarina L.V. Oboronno-promyšlennyj kompleks na Urale: regional'nyj opyt razvitija, 1945–1965 gg. [The Military-Industrial Complex in the Urals: Regional Development Experience, 1945–1965]. Chelyabinsk, 2011. 280 s.
15. Fedorov A.N. «Tankovoe delo» 1949 g.: mehanizm reshenija problem oboronnoj promyšlennosti v poslevoennyj period [The «Tank Affair» of 1949: How Problems of the Defensive Industry were Solved during the Post-War Period] // *Novejšaja istorija Rossii*. 2017. № 4 (21). S. 69–86.
16. Vorob'jov S.V. Padenie «tankovogo korolja» Isaaka Zal'cmana: istoričeskie mify i istoričeskie fakty [Fall of the «tank king» I.M. Zaltsman: historical myths and facts] // *Voprosy istorii*. 2022. № 10 (2). S. 4–19.
17. Pasholok J. Glavnyj po sovetskim tjazhjolym tankam [Chief of Soviet Heavy Tanks]. URL: <https://dzen.ru/a/X85a18ngNHQ06XB6> (data obrashhenija: 28.12.2022).
18. Pravda [Pravda]. 1946. 18 dekabnja.
19. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki (RGAE) [Russian State Archive of Economics (RSAE)]. F. 8734. Op. 6. D. 55. L. 15–18.
20. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History (RSASPH)]. F. 17. Op. 118. D. 5. L. 117–121.
21. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F. R-8300. Op. 15. D. 1071. L. 64–84.
22. GARF [SARF]. F. R-5446. Op. 50a. D. 2134. L. 145.
23. Kozlov V. Fenomen donosa [The Phenomenon of Denunciation] // *Svobodnaja mysl'*. 1998. № 4. S. 100–112.
24. Nehamkin V.A. Donos kak social'no-psihologičeskij fenomen (iz otechestvennogo opyta 1930-h godov) [Denunciation as a Socio-Psychological Phenomenon (from the Domestic Experience of the 1930s)] // *Istoričeskaja psihologija i sociologija istorii*. 2014. № 2. S. 63–79.
25. Poslednie pis'ma Stalinu. 1952–1953 gg. Rekonstrukcija do-kumental'nogo kompleksa [The Last Letters to Stalin. 1952–1953 Biennium. Reconstruction of Documentary Complex]. M., 2015. 541 s.
26. RGASPI [RSASPH]. F. 558. Op. 11. D. 866. L. 81.
27. RGASPI [RSASPH]. F. 558. Op. 11. D. 876. L. 15, 55.
28. RGASPI [RSASPH]. F. 558. Op. 11. D. 877. L. 3.
29. Svin'in V. F. Geologi v atomnom proekte SSSR. Ch. 2. 1946–1953 [Geologists in the USSR Atomic Project. Pt 2. 1946–1953] // *Geologija i mineral'no-syr'evye resursy Sibiri*. 2010. № 2. S. 78–90.
30. RGASPI [RSASPH]. F. 17. Op. 116. D. 442. L. 57.
31. RGASPI [RSASPH]. F. 17. Op. 116. D. 507. L. 20–21.
32. RGAI [RSAE]. F. 8734. Op. 6. D. 513. L. 262–272.
33. RGAI [RSAE]. F. 8734. Op. 6. D. 721. L. 37–43.
34. RGASPI [RSASPH]. F. 17. Op. 118. D. 448. L. 133.
35. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejšej istorii (RGANI) [Russian State Archive of Contemporary History (RSACH)]. F. 3. Op. 46. D. 403–405.
36. Zelenov M.V., Pivovarov N.Ju. Apparat CK VKP(b): struktura, funkcii, kadry. 10 ijulja 1948 – 5 oktjabnja 1952 [Apparatus of the Central Committee of the AUCP(b): structure, functions, personnel. July 10, 1948 – October 5, 1952]: spravochnik. M.; SPb., 2020. 776 s.
37. RGASPI [RSASPH]. F. 17. Op. 116. D. 285. L. 5–11.
38. RGASPI [RSASPH]. F. 17. Op. 116. D. 684. L. 2–4.

39. Atomnyj proekt SSSR: dokumenty i materialy. T. 2. Atomnaja bomba. 1945–1954. Kn. 3 [The Soviet Atomic Project: Documents and Materials. Vol. 2. Atomic Bomb 1945–1954. Book 3]. M., 2002. 893 s.
40. Podrepyj E.I. Razvitie otechestvennogo samoletostroenija v uslovijah «holodnoj vojny» (1946–1959 gg.): na materialah serijnyh zavodov Evropejskoj chasti SSSR : dis. ... d-ra ist. nauk [The Development of Domestic Aircraft Industry in the Conditions of the Cold War (1946–1959): Based on the Materials of Serial Plants of the European Part of the USSR]. Nizhniy Novgorod, 2013. 391 s.
41. CK VKP(b) i regional'nye partijnye komitety, 1945–1953 [Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and Regional Party Committees, 1945–1953]. M., 2004. 494 s.
42. Pavlov K.S. Social'nyj oblik direktorskogo korpusa sovetskih metallurgicheskikh zavodov v 1930–1940-e gg.: na materialah Cheljabinskoj oblasti [The Social Image of the Director's Corps of Soviet Metallurgical Plants in the 1930s and 1940s: Based on Materials of the Chelyabinsk Region] : dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2010. 195 s.
43. RGAJ [RSAE]. F. 8734. Op. 6. D. 129. L. 116–135.
44. RGAJ [RSAE]. F. 8734. Op. 6. D. 466. L. 11–12, 36–37.
45. RGAJ [RSAE]. F. 8734. Op. 6. D. 756. L. 7–10, 36–37.
46. RGAJ [RSAE]. F. 8734. Op. 6. D. 1072. L. 9–13.
47. RGASPI [RSASPH]. F. 17. Op. 118. D. 596. L. 131–136.
48. RGASPI [RSASPH]. F. 17. Op. 118. D. 705. L. 1–11.
49. RGASPI [RSASPH]. F. 17. Op. 118. D. 744. L. 176–177.
50. Ob'edinennyj gosudarstvennyj arhiv Cheljabinskoj oblasti (OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk region (USACR)]. F. P-288. Op. 13. D. 164. L. 11.

Aleksei N. Fedorov – Cand. Sc. (History), Associate Professor of Department of Theory and History of State and Law, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk), e-mail: fedorov.a.n@csu.ru

Received December 30, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Федоров, А. Н. Причины отставки директора Челябинского Кировского завода И. М. Зальцмана в 1949 г. / А. Н. Федоров // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 72–81. DOI: 10.14529/ssh230209

FOR CITATION

Fedorov A. N. Reasons for Resignation of the Chelyabinsk Kirov Plant Director I. M. Zaltsman in 1949. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 72–81. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230209

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОЛОВНИЦКИЙ. ТВОРЧЕСКИЙ ПОИСК В СТАНКОВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СКУЛЬПТОРА

И. В. Царинный

*Сибирский государственный институт искусств имени Д. Хворостовского,
г. Красноярск, Российская Федерация*

Статья посвящена анализу формально-стилистических особенностей станковых произведений народного художника РФ, академика Льва Николаевича Головницкого (1929–1994). Исследование стилистических особенностей позволило сделать вывод о разноплановости композиционно-дарования скульптора, отраженного в станковом жанре. В этой области не существовало политической и идеологической ангажированности, что позволило экспериментировать с формой и пластикой. Отмечен постоянный круг тем, свойственный мастеру, – это большие человеческие и гражданские темы, темы подвига и героических событий своего времени. В качестве материала для анализа были исследованы станковые произведения, хранящиеся в музейных собраниях России. Впервые вводятся в научный оборот фотографии несохранившихся станковых произведений скульптора. Редкие кадры подтверждают широту познаний скульптора в области формообразования и стилистически близки к модернистским поискам. Комплексные методы исследования позволили определить, что скульптор активно использовал графические приемы, методы стилизации, обобщения и внутрикомпозиционных ритмических построений. В статье подчеркивается важность исследования графических листов мастера наряду со скульптурой, так как многие графические и ритмические находки отразились в пластике. Отдельного внимания заслуживает педагогическая деятельность Л. Н. Головницкого, воспитавшего известного бурятского скульптора Д. Б. Намдакна на основе собственных уникальных принципов подхода к композиции.

Ключевые слова: Л. Н. Головницкий, станковая скульптура, российская скульптура, композиция в скульптуре, формальный поиск, специфика пластического языка.

Введение

Знаковые монументальные работы народного художника РФ Л. Н. Головницкого широко известны за пределами Урала, образы, созданные скульптором, ассоциируются с боевыми и трудовыми подвигами народа. Со временем художественная правдивость монументальных работ мастера не только не теряет своей убедительности, но в контексте современности звучит более пронзительно [1, с. 10].

Станковые произведения мастера малоизвестны или неизвестны вовсе. Ряд значимых вещей хранится в музейных собраниях государственного Русского музея, Челябинского областного музея изобразительных искусств, Курганского областного художественного музея им. Г. А. Травникова, музея современного искусства Москвы, музея Русского Севера в Архангельске, а также в коллекции отделения Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской Академии художеств в Красноярске (где Л. Н. Головницкий был академиком-секретарем отделения с 1987 по 1992 гг. – *И. Ц.*) Известны не более двух десятков станковых произведений, объединенных в циклы: «Гимн борцам», «Мой век», «Уральцы», «Рим – вечный город».

Отдельного внимания заслуживают сохранившиеся уникальные кадры станковых работ в мастерской скульптора в Челябинске, сделанные

фотохудожником В. В. Белковским, ранее не опубликованные. Именно эти снимки расширяют представление о формальных поисках и стилистическом развитии станкового жанра мастера.

Творческим девизом мастера стали слова, сказанные им самим: «...стремлюсь делать то, что люблю, а не только то, что могу. Отсюда постоянный поиск именно своего, мне близкого, как в области идей, так и в области форм, их выражающих» [2–5].

Целью данной статьи является анализ формообразования станковых произведений Л. Головницкого. В ходе исследования обозначается следующее утверждение: в сути творческого подхода мастера – интерес к большим гражданским темам, при образном раскрытии их формально-стилистически скульптор был совершенно свободен. Для мастера не существовало стилистических рамок, шаблонных приемов формообразования.

Обзор литературы

Ценным источником биографических сведений, воспоминаний и прямой речи скульптора является книга-мемуары близкого друга Л. Н. Головницкого, книгоиздателя А. А. Золотова. Ряд южноуральских исследователей (Г. С. Трифонова [6], Е. М. Устьянцева [7]) свои статьи посвящают общему анализу творчества, рассматривается челябинский период творчества (1955–1987), особен-

ности личностного восприятия, отражения исторических событий. Существует группа публицистических статей и очерков уральских авторов (Л. Виноградова, Г. Дмитриин, Н. Воронов, А. Зуевский, В. Борохов, Л. Леонов, О. Кудзоев), повествующих об этапах создания тех или иных монументов в Челябинске и Магнитогорске.

Наиболее ценными можно считать выступления Л. Н. Головницкого в печати, статьи «Великая сила искусства» («Челябинский рабочий», 27 февраля, 1966), «К вершинам мастерства» («Вечерний Челябинск», 3 ноября, 1969) и «Память» («Юный художник», № 10, 1982).

В 1960 г. в Ленинграде издается буклет «Орленок», а в 1978 г. в Челябинске биобиблиографический указатель работ. Фотограф В. В. Белковский при жизни мастера замыслил издать фотоальбом «Век Льва Головницкого», но по воспоминаниям А. Золотова, скульптору не понравился отбор работ, где ведущее место заняли эскизы и станковые произведения, а важнейшие монументальные работы не присутствовали вовсе [8, с. 123].

О стилистических и композиционных особенностях монументальных работ мастера говорится в статье «Герой своего времени. Творческий портрет народного художника Российской Федерации Л. Н. Головницкого» Е. М. Устьянцевой («Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока» № 4 (13), где также особо отмечается уникальность для исследования графических серий мастера.

Педагогическому наследию мастера посвящена статья М. В. Москалюк «Становление бронзовых мифов. Красноярский период творчества Даши Намдакова», в которой раскрывается, как в результате профессионального обучения композиционные, пластические и образные приемы, связанные с академической школой, легли в основу творческого педагогического метода Головницкого [15, с. 494].

Методы исследования

В процессе исследования был использован комплекс структурно-описательного и аналитического подходов. В процессе обработки визуального материала, в качестве которого прежде всего выступили редкие снимки неизвестных композиций Л. Н. Головницкого, был применен формально-стилистический метод, который позволил осмыслить роль и место этих композиций в структуре станкового творчества мастера.

Результаты и дискуссия

Л. Н. Головницкий, автор монументов «Орленок» (архитектор Е. В. Александров, 1958), «Добровольцам-танкистам» в Челябинске (1975), «Память» (в соавторстве с Э. Э. Головницкой, архитекторы Ю. П. Данилов, И. В. Талалай, 1975), «Тыл и фронт» в Магнитогорске (архитектор Я. Б. Белопольский, 1979), прибыл в Красноярск известным мастером [8, с. 33]. Его стилевые предпочтения

и философские взгляды целиком и полностью сформировались на Урале.

Исследователь творчества скульптора Е. М. Устьянцева высказывает мнение, что «...советский этикет монументального искусства обязывал к незыблемым определенным темам», а Лев Николаевич «...в силу своих идейных, творческих убеждений, в силу личностного представительства в официальных кругах от искусства, по инерции остается уже заложником программного идеологического подхода в создании и реализации художественных образов» [7, с. 143]. С этой точкой зрения сложно согласиться в силу нескольких факторов.

Во-первых, стилистическое решение известных станковых произведений Головницкого отличается от его монументальных проектов прежде всего обращенностью к зрителю. Станковые произведения обращаются к микромиру, разговаривают адресно со зрителем. Весь цикл «Межи перепашаны» о судьбе человека, испытаниях в трудные годы.

Во-вторых, новооткрытые работы говорят о знакомстве мастера с западноевропейской скульптурой, достижениями Сезанна и абстракционистов. При этом это ложилось в творчестве скульптора на смысловую содержательность тех тем, что волновали его самого.

Еще один аспект говорит о творческой свободе мастера, известной музейным специалистам, близким ему людям. Это его графические серии («Рим – вечный город», религиозный цикл), дружеские рисованные письма и автошаржи. Графика была полем эксперимента, которая редко выносилась на суд зрителя. А зачастую находки в области графики Головницкого, стилистические решения и графические приемы можно отнести к области модернистских поисков.

А кроме того, свобода и ироничность его графики не оставляют сомнений в том, что мастер всегда осознанно избирал художественный язык и средства выразительности. Ряд магистральных тем, обозначенных еще в юности, исследуется им на протяжении жизни.

Отметим, что станковые работы «Павка Корчагин», триптих «Мой век», «Межи перепашаны» и «Гимн борцам» – ступени, или главы одной скульптурной повести, протяженной во времени, где содержательный посыл и тематика близко перекликаются с монументальным творчеством скульптора.

Рассмотрим раннюю работу «Межи перепашаны. 1929 год» (254x160x168, гипс, 1959), которую Е. М. Устьянцева по духу гражданственности и накалу социальной проблематики соотносит с работами Ф. Фивейского «Сильнее смерти» и «Коммунисты» Г. Коржева. В центральной фигуре рабочего заключена основная идея гражданственности, а вся драматургия сюжета решена за счет монументальности и архитектурности фигур, взаи-

модействия масс. Пластическая подвижность лепки во взаимодействии с изобразительными деталями (ровно как в работе «Павка Корчагин» (118x87x50, гипс, 1955)) рождает сюжетную литературность. Как отмечается, подобный подход к формообразованию в скульптуре помогает создать правдивый реалистический образ, рассчитанный на восприятие человеком из народа, что типично для искусства соцреализма [7, с. 142].

Станковое творчество Головницкого – это продолжение больших тем монументальной пластики. Серии «Мой век» и «Гимн борцам» о выдающихся героях Гражданской войны в России, революционерах и героях Великой Отечественной войны. Для этих работ характерна сложность силуэта («Коммунист», «Красный и белый», «Флаг на башне»), многоплановость в решении многофигурных композиций. Использование графики при обобщенности силуэта – следствие постоянного рисования. Это отличительная черта выдающихся скульпторов-рисовальщиков (А. Т. Матвеев, В. Е. Цигаль, М. К. Аникушин). Графичность, ломаность силуэтов из графической серии «Рим – вечный город» переходит в скульптурные этюды «Монашки» (44x21x28, гипс, 1962) и «О, небо!» (гипс, 1961).

Отдельного внимания заслуживает чередование ритма и пауз в композиционном построении фигур и моделировке складок. Игра ритмов присутствует в той или иной мере в каждой фигуре цикла «Мой век». Если в ранних работах «Павка Корчагин» (118x87x50, гипс, 1955), «Орленок» (219x60x50, гипс, 1957) ритм больше выражен в разнице фактур и сложности силуэтов, то в станковых вещах 1960–1980-х этот прием становится более ясным в построении ритмов складок и масс элементов. Например, в рельефной композиции «Красный и белый» (173x174x48, дерево, гипс, 1985) ритмический рисунок складок одежды и драпировок окружения создает напряженное динамическое пространство, присутствует разнонаправленность и разномасштабность линий складок. На первый план выходит символическое звучание разломанного хлеба. Также можно проследить уже привычные методы геометризации и недосказанности в трактовке портретов.

Многие творческие эксперименты и поиски Головницкого по многим причинам оставались в мастерской, а сейчас сохранились только на фотоснимках и негативах. В рамках магистральной стилистической линии Льву Николаевичу было тесно. В работах «неизвестного Головницкого» для усиления образности активно используется стилизация, приемы обобщения, условные обрезы и графика («Распятие»), абстрактные методы («Икар») (рис. 1).

Неизвестные работы дают представление о том, что для решения конкретной композиции избирается не универсальное, а уникальное композиционное решение и стилистический подход. Остается неизменным гуманистический подход, ан-

тропоцентричность искусства Головницкого. О широком спектре образной составляющей творческого поиска говорит разнообразие трактовок: героические образы сменяют лиричные, рядом с идеализированными героями присутствуют иронические. Так, можно наблюдать плакатные решения в композиции «Октябрь» (70x70x70, гипс, 1969) – апофеоз единства народных масс, сплоченных идеологией под лозунгом «Вся власть Советам!», и теплый лиричный образ «Рабочий с книгой» (47x60x50, гипс, 1975) – наблюдение из жизни, обобщенно-цельная жанровая композиция.

Широту взглядов, погруженность в мир живых образов Лев Николаевич передавал ученикам в Красноярске, которых, к сожалению, в силу жизненных обстоятельств, было немного. На короткое время он становится наставником Д. Б. Намдакова. Ныне всемирно известный скульптор отмечает весомый вклад мастера в свое становление как художника. Скульпторы Сибири, окончившие художественный институт в 1990-х, говорят о Головницком как о фигуре яркой и артистичной, при этом строгом учителе. Творческого наследия в Красноярске он не оставил, за исключением нескольких повторов станковых работ («Монашки» 1962, «Пробуждение» 1969) прошлых лет в фондах Художественного музея имени В. И. Сурикова и Отделения Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской Академии художеств.

Влияние творческого подхода Головницкого в преподавательской работе кафедры скульптура Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского значимо до сих пор, особенно в стремлении осмыслить методику преподавания в решении композиционных задач. Он заметно расширил спектр приемов и подходов в образной составляющей композиции. Его биограф и друг А. А. Золотов отмечал: «Скульптор Головницкий на протяжении всего творчества оставался верным своему принципу: образы наполнены психологическим смыслом, всегда на острие борьбы» [8, с. 12].

Выводы

Неизвестные станковые композиции Л. Н. Головницкого органично включаются в магистральную линию творчества мастера, где важнейшее место занимают темы Гражданской войны, индустриализации и трудовых подвигов, борьбы человека за свободу. Стилистически мастер тяготел к формальной свободе, неслучайно Льва Николаевича считает своим наставником известный скульптор Д. Б. Намдаков, чей постоянно развивающийся художественный язык сформирован педагогической практикой учителя.

Нужно отметить, что в графические листы серии «Рим – вечный город» проникает ироничное звучание, свойственное автошаржам автора, присутствует чуткая наблюдательность и юмор. Листы «Все дороги ведут в Рим», «Что греха таить»,

«Исповедь» – наполняются современным ироничным контекстом. Графические приемы приближаются к знаковому звучанию, при этом апеллируют к индивидуальному, предлагают решения через образ-символ аллегорического звучания.

Исследователи творчества Головницкого отмечают эстетичность, культуру подачи, логичность используемых художественных приемов, раскрывающих идею автора, подвижность и гибкость его сложившейся системы художественного мышления [11].

Искусство скульптора выходит за пределы регионального значения. Образы, показательные в своей художественной проблематике, входят в ряды выдающихся произведений советского искусства второй половины 1950–1980-х годов. В общественно важном монументальном творчестве скульптор сохраняет героический пафос, историческую подлинность, здесь индивидуальное уступает общечеловеческому. Его образы – образы трагические и героические, композиционно не имеющие аналогов, решенные по законам монументального искусства.

В станковом творчестве отсутствие идеологического компонента снимает потребность соответствовать официальным запросам. В композиции «Икар» скульптор использует абстрактный язык, для композиции с мужской и женской фигурой –

прием стилизации, что свойственно его графическим листам.

Массив станковых произведений 1960-х – второй половины 1980-х характеризуется серийностью мышления, законченностью образов. Станковое творчество не было центральной линией творчества мастера, однако именно в нем для исследователя раскрываются те грани уникального художественного почерка скульптора, которые проявятся в монументальной пластике не могут.

Отметим, что циклы работ «Уральцы» (1974), «Мой век» (1985) в своей структуре несут расширение темы. Головницкий, как человек своего времени, придерживался методов социалистического реализма в монументальной скульптуре – показать советскую действительность в ее революционном развитии. Поэтому эти циклы развивались во временной, сюжетной и психологической драматургии, яркость и значительность достижений мастера в данной области безусловна. При этом станковое творчество скульптора развивалось независимо от идеологии, 1960-е годы, озаменованные путешествиями за границу, дали выход тонким, ироническим сюжетным композициям, а фотографии из мастерской говорят о большой свободе формального выражения художественного языка.

Рис. 1. Л. Н. Головницкий. Икар. Глина, размеры неизв.
Фото В. Белковского. Публикуется впервые
Fig. 1. L. N. Golovitsky. Icarus. Clay, dimensions are unknown.
Photo by V. Belkovsky. Published for the first time

Рис. 2. Л. Н. Головницкий. Мужская и женская фигуры.
Глина, размеры неизв. Фото В. Белковского.
Публикуется впервые
Fig. 2. L. N. Golovitsky. Male and female figures. Clay,
dimensions are unknown. Photo by V. Belkovsky. Published
for the first time

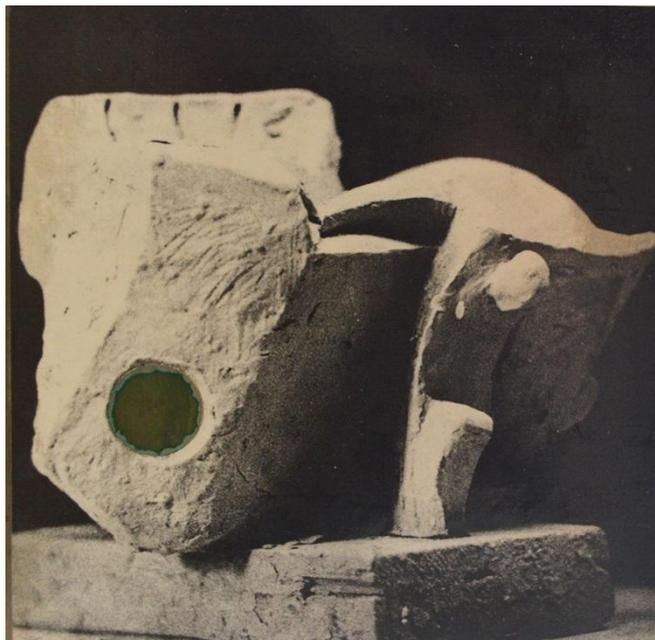

Рис. 3. Л. Н. Головницкий. Абстрактная композиция. Гипс, размеры неизв.
Фото В. Белковского. Публикуется впервые
Fig. 3. L. N. Golovitskiy. Abstract composition. Gypsum,
dimensions are unknown. Photo by V. Belkovsky. Published
for the first time

Рис. 4. В мастерской Л. Н. Головницкого. Фото В. Белковского
Fig. 4. In the workshop of L. N. Golovitskiy. Photo by V. Belkovsky

Литература

1. Александров, Е. В. Проблемы синтеза скульптуры на примере Челябинска / Е. В. Александров // Челябинская область. Архитектура. Строительство. – 2004. – № 4. – С. 10–11.

2. Головницкий, Л. Н. Речь на IV пленуме правления СХ РСФСР / Л. Н. Головницкий // Художник. – 1971. – № 5. – С. 27.

3. Головницкий, Л. Н. Гимн борцам / Л. Н. Головницкий // Художник. – 1970. – № 11. – С. 15–18.

4. Головницкий, Л. Н. Идеиная активность творца / Л. Н. Головницкий // Художник. – 1968. – № 6. – С. 1–2.

5. Головницкий, Лев Николаевич: личное дело за февраль 1959 – декабрь 1988 года // Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. П. 288. – Оп. 189. – Д. 1954.

6. Трифонова, Г. С. Головницкая Эрика Эмильевна, скульптор (85 лет со дня рождения) / Г. С. Трифонова // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2016. – Челябинск : Челябинская областная универсальная научная библиотека, 2015. – С. 146–149.

7. Устьянцева, Е. М. Герой своего времени. Творческий портрет народного художника Российской Федерации Л. Н. Головницкого / Е. М. Устьянцева // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. – 2022. – № 4 (13). – С. 136–145.

8. Золотов, А. Причастность. Скульптор Лев Головницкий / А. Золотов. – Челябинск : Автограф, 2008. – 201 с.

9. Moskaljuk, M. V. Bronze Myths Formation. Krasnoyarsk Period of Dashi Namdakov's Creative Path / M. V. Moskaljuk // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2022. – Vol. 15, № 4. – P. 494–502.

10. Москалюк, М. В. Первые академики Крас-

нояря – Борис Рязузов, Лев Головницкий, Юрий Ишханов / М. В. Москалюк // Российская академия художеств и художественная культура Урала, Сибири и Дальнего Востока : материалы межрегиональной (с международным участием) научно-практической конференции. – Барнаул : Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, 2017. – С. 31–36.

11. Рохацевич, Е. Взлети выше солнца! / Е. Рохацевич // Из истории Челябинской областной комсомольской организации, к столетию ВЛКСМ: сайт. – URL: <https://komsomol74.ru/2018/08/24/vzleti-vyshe-solnca> (дата обращения: 14.07.2022).

12. Кудзоев, О. А. Головницкая Эрика Эмильевна / О. А. Кудзоев // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. ; редкол. : К. Н. Бочкарев (гл. ред.) [и др.]. – Челябинск : Каменный пояс, 2008. – Т. 1. – С. 883.

13. Нейман, М. О скульптуре / М. Нейман // Творчество. – 1936. – № 2. – С. 18.

14. Царинный, И. В. Красноярская школа скульптуры: к истории становления / И. В. Царинный // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. – 2022. – № 3 (12). – С. 78–85.

15. Яблонская, М. Проблемы повествовательности в современной станковой скульптуре / М. Яблонская // Советская скульптура-8. – М., 1984. – С. 116–133.

Царинный Илья Васильевич – аспирант кафедры социально-гуманитарных наук и истории искусств, преподаватель кафедры «Скульптура», Сибирский государственный институт искусств им. Д. Хворостовского (Красноярск), e-mail: ilya@tsarinniy.ru. ORCID 0000-0002-7649-3564

Поступила в редакцию 22 февраля 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230210

CREATIVE PURSUITS IN THE SCULPTURES OF LEV GOLOVNITSKIY

I. V. Tsarinniy

D. Khvorostovskiy Siberian State Academy of Arts, Krasnoyarsk, Russian Federation

The article analyzes the formal stylistic characteristics of the easel works of the National Artist of the Russian Federation, academic, Lev Nikolavich Golovnitkiy (1929–1994). Our study allowed us to identify the variations in the sculptor's compositional genius reflected in the easel art genre. This field was not subject to political and ideological biases, allowing artists to experiment with form and sculpture. We noted a constant cycle of themes characteristic of Golovnitkiy: vast human and civilian themes, heroic deeds and events of the time. We analyzed easel works stored in Russian museum collections. Photographs of Golovnitkiy's unpreserved easel works are introduced into the literature for the first time. These rare images confirm the breadth of the sculptor's knowledge in creating forms and are close, stylistically, to the modernist pursuits. Complex methods of analysis allowed us to determine that Golovnitkiy actively used graphic techniques and methods of styling, generalization, and intercompositional rhythmic constructions. The article stresses the importance of studying the artist's sketches alongside his sculptures, as many graphic and rhythmic findings are reflected in the plastic medium. Special

attention is paid L.N. Golovnitsky's work as a mentor, having trained well-known Buryat sculptor, B.D. Namdakov, using his own unique approaches to compositions.

Keywords: L. N. Golovnitskiy, easel sculpture, Russian sculpture, sculpture composition, formal quest, plastic language.

References

1. Alexandrov E.V. Problemy' sinteza skul'ptury' na primere Chelyabinska [Problems of the Synthesizing Sculpture: Examples from Chelyabinsk] // *Chelyabinsk region. Architecture. Construction*. 2004. № 4. S. 10–11.
2. Golovnitsky L. N. Rech' na IV plenumе pravleniya SX RSFSR [The Speech at the 4th Plenary of the Board of the RSFSR] // *Hudozhnik*. 1971. № 5. S. 27.
3. Golovnitsky L.N. Idejnaya aktivnost' tvorca [Ideological Activity of an Artist] // *Hudozhnik*. 1970. № 11. S. 15–18.
4. Golovnitsky L. N. Gimn borczam [A Hymn to Fighters] // *Hudozhnik*. 1968. № 6. S. 1–2.
5. Golovniczkij Lev Nikolaevich: lichnoe delo za fevral' 1959 – dekabr' 1988 goda [Golovnitskiy Lev Nikolaevich: Personal File from February 1959 – December 1988] // *Ob"edinenny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO)*. F. P. 288. Op. 189. D. 1954.
6. Trifonova G.S., Golovnitskaya Enrika Emil'evna, skul'ptor (85 let so dnya rozhdeniya) [Golovnitskaya Enrika Emil'evna (85 Years since Birth)] // *Kalendar' znamenatel'nikh i pamyatnikh dat. Chelyabinskaya oblast'*. 2016. S. 146–149.
7. Ustyantseva E.M., Geroy svoego vremeni. Tvorcheskij portret narodnogo hudoznika Rossiyskoy Federazii L.N. Golovnitskogo [A Hero of His Time. Creative Portrait of the People's Artist of the Russian Federation, L. N. Golovnitsky] // *Isobrazitel'noe iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka*. 2022. № 4 (13). S. 136–145.
8. Zolotov A. Prichastnost'. Skul'ptor Lev Golovniczkij [Involvement. Sculptor Lev Golovnitsky]. Chelyabinsk: Avto Graf, 2008. 201 s.
9. Moskalyuk M.V. Bronze Myths Formation. Krasnoyarsk Period of Dashi Namdakov's Creative Journey // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 15, № 4. P. 494–502.
10. Moskalyuk M.V. Pervye akademiki Krasnoyarsk – Boris Ryauzov, Lev Golovnitskiy, Yuriy Ishkhanov [The First Academicians of Krasnoyarsk – Boris Ryauzov, Lev Golovnitskiy, Yuriy Ishkhanov] // *Rossiyskaya akademiya khudozhestv i khudozhestvennaya kul'tura Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka: materialy mezhdunarodnym uchastiem* (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferentsii. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy tekhnicheskij universitet im. I.I. Polzunova, 2017. S. 31–36.
11. Rohacevic E. Vzleti vishe solnca! [Fly up above the Sun!] // *From the history of the Chelyabinsk Regional Komsomol Organization, to 100th anniversary of Komsomol*. URL: <https://komsomol74.ru/2018/08/24/vzleti-vyshe-solnca> (data obrashcheniya: 14.07.2022).
12. Kudzoev O.A. Golovnitskaya Enrika Emil'evna [Golovnitskaya Enrika Emilyevna] // *Chelyabinskaya oblast': entsiklopediya: v 7 t.; redkol.: K.N. Bochkarev (gl. red.) [i dr.]*. Chelyabinsk: Kamennyy poyas, 2008. T. 1. S. 883.
13. Neumann M. O skul'pture [About Sculpture] // *Tvorchestvo*. 1936. № 2. S. 18.
14. Tsarinny I.V., Krasnoyarskaya shkola skulpturi: k istorii stanovleniya [Krasnoyarsk School of Sculpture: towards the History of Formation] // *Isobrazitel'noe iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka*. 2022. № 3 (12). S. 78–85.
15. Yablonskaya M., Problemi povestvovatel'nosti v sovremennoii stankovoi skulpture [Problems of Narrative in Modern Easel Sculpture] // *Sovetskaya skulptura*. 1984. № 8. S. 116–133.

Илья В. Царинный – Postgraduate Student of Department of Social Sciences, Humanities, and Art History, Lecturer of Department of Sculpture, D. Khvorostovskiy Siberian State Academy of Arts (Krasnoyarsk), e-mail: ilya@tsarinny.ru

Received February 22, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Царинный, И. В. Известный Головницкий. Творческий поиск в станковых произведениях скульптора / И. В. Царинный // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 82–88. DOI: 10.14529/ssh230210

FOR CITATION

Tsarinny I. V. Creative Pursuits in the Sculptures of Lev Golovnitskiy. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 82–88. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230210

РАЗВИТИЕ СТАРОПЕЧАТНОГО СТИЛЯ УКРАШЕНИЯ РУКОПИСНОЙ КНИГИ XVI–XVII ВВ. ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖНИКОВ- ЗНАМЕНЩИКОВ БРАТЬЕВ БАСОВЫХ

Е. С. Шерстобитова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Статья представляет собой обобщение опыта исследования, посвященного орнаментальному творчеству выдающихся древнерусских мастеров рукописной книги XVI–XVII вв. художников-знаменщиков братьев Стефана, Федора и Гаврилы Басовых. Их искусство оформления книг (прежде всего богослужбных) стало ярким примером того, как происходило развитие одного из явлений средневековой русской культуры – старопечатного стиля в книжной орнаментике. Изучение заставок, исполненных братьями Басовыми в рукописях, с помощью элементарно-структурного метода показало, как была важна для древнерусского художника-знаменщика работа с образцами. В статье отмечается, что примерами для подражания становились выдающиеся работы не только древнерусского искусства (заставки первопечатных московских книг), но и отдельные элементы европейской гравюры (Израэля ван Мекенема, Альбрехта Дюрера). В процессе профессионального роста Басовы, продолжая ориентироваться на сложившиеся традиции старопечатного стиля, развивали его, обогащая новыми образами и художественными приемами. В творчестве этих мастеров отражено копирование образцов (композиционного решения или отдельных элементов), а также их переосмысление и создание уникальных (авторских) вариантов орнаментики. Отмечается, что благодаря совершенствованию творчества искусство самих братьев стало образцом.

Ключевые слова: древнерусские рукописные книги, Стефан, Федор и Гаврила Басовы, художники-знаменщики, старопечатный стиль в книжной орнаментике.

Введение

Рукописная книга в христианской Руси ценилась высоко, что объясняется прежде всего необходимостью ее применения в богослужениях. С зарождением в XVI в. книгопечатания значение рукописных книг не было снижено – они по-прежнему были востребованы и широко распространены. Целью настоящей публикации является обобщение опыта исследования орнаментального творчества выдающихся древнерусских мастеров рукописной книги XVI–XVII вв. художников-знаменщиков братьев Стефана, Федора и Гаврилы Басовых.

Обзор литературы

В XVI в. рукописная книга и ее художественное оформление пережили «интереснейший перелом» [1, с. 53], который всесторонне изучался учеными-книговедами, историками, искусствоведами и др. Ведущими отечественными исследователями – А. И. Некрасовым [2, 3], И. В. Новосадским [4], Е. Л. Немировским [5–6], Т. В. Диановой [7], А. А. Сидоровым [1, 8–11], А. С. Зерновой [12–13], О. Р. Хромовым [14–15] и др. были обозначены и изучены многие актуальные проблемы развития первых этапов книгопечатания, в том числе вопросы декоративного оформления. В ряде научных работ, посвященных взаимоотношениям первопечатных и рукописных книг XVI–XVII вв., данный вопрос широко освещался на примере возникшего и впоследствии распространившегося старопечатного стиля орнаментики. Е. В. Зацепиной [16],

Н. П. Киселевым [17] и др. были рассмотрены особенности декорирования рукописей.

Методы исследования

Ведущим методом нашего исследования стал элементарно-структурный [подробнее о методе см.: 18]. Нами были составлены сравнительные таблицы, позволившие сделать вывод о том, что древнерусские художники-знаменщики, оформлявшие книги орнаментами в XVI–XVII вв., обращались к образцам, которые ими копировались полностью или фрагментарно, а также видоизменялись. Однако были выявлены примеры украшений, для которых на данном этапе исследования образцы не обнаружены, что позволяет предположить, что выдающиеся мастера развивали старопечатный стиль, создавая авторское искусство в рамках господствующих традиций.

Результаты и дискуссия

Науке известны имена мастеров, занимающихся украшением рукописных книг: Константин Базыкин, Василий Козлов, писцы Григорий Базыкин, Константин Тихой, иноки Арсений Селижаровец, Исаак Собака и др. Среди художников-знаменщиков орнаментики рукописной книги XVI–XVII вв. особое место в искусстве оформления книги занимает деятельность братьев Стефана, Федора и Гаврилы (по прозвищу Иван) Басовых. Творчество мастеров, подробно рассмотренное Т. В. Анисимовой [19–20], Н. П. Парфентьевым [21–22], Е. С. Шерстобитовой [23] и др., совпало с расцветом старопечатного стиля, в создании которого между художниками-знаменщиками печат-

ных и рукописных книг отмечено активное творческое взаимовлияние. В результате возникшего взаимообмена художественная орнаментика обогатилась новой образностью (так, например, помимо изображений извилистых листьев, напоминающих акант, мотивов дуба или чертополоха, появились варианты фантастических плодов) и художественными приемами (прежде всего подражание в рукописных украшениях гравированным через черно-белый цвет и манеру штриховки).

Традиция заимствования была распространена в Средневековье и в странах Европы, и в Московской Руси. Опыт обращения к рукописным орнаментальным образцам, отличающимся высоким мастерством, отражен в творчестве первых московских печатников. Аналогично в дальнейшем при создании украшений рукописей мастера также обращались к печатным изданиям. Важным источником для подражания стал западноевропейский образец – гравированный «Большой прописной алфавит» вестфальского мастера Израэля ван Мекенема Младшего.

В ходе изучения особенностей рукописного орнаментального искусства Стефана, Федора и Гаврилы Басовых нами были выявлены предполагаемые образцы для исполненных ими орнаментальных украшений. На основании проведенного исследования с помощью элементно-структурного метода мы сделали вывод о том, что братья Басовы преимущественно в своем творчестве обращались к украшениям московских первопечатных книг. Если в начале их совместного творческого пути образцы были общие (орнаментика «Апостола» Ивана Федора и Петра Мстиславца 1564 г.), то в процессе развития искусства братьев каждый из них имел в творческом арсенале свой определенный круг источников. Так, Стефан, вероятно, обращался при создании орнаментальных заставок к таким печатным книгам, как: «Миней общая» А. Т. Невежи (1600 г.), «Триодь цветная» И. А. Невежина (1604 г.) и «Устав» А. М. Радишевского (1610 г.), а также к изданиям Анонимной типографии, Н. Тарасиева, Н. Тимофеева и Н. Ф. Фофанова. Федор Басов в основном продолжал работать с «Апостолом» И. Федорова и П. Т. Мстиславца (1564 г.), орнаментика которого стала для него излюбленным образцом для подражания и переосмысления. Однако отдельные примеры украшений Федора близки к заставкам изданий Анонимной типографии, Н. Тарасиева и Н. Тимофеева, а также А. Т. Невежи. Искусство третьего брата – Гаврилы (который значительную часть творческого пути пробыв при Троице-Сергиевом монастыре и поэтому воспринял особенности рукописного оформления существовавшего при обители скриптория) – в меньшей степени было связано с традициями черно-белой орнаментики печатных книг, а отличается красочностью в исполнении. Тем не менее, композиционные решения,

мотивы и отдельные элементы заставок, созданные Гаврилой Басовым, указывают на их стилистическую связь с орнаментальными украшениями первопечатных московских книг XVI в., а также начала XVII в. и 1610–1620-х гг.

Интересно также проследить еще одну вероятную тенденцию в развитии искусства братьев Басовых (прежде всего в выполнении заставок). Возможно, Стефан, Федор и Гаврила использовали в качестве образца в оформлении рукописей отдельные компоненты орнаментальных буквиц гравированного «Большого прописного алфавита» вестфальского художника Израэля ван Мекенема Младшего. Это предположение основано на выявлении сходства некоторых элементов, исполненных братьями Басовыми, не находящих аналогий в изученных нами рукописных источниках, а также в заставках московских первопечатных изданий. Однако подобные элементы и мотивы были обнаружены нами в гравированных листах «Большого прописного алфавита», созданных Израэлем ван Мекенемом Младшим. Среди них: изображения шишек в листьях, устремленных строго вверх; расположенные вершинами вниз конические шишки с узором параллельных полос (в искусстве Стефана) и ромбическим узором (в искусстве Федора); лист, заключенный в окружность, образующую закручивающимся стеблем, и др. (табл. 1).

Другое влияние творчества Израэля ван Мекенема отметила исследователь рукописи «Стихирарь» [24], в создании которой принимал участие Федор Басов, Ф. В. Панченко. По ее мнению, форма фронтисписов-«древ» была переосмыслена из инициалов Израэля ван Мекенема Младшего [25, с. 216–217]. На оригинальность данных изображений, исполненных Федором Басовым еще в трех рукописях по заказу Строгановых («Стихирарь» [26], «Ирмолой» [27], «Книгописный подлинник» [28]), указывали Н. Г. Порфиридов [29], А. Н. Свиринов [30], Н. П. Парфентьев [22, с. 31], Г. В. Маркелов [31] и др.

Добавим также, что наше предположение о знакомстве братьев Басовых с гравюрами Израэля ван Мекенема Младшего может быть аргументировано еще и тем, что работа Стефана и Федора над книгами некоторое время совершалась в мастерской их заказчиков – промышленников Строгановых, которые владели обширнейшей библиотекой (ей посвящены многочисленные исследования, например, капитальный труд Н. А. Мудровой [32]). Несомненно, в их собрании были и зарубежные печатные издания, с которыми могли познакомиться художники. Косвенно это подтверждает исследование Н. П. Парфентьева, которым было выявлено, что изображения некоторых птиц в композиции орнаментального древа на фронтисписе «Стихираря» [26, л. 3 об.], созданных художником-знаменщиком Федором Басовым, словно подражают образам гравюры «Битва Сова с дру-

гими птицами» 1516 г. немецкого мастера Альбрехта Дюрера [33]. Это сравнение позволяет предположить, что братья Басовы могли обращаться в том числе к западноевропейским образцам.

Искусство самих братьев Басовых тоже, вероятно, становилось образцом. Так, Н. П. Парфентьевым [34] при изучении творчества Гаврилы Басова были обнаружены примеры подражания оформленным им рукописям в трех книгах первой половины XVII в. Ученый выделил такие черты искусства Гаврилы Басова, как тонкие узоры, выполненные пером и белилами на цветных сегментах, навешенные с «помпонами», рамки «из коричневатых полос, разделенных двойными черточками (иногда кружками) и напоминающими бамбуковые стебли» [34, с. 90].

Наряду с этим можно предположить, что работа Федора на Московском печатном дворе в типографии И. Невежина или А. Радишевского (или одновременно в двух) [1, с. 157–159] в апреле 1611 г. [22, с. 34], а затем в первой половине 1620-х гг. повлекла за собой заимствования в печатные книги украшений, созданных ранее мастером в рукописях. В связи с этим интересными примерами отдельных элементов рукописной орнаментики стали разнообразные изображения плодов: варианты фантастических образов гранатов, удвоенных тыкв и др.

Орнаментальное искусство Федора Басова, вероятно, имело влияние и на творчество его братьев. В рукописях, украшенных Стефаном, Федором и Гаврилой Басовыми, мы находим примеры похожих элементов, не обнаруженных нами в первопечатных московских книгах или же созданных в них, но позже, поэтому возможно, что братья Стефан и Гаврила обращались в качестве образца к более раннему творчеству Федора (табл. 2).

Изучение искусства братьев Басовых также показало, что мастера создавали изображения и

без ориентира на образцы в рамках традиции старопечатного стиля – авторские [подробнее см.: 23].

Особенно много в этом направлении работал Федор Басов. Им были не только исполнены авторские композиции заставок и их элементы, но и привнесены в старопечатный стиль нехарактерные принципы, такие как асимметрия композиционного решения и изображения зверей и птиц. Авторское орнаментальное творчество Стефана Басова основано прежде всего на комбинации лиственных мотивов и их сочетании с шишками, плодами, цветами, вазами и т. д., а искусство Гаврилы проявилось в пышном декорировании книг полихромными, часто небольшими элементами, вплетенными в лиственные узоры (табл. 3).

Выводы

Таким образом, исследование украшений старопечатного стиля рукописной книги XVI–XVII вв. мастеров Стефана, Федора и Гаврилы (Ивана) Басовых раскрывает особенности творчества средневековых художников. В первую очередь, несомненно, это обращение к образцам (для братьев – московские печатные книги и, возможно, «Большой прописной алфавит» Израэля ван Мекенема Младшего), во-вторых, их переосмысление и на основе этого развитие старопечатного стиля, а, в-третьих, создание авторских украшений. Каждый из мастеров – Стефан, Федор и Гаврила Басовы – в различной степени проявил свой талант в оформлении рукописей. Их вклад в развитие традиций старопечатного стиля заключается прежде всего в высоком профессионализме исполнения орнаментальных книжных украшений с основой на сочетании заимствованных композиций и элементов с собственными, авторскими принципами.

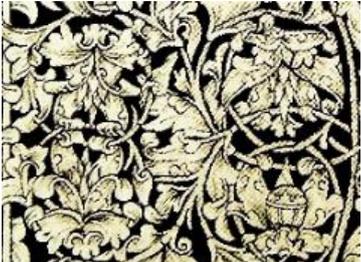
Таблица 1

Подобные элементы в творчестве Израэля ван Мекенема Младшего и братьев Басовых

Table 1

Similar elements of the art by Israel van Mekenem the Younger and the brothers Basovs

№	Большой прописной алфавит. Израэль ван Мекенем Младший. (Бохольт, к. XV в.)	Орнаментика заставок в рукописях, оформленных Стефаном, Федором и Гаврилой Басовыми
1	 <p data-bbox="427 1863 609 1890">Инициал Q. Лист 4</p>	 <p data-bbox="865 1863 1264 1935">Стефан Басов. Фрагмент заставки рукописи «Апостол Толковый» (РГБ. Ф. 98. № 574, л. 711). Начало XVII в.</p>

№	Большой прописной алфавит. Израэль ван Мекенем Младший. (Бохольт, к. XV в.)	Орнаментика заставок в рукописях, оформленных Стефаном, Федором и Гаврилой Басовыми
2	 <p data-bbox="427 589 703 613">Фрагмент инициала С. Лист 1</p>	 <p data-bbox="810 589 1406 663">Федор Басов. Фрагмент заставки рукописи «Книгописный подлинник» (Архив СПбИИ. РАН. Ф. 115. № 160, л. 5). Начало XVII в., 1604</p>
3	 <p data-bbox="427 896 703 920">Фрагмент инициала А. Лист 1</p>	 <p data-bbox="901 896 1315 969">Гаврила Басов. Фрагмент заставки рукописи «Псалтырь с воследованием и Уставом» (РГБ. Ф. 173/1. № 73, л. 234). 1620-е</p>

Заемствованные элементы в творчестве Стефана Басова

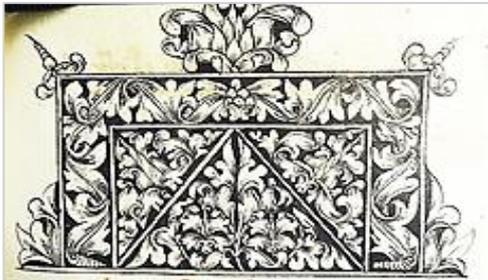
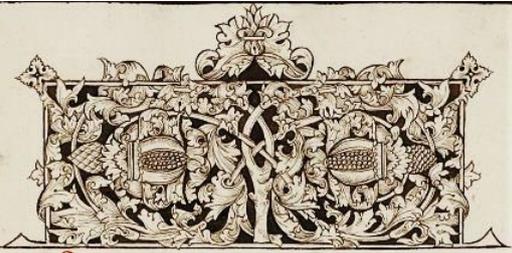
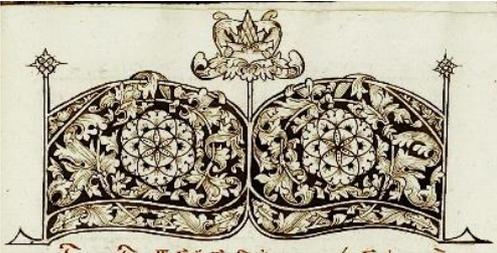
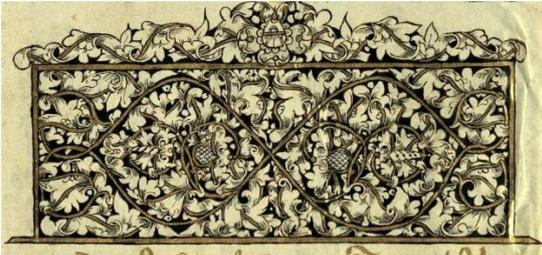
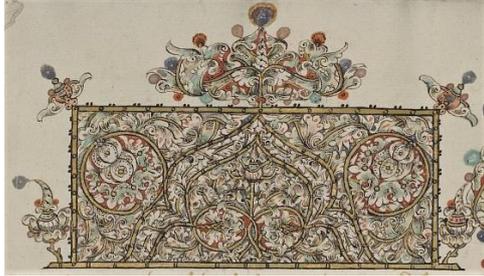
Таблица 2

Table 2

Borrowed elements of the artworks by Stefan Basov

№	Украшения первопечатных московских книг ¹	Рукописные украшения Федора Басова	Рукописные украшения Стефана Басова
1	 <p data-bbox="276 1440 608 1491">Андроник Тимофеев Невежа. Псалтырь. 1602</p>	 <p data-bbox="667 1440 1007 1514">Триоди (службы на воскресные дни) (РГБ. Ф. 98. № 1114, л. 2). Начало 1590-х</p>	 <p data-bbox="1086 1440 1369 1491">Псалтырь толковая, т. 4 (РГБ. Ф. 98. № 523, л. 1). 1602</p>
2	 <p data-bbox="276 1738 608 1789">Андроник Тимофеев Невежа. Минея общая. 1600</p>	 <p data-bbox="675 1738 999 1789">Ирмолой певческий (ГРМ. Др. Гр. № 19, л. 252). 1590-е</p>	 <p data-bbox="1098 1738 1358 1812">Апостол Толковый (РГБ. Ф. 98. № 574, л. 809). Начало XVII в.</p>

¹ Здесь и далее элементы заставок печатных книг приводятся по: [35].

 <p>Стефан Басов. Апостол Толковый (РГБ. Ф. 98. № 574, л. 337). Начало XVII в.</p>	 <p>Стефан Басов. Псалтырь толковая, т. 4. (РГБ. Ф. 98. № 523, л. 275). 1602.</p>
 <p>Федор Басов. Стихирарь певческий (РНБ. Кир.-Бел. № 586/843, л. 518). 1590-е</p>	 <p>Федор Басов. Стихирарь певческий (РНБ. Кир.-Бел. № 586/843, л. 672). 1590-е</p>
 <p>Гаврила Басов. Житие и подвиги преподобных Зосимы и Савватия соловецких (РНБ. Сол. № 175/175, л. 44). 1623</p>	 <p>Гаврила Басов. Житие и подвиги преподобных Зосимы и Савватия соловецких (РНБ. Сол. № 175/175, л. 21). 1623</p>

Литература

1. Сидоров, А. А. Древнерусская книжная гравюра / А. А. Сидоров. – М. : Изд. АН СССР, 1951. – 396 с.
2. Некрасов, А. И. Орнамент славянских печатных изданий XV–XVI вв. / А. И. Некрасов // Древности. Труды славянской комиссии Московского археологического общества. – 1911. – Т. 5. – С. 52–54.
3. Некрасов, А. И. Древнейшая русская гравюра / А. И. Некрасов // Гравюра и книга. – М. : Гос. изд-во, 1924. – Вып. 2–3. – С. 25–27.
4. Новосадский, И. В. Возникновение печатной книги в России в XVI веке / И. В. Новосадский // Иван Федоров первопечатник. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1935. – С. 27–69.
5. Немировский, Е. Л. Иван Федоров (ок. 1510–1583) / Е. Л. Немировский. – М. : Наука, 1985. – 319 с.
6. Немировский, Е. Л. Орнаментика первых

московских печатных книг / Е. Л. Немировский // Труды научно-исследовательского института полиграфического машиностроения, 1962. – Вып. 21. – С. 37–100.

7. Дианова, Т. В. Старопечатный орнамент / Т. В. Дианова // Древнерусское искусство. – М. : Наука, 1974. – С. 296–334.

8. Сидоров, А. А. Гравюра XVI в. / А. А. Сидоров // История русского искусства. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 3. – С. 610–625.

9. Сидоров, А. А. Иван Федоров художник и просветитель / А. А. Сидоров // Труды ГБЛ. – М., 1959. – Т. 3. – С. 181–188.

10. Сидоров, А. А. История оформления русской книги / А. А. Сидоров ; чл.-кор. Акад. наук СССР – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Книга, 1964. – 391 с.

11. Сидоров, А. А. Начало русского книгопечатания и Иван Федоров / А. А. Сидоров // 400 лет русского книгопечатания. – М. : Наука, 1964. – С. 33–51.

12. Зернова, А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках : сводный каталог / А. С. Зернова. – М. : ГБЛ, 1958. – 150 с.
13. Зернова, А. С. Орнаментика книг московской печати кирилловского шрифта. 1677–1750 : атлас: К 400-летию русского книгопечатания / А. С. Зернова. – М. : ГБЛ, 1963. – 166 с.
14. Хромов, О. Р. О некоторых особенностях оформления московских псалтирей XVI–XVII веков (фронтисписная гравюра) / О. Р. Хромов // История книжной культуры XV–XX веков. К 100-летию научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) РГБ. – М., 2018. – С. 83–96.
15. Хромов, О. Р. Техника изготовления и художественная форма книги на московском печатном дворе XVI–XVII вв. / О. Р. Хромов // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 21, № 4 (193). – С. 59–75.
16. Зацепина, Е. В. К вопросу о происхождении старопечатного орнамента / Е. В. Зацепина // У истоков русского книгопечатания. – М. : АН СССР, 1959. – С. 101–155.
17. Киселев, Н. П. Происхождение московского старопечатного орнамента / Н. П. Киселев // Книга. – М. 1965. – Вып. 11. – С. 167–198.
18. Парфентьев, Н. П. О структурном методе изучения произведений древнерусского искусства (из опыта исследования) / Н. П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2018. – Т. 18, № 2. – С. 73–82.
19. Анисимова, Т. В. Рукописи московских писцов братьев Басовых (80-е годы XVI – начало XVII в.) / Т. В. Анисимова // От Средневековья к Новому времени. – М., 2006. – С. 587–608.
20. Анисимова, Т. В. О новонайденных рукописях строгановских писцов братьев Басовых / Т. В. Анисимова // История библиотек. Исследования, материалы, документы : сборник научных статей. РНБ. – Вып. 8. – СПб., 2010. – С. 264–277.
21. Парфентьев, Н. П. О Строгановской мастерской книжно-рукописного искусства XVI–XVII вв. / Н. П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2008. – Вып. 10. – С. 43–62.
22. Парфентьев, Н. П. Творчество книгописцев и художников-знаменщиков братьев Басовых (1580–1630-е гг.) / Н. П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2014. – Т. 14, № 3. – С. 23–48.
23. Шерстобитова, Е. С. Искусство орнаментики художников-знаменщиков братьев Стефана, Федора и Гаврилы Басовых (последняя четверть XVI – первая треть XVII вв.) : дис. ... канд. искусствоведения / Е. С. Шерстобитова. – М., 2021. – 266 с.
24. Библиотека Российской академии наук (БРАН). Струг. № 44.
25. Панченко, Ф. В. Стихирарь конца XVI в. из собрания С. Г. Строганова / Ф. В. Панченко // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. – СПб., 2006. – С. 206–305.
26. Российская национальная библиотека (РНБ). Кир.-Бел. № 586/843.
27. Государственный российский музей (ГРМ). Др. Гр. № 19.
28. Архив СПбИИ. РАН. Ф. 115. № 160.
29. Порфиридов, Н. Г. Новые памятники древнерусского книжного орнамента / Н. Г. Порфиридов. – Л., 1947. – С. 40–42.
30. Свиринов, А. Н. Искусство книги Древней Руси XI–XVII вв. / А. Н. Свиринов. – М., 1964. – 299 с.
31. Маркелов, Г. В. Книгописный подлинник Строгановых 1604 г. / Г. В. Маркелов // ТОДРЛ. – Т. 54. – СПб., 2003. – С. 685–687.
32. Мудрова, Н. А. Библиотека Строгановых (вторая половина XVI – начало XVIII в. / Н. А. Мудрова. – Екатеринбург : УрО РАН, 2015. – 540 с.
33. Парфентьев, Н. П. Образ райского сада в книжной орнаментике художника Фёдора Басова (конец XVI – начало XVII в.) / Н. П. Парфентьев // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2019. – № 33. – С. 160–172.
34. Парфентьев, Н. П. Новые находки рукописей Гаврилы Басова (конец XVI – первая треть XVII вв.) / Н. П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 84–94.
35. Зернова, А. С. Орнаментика книг московской печати XVI–XVII веков: альбом орнаментики книг московской печати XVI–XVII веков / А. С. Зернова ; под общ. ред. А. А. Сидорова. – М., 1952.

Шерстобитова Екатерина Сергеевна – кандидат искусствоведения, младший научный сотрудник НОЦ «Актуальные проблемы истории и теории культуры» кафедры теологии, культуры и искусства, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: ekaterina.sherstobitowa@yandex.ru. ORCID 0000-0003-4961-8891

Поступила в редакцию 1 марта 2023 г.

DEVELOPMENT OF THE EARLY PRINTED DECORATION OF MANUSCRIPTS OF THE 16th–17th CENTURIES. THE ARTWORKS OF THE BROTHERS BASOV

E. S. Sherstobitova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article is a generalization of research devoted to the ornamental creations of the outstanding Old Russian manuscript masters of the 16th–17th century, the brothers Stefan, Fedor, and Gavriila Basov. Their book designs (primarily liturgical books) are a vivid example of the formation and development of medieval culture as an early printed style of book ornamentation. The study of headpieces created using the elemental-structural method by the brothers Basov in manuscripts showed the importance of working with patterns for Old Russian artists. We believe that outstanding artworks of Old Russian art (headpieces of early printed Moscow books) and particular elements of European art (engravings by Israel van Mekenem and Albrecht Dürer) were sources of inspiration.

Stefan, Fedor and Gavriila Basovs focused on the established traditions of the early printed style and developed it, enriching it with new images and artistic techniques. In their artworks, the brothers Basovs copied existing templates (compositional solutions or individual elements) and also created their own reimagining of ideas and created unique variants of ornamentation. The art of the brothers improved and became a model for other masters.

Keywords: Old Russian manuscripts, Stefan, Fedor, Gavriila brothers Basovs, artists, early printed style.

References

1. Sidorov A.A. Drevnerusskaya knizhnaya gravюра [Old Russian book engraving]. M., 1951. 396 s.
2. Nekrasov A.I. Ornament slavyanskix pechatnyx izdaniy XV–XVI vv. [Ornamentation of Slavic Printed publications of the 15th–16th Centuries] // *Drevnosti. Trudy slavyanskoj komissii Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva*. 1911. T. 5. S. 52–54.
3. Nekrasov A.I. Drevnejshaya russkaya gravюра [Ancient Russian Engraving] // *Gravюра i kniga*. M., 1924. Vyp. 2–3. S. 25–27.
4. Novosadskij I.V. Vozniknovenie pechatnoj knigi v Rossii v XVI veke [The Emergence of the Printed Book in Russia in the 16th Century] // *Ivan Fedorov pervopechatnik*. M.; L., 1935. S. 27–69.
5. Nemirovskij E.L. Ivan Fedorov (ok. 1510–1583) [Ivan Fedorov (Circa 1510–1583)]. M., 1985. 319 s.
6. Nemirovskij E.L. Ornamentika pervyh moskovskih pechatnyh knig [Ornamentation of the First Printed Books in Moscow] // *Trudy nauchno-issledovatel'skogo instituta poligraficheskogo mashinostroeniya*. 1962. Vyp. 21. S. 37–100.
7. Dianova T.V. Staropechatnyj ornament [The Early Printed Ornament] // *Drevnerusskoe iskusstvo*. M., 1974. S. 296–334.
8. Sidorov A.A. Gravюра XVI v. [16th Century Engraving] // *Istoriya russkogo iskusstva*. M., 1955. T. 3. S. 610–625.
9. Sidorov A.A. Ivan Fedorov hudozhnik i prosvetitel' [Ivan Fedorov is Artist and Educator] // *Trudy GBL*. M., 1959. T. 3. S. 181–188.
10. Sidorov A.A. Istoriya oformleniya russkoj knigi [The History of Russian Book Design]. M., 1964. S. 391.
11. Sidorov A.A. Nachalo russkogo knigopechataniya i Ivan Fedorov [The Beginning of Russian Printing and Ivan Fedorov] // *400 let russkogo knigopechataniya*. M., 1964. S. 33–51.
12. Zernova A.S. Knigi kirillovskoj pechati, izdannye v Moskve v 16–17 vekah: svodnyj katalog [Books of Cyrillic Printing Published in Moscow in the 16th–17th Centuries: the Summary Catalogue]. M., 1958. 150 s.
13. Zernova A.S. Ornamentika knig moskovskoj pechati kirillovskogo shrifta [XVII–XVIII vekov]. 1677–1750 [An Ornamentation of Books of Moscow Press of Cyril Printing [17th–18th Centuries]]: atlas: K 400-letiyu russkogo knigopechataniya. 1677–1750. M., 1963. 166 s.
14. Hromov O.R. O nekotoryh osobennostyah oformleniya moskovskih psaltirej XVI–XVII vekov (frontispisnaya gravюра) [On Some Features of the Design of Moscow Psalters of the 16th–17th Centuries (Frontispiece Engraving)] // *Istoriya knizhnoj kul'tury XV–XX vekov. K 100-letiyu nauchno-issledovatel'skogo otdela redkih knig (Muzeya knigi) RGB*. M., 2018. S. 83–96.

15. Hromov O.R. Tehnika izgotovleniya i hudozhestvennaya forma knigi na moskovskom pechatnom dvore XVI–XVII vv. [Manufacturing Techniques and Art Form of Books at the Moscow Printing House of the 16th – 17th Centuries] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2019. T. 21, № 4 (193). S. 59–75.
16. Zatsepina E.V. K voprosu o proisxozhdenii staropechatnogo ornamenta [To the Question of the Origin of Old Printing Ornament] // *U istokov russkogo knigopechataniya*. M., 1959. S. 101–155.
17. Kiselyov N.P. Proisxozhdenie moskovskogo staropechatnogo ornamenta [The Origin of Early Printed Ornament] // *Kniga*. 1965. № 11. S. 167–198.
18. Parfentiev N.P. O strukturnom metode izucheniya proizvedeniy drevnerusskogo iskusstva (iz opyta issledovaniya) [On the Structural Method of Studying the Works of Old Russian Art (from Research)] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2018. T. 18, № 2. S. 73–82.
19. Anisimova T.V. Rukopisi moskovskih pisczov brat'ev Basovyh (80-e gody XVI – nachalo XVII veka) [Manuscripts of Moscow Scribes Brothers Basov (1680s–the beginning of the 17th century)] // *Ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni: sbornik statej v chest' O.A. Belobrovoj*. M., 2006. S. 587–608.
20. Anisimova T.V. O novonaydennyh rukopisyah stroganovskih piscov brat'ev basovyh [About the Newly-Founded Manuscripts of the Stroganovs Scribes, the Brothers Basov] // *Istoriya bibliotek. Issledovaniya, materialy, dokumenty: sbornik nauchnyh statej*. SPb., 2010. S. 264–277.
21. Parfentiev N.P. O Stroganovskoy masterskoy knizhno-rukopisnogo iskusstva XVI–XVII vekov [On the Stroganov Workshop of Manuscript Art of the 16th–17th Centuries] // *Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2008. Vyp. 10. S. 43–62.
22. Parfentiev N.P. Tvorchestvo knigopiscev i hudozhnikov-znamenshnikov brat'ev Basovyh (1580–1630-e gg.) [Art of the Brothers Basov as Scribes of Books and Artists (1580–1630 Years)] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2014. T. 14, № 3. S. 23–48.
23. Sherstobitova E.S. Iskusstvo ornamentiki hudozhnikov-znamenshnikov brat'ev Stefana, Fedora i Gavrily Basovyh (poslednyaya chetvert' XVI – pervaya tret' XVII vv.) [The Art of Ornamentation by the Artists and Brothers Stefan, Fyodor and Gavriila Basov (Last Quarter of the 16th – First Third of the 17th Centuries): dis. ... kand. iskusstvovedeniya. M., 2021. 266 s.
24. Biblioteka Rossiyskoy akademii nauk (BRAN) [Library of Russian Academy of Sciences (LRAS)]. Strog. № 44.
25. Panchenko F.V. Stihir' konca XVI veka iz sobraniya S.G. Stroganova [Sticheral of the End of the 16th Century from S.G. Stroganov's Collection] // *Materialy i soobshheniya po fondam Otdela rukopisej BAN*. SPb., 2006. S. 206–305.
26. Rossiyskaya natsional'naya biblioteka (RNB) [Russian National Library (RNL)]. Kir.-Bel. № 586/843.
27. Gosudarstvennyy rossiyskiy muzey (GRM) [State Russian Museum (SRM)]. Dr. Gr. № 19.
28. Arhiv SPbII RAN [Archive of Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. F. 115. № 160.
29. Porfiridov N.G. Novye pamyatniki drevnerusskogo knizhnogo ornamenta [New Monuments of an Old Russian Book Ornament] // *Soobshheniya Gosudarstvennogo Russkogo muzeya*. 1947. № 2. S. 40–42.
30. Svirin A.N. Iskusstvo knigi Drevnej Rusi XI–XVII vekov [The Art of the Book in Old Russia of the 11th–17th Centuries]. M.: Iskusstvo, 1964. 299 s.
31. Markelov G.V. Knigopisnyj podlinnik Stroganovyh 1604 g. [Stroganovs' Original of Manuscript Books 1604] // *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury IRLI RAN*. 2003. Vyp. 54. S. 684–699.
32. Mudrova N.A. Biblioteka Stroganovyh (vtoraya polovina XVI – nachalo XVIII v. [Stroganov Library (Second Half of the 16th – the Beginning of the 18th Century)]. Ekaterinburg, 2015. 540 s.
33. Parfentiev N.P. Obraz rayskogo sada v knizhnoy ornamentike khudozhnika Fedora Basova (konets XVI – nachalo XVII v.) [Image of the Paradise Garden in Manuscript Book Art of Ornamentation of Artist Feodor Basov (end of the 16th – the Beginning of the 17th Centuries)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. 2019. № 33. S. 160–172.
34. Parfentiev N. P. Novye nakhodki rukopisey Gavrily Basova (konets XVI – pervaya tret' XVII vv.) [Newly Discovered Manuscripts of Gavriila Basov (End of the 16th–First Third of the 17th Centuries)] // *Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities]. 2018. T. 18. № 1. S. 84–94.
35. Zernova A.S. Ornamentika knig moskovskoj pechati XVI–XVII vekov: al'bom ornamentiki knig moskovskoj pechati XVI–XVII vekov [Ornamentation of Books of the Moscow Press of the 16th –17th Centuries: an Album of the Ornamentation of the Books of the Moscow Press of the 16th – 17th Centuries]. M., 1952.

Ekaterina S. Sherstobitova – Cand. Sc. (History of Arts), Junior Researcher in Current Problems of History and Theory of Culture Research Center of the Department of Theology, Culture and Art, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: ekaterina.sherstobitowa@yandex.ru

Received March 1, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Шерстобитова, Е. С. Развитие старопечатного стиля украшения рукописной книги XVI–XVII вв. Творчество художников-знаменщиков братьев Басовых / Е. С. Шерстобитова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 89–97. DOI: 10.14529/ssh230211

FOR CITATION

Sherstobitova E. S. Development of the Early Printed Decoration of Manuscripts of the 16th –17th Centuries. The Works of the Brothers Basov. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 89–97. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230211

ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭТИКА СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТОВ XVIII ВЕКА

М. П. Двойнишникова, Д. А. Пелихов

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Целью данной статьи является исследование визуально-графического оформления стихотворных текстов поэтов XVIII века (Г. Р. Державина, А. Д. Кантемира, М. В. Ломоносова, А. А. Ржевского, А. П. Сумарокова, В. К. Тредиаковского и др.). Объектом рассмотрения стали поэтические тексты, представленные в собраниях сочинений вышеуказанных авторов. Деятельность поэтов-реформаторов XVIII века, а также их учеников, последователей и современников тесно связана с установлением классицистического канона силлабо-тонического стиха, а также с языковой реформой М. В. Ломоносова, определившей пути развития языка и литературы, в том числе и поэзии. В поэзии XVIII века происходит постепенное формирование, накопление и развитие основных признаков визуально-графической модели стихотворного текста классического типа. Анализ произведений различных жанров позволяет сделать вывод о том, что визуальный рисунок стихотворений, принадлежащих к среднему и низкому «штилю», таких как бытовая притча или песня, более разнообразен. Он позволяет подчеркнуть лёгкость содержания и игровую эстетику таких текстов, помогает уловить смену тематики, усиливает народный песенный характер лирики. Поэзия XVIII века оказала существеннейшее влияние на формирование и развитие визуальной модели классического силлабо-тонического стиха.

Ключевые слова: XVIII век, классицизм, реформа стихосложения, силлабо-тонический стих, визуальная поэзия, визуальный облик стихотворного текста.

Введение

Истоки новейшей визуальной поэзии, находящейся в центре внимания современных литературоведов и изучаемой ими в разных аспектах (индивидуальная графическая манера, фигурные стихи, видеопоезия и проч.), следует искать в произведениях авторов предшествующих эпох. Одной из самых значительных вех в развитии русской литературы, без сомнения, следует считать эпоху XVIII века, которая стала важнейшим периодом в формировании как русского стиха в целом (именно в этот период будет проведена реформа В. К. Тредиаковского – М. В. Ломоносова), так и визуально-графического потенциала стихотворного текста в частности.

Литераторы XVIII века имеют разные заслуги в формировании визуально-графического облика стихотворных текстов. Так, для поэтов «петровского» (1672–1725) и «ломоносовского» периодов (1740–1750 гг. – конец XVIII века), стоявших у истоков реформирования силлабо-тонического стиха (В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. Д. Кантемир, А. П. Сумароков и др.), основной задачей было формирование классического стихотворного текста и его основных признаков (в том числе и визуально-графических). Главной же задачей авторов «карамзинского» периода (конец XVIII – нач. XIX в.) стало оттачивание традиционных признаков стихотворной речи до совершенства, а впоследствии – осознание и демонстрация возможностей развития стиха и его визуальной составляющей.

Обзор литературы

Проблемой визуально-графических особенностей стихотворного текста в разных аспектах занимались в отечественном литературоведении С. И. Бирюков, М. Л. Гаспаров, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, Ю. Б. Орлицкий, Т. Грауз, Е. В. Сальникова, Т. Ф. Семьян, Д. А. Суховой, М. С. Алысбекова, П. А. Ковалев и др., а в зарубежном – М. Danesi, L. Ellestrom, C. Greve, R. Grimm, D. Higgins, A. Marcus и др.

Источниками настоящей статьи стали также работы, содержащие описание историко-литературного контекста эпохи, и исследования, посвященные творчеству конкретных авторов, начиная от биографических сведений и заканчивая анализом индивидуально-авторского стиля авторов. Существенную методологическую значимость для настоящей статьи имеют труды Ю. М. Лотмана, Б. О. Кормана, С. С. Аверинцева, С. Н. Бройтмана, Н. Д. Тамарченко, О. В. Зырянова, а также исследования ряда специалистов в области изучения русской литературы XVIII века – Н. Ю. Алексеевой, Д. Д. Благого, О. Ю. Васильевой, Я. И. Гудошникова, О. Н. Горячевой, Г. А. Гуковского, Я. К. Грота, А. В. Десницкого, П. А. Ефимовой, А. В. Запалова, К. Д. Зацепиной, В. Е. Калгановой, Н. Д. Кочетковой, Д. В. Ларковича, А. А. Левицкого, И. С. Леонова; К. Ю. Лаппо-Данилевского, Л. Ф. Луцевич, М. Г. Магоконенко, Т. В. Мальцевой, Л. В. Пумпянского, С. А. Саловой, Б. А. Садовского И. З. Сермана, Ю. В. Стенника, В. В. Трубицыной Т. В. Федосеевой, Г. А. Химич, Л. В. Чернышевой, Б. М. Эйхенбаума и др.

Несмотря на значительную степень изученности в современном литературоведении творчества поэтов XVIII века, по-прежнему остаются аспекты, требующие доработки и переоценки как с позиции прошедших веков, так и с учетом новых методик и современных технологий анализа текста. О необходимости подобного переосмысления художественного творчества поэтов прошедших эпох говорится, например, в статьях Е. П. Левановой, Л. В. Поляковой и др. Таким образом, исследование поэзии XVIII века с точки зрения ее визуальной составляющей является актуальным, прежде всего ввиду того, что классицистическая поэзия этого периода – это важный и закономерный этап формирования и развития русской поэзии, в том числе и в визуально-графическом плане.

Методы исследования

В статье используются сравнительно-исторический, историко-культурный, историко-литературный, сравнительно-типологический, структурно-семантический и биографический методы исследования.

Результаты и дискуссия

Деятельность поэтов-реформаторов XVIII века, а также их учеников, последователей и современников тесно связана с установлением классицистического канона силлабо-тонического стиха. Вопрос о силлабических стихах данных авторов (если они имеют место в поэтическом наследии) в данной статье не рассматривается. Поэтому, говоря о визуальном облике классицистического поэтического текста, мы в качестве материала исследования в первую очередь будем обращаться к силлабо-тонической поэзии XVIII века.

Предложенная М. В. Ломоносовым языковая реформа открыла «...широкие возможности для быстрого и успешного развития русской литературы – и поэзии, и прозы» [1, с. 13] и определила пути развития русской поэзии, что не могло не отразиться и на визуальном облике стихотворного текста.

Жанры и жанровые формы высокого и среднего «штиля», такие как оды, элегии, эпические песни, письма, послание и проч., в классицистической традиции в визуальном плане в большинстве своем имеют традиционный для этой эпохи визуально-графический облик: ритмико-интонационный рисунок стихотворений в основном представлен силлабо-тоническими размерами с соразмерными строками при отсутствии сверх-длинных и сверхкоротких строк. В таких стихотворениях используются традиционные, совпадающие с синтаксическим делением предложений переносы, значительно реже – анжамбеманы, дробящие предложение на короткие строки в одно–два слова; лаконичное (эпизодическое), жанрово-тематическое и семантически обусловленное использование прописных и строчных букв, а также курсивного выделения, структурно обусловленные

отступы (выступы) строк, традиционный облик классических строф и т. д. Эти признаки становятся эталонными, именно они будут восприниматься читателем как того времени, так и последующих эпох в качестве визуально-графических маркеров классического стихотворного текста.

В творчестве Н. Н. Поповского, ученика М. В. Ломоносова, представлен популярный для эпохи жанр письма. Письмо у Поповского представляет собой строфическую полиметрическую композицию с большими стиховыми фрагментами (строфами от шести до тридцати шести и более строк в каждой) и длинными строками, написанными шестистопным ямбом. В визуальном-графическом плане такой стихотворный текст выглядит достаточно тяжеловесно и монолитно (ниже приведена строфа из «Опыта о человеке господина Попе. Письмо четвертое о естестве и состоянии человека в рассуждении первого благополучия»):

Чин, титул, чести знак царь может дать удобно,
Царь! временщик его то сделает способно.
Твой род за тысячу пусть происходит лет,
И от Лукреции начало пусть ведет,
Но из толикого прапрадедов народу
Лишь теми ты свою показывай породу,
Которые в себе имели бодрый дух
И удивили свет величеством заслуг.
Когда ж твой будет род старинный, но бесславный,
Не добродетельный, бездельный и злонравный,
То хоть бы он еще потопа прежде жил,
Но лучше умолчать, что он весь подлый был,
И не внушать другим, что чрез толико время
Заслуг твое отнюдь не показало племя.
Кто сам безумен, подл и в лениости живет,
Того не красит род, хотя б Говард был дед [1, с. 89].

Длина стиха (стихотворной строки), формирующаяся шестистопным ямбом, утяжеляет облик стихотворений и других жанров иной строфической организации с меньшим количеством строк (например, в стихотворении Н. Н. Поповского «Начало зимы!»):

Пустился с востока лед по невиским быстринам,
Спирался бугры, вода под ним кипела
И, с треском несшихся в морской залив, шумела.
Крутятся все струи крестами по холмам [1, с. 78].

Интересной особенностью стиля, а также визуальным маркером писем Н. Н. Поповского являются повторы в начале строк, которые на фоне такой многострочной тяжеловесной строфы, написанной шестистопным размером, становятся средством акцентирования внимания читателя и дополнительным маркером визуализации классицистического стихотворного текста (лексический повтор «почто» в стихотворении «Опыт о человеке господина Попе»):

Пускай: даю ему все выгоды земные,
Дух крепкий, здравие, сокровища драгие,
Но ты бы и тогда опять меня спросил,
Почто ему творец пределы положил?
Почто он не в чести? почто он не прославлен?
Почто на высоте престола не поставлен?
Но что ты временных лишь требуешь благих,
Почто не ищешь ты благ вечных вместо их?
Ты лучше б спрашивал: почто с начала века
Бессмертным не создал бог богом человека?

[1, с. 87]

Подобный пример встречается достаточно часто и у других поэтов, например, у А. И. Дубровского в стихотворении «На ослепление страстями».

На фоне точной, грамматической, одноударной и однородной конечной рифмы начальная рифма (или анафора, или лексический повтор слов в начале строки) в текстах этого времени усиливает визуальную урегулированность текста, а также служит средством акцентирования внимания на важной мысли, смене повествования, напряженном эмоциональном моменте и проч.

Одическая строфа поэтов XVIII века в визуальном-графическом плане достаточно однообразна и многократно представлена в классическом виде десятистишия с определенной схемой рифмовки, со средней или длинной строкой, написанной четырехстопным или более ямбом (реже – хореем), с равным отступом всех строк справа и проч. Но при этом в стихотворениях, например, А. П. Сумарокова (и в одах в том числе) наблюдаются специфические, как индивидуально-авторские, так и характерные для эпохи приемы оформления стихотворных текстов, которые проявляются на всех уровнях текста, в том числе и на графическом. «Оды разные» А. П. Сумарокова представляют разные эксперименты с формой оды: изменение количества строк в строфе (например, ода «Достоянная любви», четырехстрочные «Венере» и проч.), или изменение размера (использование силлабики в «Оде гораціанской» вместо четырехстопного ямба, четырехстопный хорей в «Оде на Фортуна» и др.), или использование астрофического стиха в «Анакреонтических одах» и т. д.

Интересна в этом плане «Ода XII, подраженная Горацию», построенная в виде диалога, где реплики мужчины и женщины оформлены трестишиями, которые вместе составляют конечную часть оды (одическое последнее шестиштишие со схемой рифмовки: CCd EEd):

Любовникъ.

Доколь ты меня любила,
И мнѣ невѣрностью своей не согрubiла,
Я щастливяе всѣхъ считаль себя, бывъ миль.

Любовница.

Доколь я была любима,
И только лишь одна тобой приятна зрима,

Я щастливяе всѣхъ, ты всѣхъ милья мнѣ быть
[3, с. 153].

Кроме того, в этой оде используется шрифтовое выделение наименований участников диалога, что служит для визуального выделения смены ролей. Курсив как средство выделения дополнительного компонента стихотворного текста, выполняющее вспомогательную функцию, а также отступы строк вправо от основного текста создают впечатление драматургического произведения, что делает оду более динамичной и придает ее визуальном-графическому облику нетрадиционный вид.

Встречаются случаи замены вербального компонента стихотворного текста графическими знаками (А. П. Сумароков, Н. М. Карамзин, Г. Р. Державин и др.), например, использование многоточия в середине строки. Многоточие является графическим эквивалентом пропуска имени, которое предполагается вписать в оду, хотя при этом метрические характеристики соблюдены (и добавление имени повлияет на изменение размера), как, например, в оде «Благодарности»:

И видить мыслию Правителя онъ свѣта.
Благодѣяніе. рачительна Отца.
Различныя дары во всѣ дающа лѣта
И щедраго Творца [3, с. 196].

А. А. Ржевский, несмотря на приверженность классическим традициям (вслед за А. П. Сумароковым), также оставил потомкам интересные оды, отличающиеся от классического образца и в визуальном плане тоже (например, «Ода 1» или «Ода, собранная из односложных слов»):

Как я стал знать взор твой,
С тех пор мой дух рвет страсть:
С тех пор весь сгиб сон мой;
Стал знать с тех пор я власть.

Хоть сплю, твой взор зрю в сне,
И в сне он дух мой рвет:
О коль, ах, мил он мне!
Но что мне в том, мой свет?

Он мил, но я лишь рвусь;
Как рвусь я, то ты знай.
Всяк час я мил быть тшусь;
Ты ж мне хоть вздох в мзду дай [3, с. 213].

Строфическая организация стихотворного текста также является визуальным маркером, позволяющим судить о графической специфике поэтического текста.

В большинстве текстов «высокого штиля» очень редко встречаются какие-то отличительные, экспериментальные визуальном-графические особенности, выходящие за пределы традиционного облика, а если и встречаются, то тоже являются

достаточно регулярно повторяющимися у других авторов этого времени. Так, отказ от прописной буквы в начале предложения после восклицания или вопроса в поэтической традиции XVIII века (этот прием мы встречаем у В. В. Капниста, Г. Р. Державина, М. В. Ломоносова и других авторов, затем и в XIX веке) можно считать прецедентным для отказа от традиционной пунктуации в стихотворных текстах XX столетия.

Впоследствии, уже ближе к концу XVIII века, мы все чаще сталкиваемся с отходом от канона в жанровом, семантическом, композиционном, а также визуальном отношении. В визуально-графическом отношении такие произведения будут представлять собой уже более легкий для восприятия текст, не столь монументальный и монолитный.

Показательным является сравнение визуального рисунка текстов разных «штилей». На рис. 1 представлены два стихотворных фрагмента – послание «Галактиону Ивановичу Силову» В. В. Петрова (1736–1799) и басня «Волк и лисица» А. А. Ржевского:

Так, Силов! рассвело, воспрямь ото сна,
Нас бодрствовать манит прекрасная весна;
Растворим чувства, способности разбудим
И размышленьем мысль быстрее течь принудим.
Сильна привычка всех успехов надеяться;
Стреляньем учатся без промаху стрелять.
Талантам надобны возделанья всегдашнии,
Прозращают терн оброшенные пашни.
Теряет прыгость конь, в поездах не служа,
Меч праздный, сколь ни остр, сдает вредна ржа.
Ум пищи требует, и знать его стремленье;
Самой души душа есть хваально упражненье.
Всё можно одолеть упорностью труда,
Верут высокие приступом города.
Коль станем спать, или сидеть поджав мы руки,
Не кажут с небес нам сами в мозг науки;
Пот нужен, пот сего к снисканию добра,
Оно нетленнее и злата и сребра.
Есть всем вещам цена, богатый в чин доступит,
Но просвещения он пенязьми не купит.
Царь вотчины дарит и гордый блеск честей,
Но царь не даст ума и живости страстей.
Свет мыслей бденнем приобретають люди,
От нашей собственной здесь всё зависит глупи.

В. В. Петров [1, с. 345]

Рис. 1. Сравнение визуального облика стихотворений разных жанров

Fig. 1. Visual graphical design of the verse texts of the different genres

Лисица с Волком поборанилась,
Лисица очень осердилась
И хочет Волку мстить,
Лукавством хочет Волка погубить.
Охотников она послыша близко в поле,
«Теперь-то, — думает, — злодей в моей уж воле».
Пошла к охотникам, о Волке чтоб сказать
И где он, указать.
Из лесу только лишь к собакам появилась,
То выдумка совсем ее переменялась.
Ее
Собаки самое
Поймали
И растерзали.
Рва недругу не рой, в ров сам ты попадешь,
Искав другим беды, беду себе найдешь.

А. А. Ржевский [1, с. 271]

Например, у А. А. Ржевского встречаем достаточно интересные и разнообразные визуальные приемы, такие как, например, вставка иконического фрагмента в стихотворный текст классического вида (стихотворение-притча «Муж и жена», рис. 2):

«Нет,
Мой свет,
Неложно
То, что с тобой
И жить не можно,
Как с доброю женой.
С двора всегда ты ходишь;
Тебя по вся дни дома нет.
Не знаю, с кем приязнь ты водишь;
Нельзя ужиться нам с тобой, мой свет.
Гуляй, да только меру знать в том должно;
Похвально ль приходить на утренней заре?
По всякий день гулять тебе жена, не можно,
Лишь то лъзя похвалять, что есть в своей поре.
Ты худо делаешь, жена, неложно,
А ходишь только, чтоб тебе гулять,
И дом пустой ты оставляешь.
Хожу и я, да торговать;
А ты всегда летаешь».
«Как мне бы не ходить,
Где ж хлеб достати?
Тебе так жить
Некстати:
Не всяк
Так
живет, как мы с тобою;
Иной не ссорится по смерти с своей женою».

Сем мужу своему, жена мнит, ужогу;
Что слушаюсь его, ему то докажу,
И буду поступать всегда по мужней воле,
С двора уж никуда ходить не стану боле.
На завтра же домой как с торгу муж пришел,
И дома он свою хозяйшку нашел.

Рис. 2. А. А. Ржевский «Муж и жена» [1, с. 214]
Fig. 2. A. A. Rzhevsky «Husband and wife»

Встречаются также тройные сонеты (рис. 3), которые представляют собой два сонета, полустилиши которых также могут быть прочитаны последовательно, составляя таким образом третий сонет. Автор предлагает нетипичное для этой формы визуальное решение и некую игровую рецепцию:

95. СОНЕТ,
ЗАКЛЮЧАЮЩИЙ В СЕБЕ ТРИ МЫСЛИ:

читай весь по порядку, одни первые полустилиши и другие полустилиши

Веки не пленюсь	красавицей иной;
Ты ведай, я тобой	всегда прельщаться стану,
По смерть не пременюсь;	век жар будет мой,
Век буду с мыслью той,	доколе не увяну.

Не лестна для меня	иная красота;
Лишь в свете ты одна	мой дух воспламенила.
Скажу я не маня:	свобода отнята —
Та часть тебе дана	о ты, что дух пленила!

Быть век противной мне,	измены не брегись,
В сей ты одна стране	со мною век любись.
Мне горесть и беда,	я мучуся тоскою,

Противен мне тот час,	коль нет тебя со мной;
Как зрю твоих взор глаз,	минутой счастлив той,
Смущаюсь всегда	и весел, коль с тобою.

Рис. 3. А. А. Ржевский «Сонет, заключающий в себе три мысли» [1, с. 217]
Fig. 3. A. A. Rzhevsky «A sonnet containing three thoughts»

Широко известны фигурные стихотворения-надписи А. П. Сумарокова, написанные в форме креста (их всего семь во всем собрании сочинений автора (рис. 4)), или в форме звезды (встречается единожды), жанровая принадлежность которых уже говорит об эстетической, орнаментальной природе такого типа текстов.

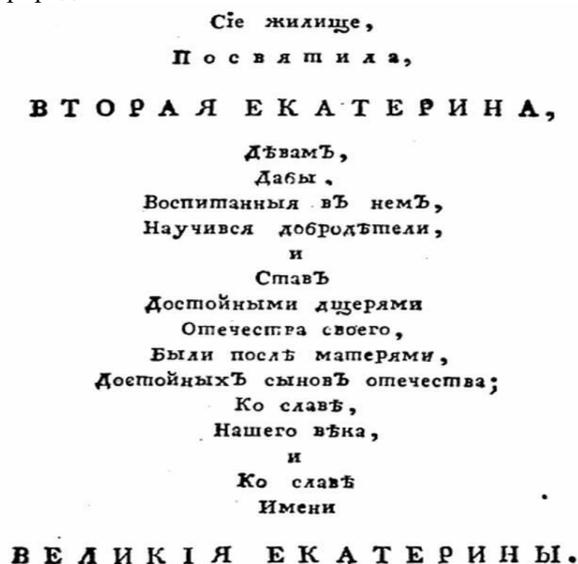

Рис. 4. А. П. Сумароков «Сие жилище...» [6, с. 271]
Fig. 4. A. P. Sumarokov «This dwelling...»

Аналогичную функцию выполняет эпитафия «На смерть Суворова» Г. Р. Державина, в которой строки образуют собой очертания гробницы полководца.

Характерной особенностью визуальнo-графической манеры поэтов XVIII века становится одинарный отступ строки вправо от основного текста, а также двойной и даже тройной отступ вправо в строфе, когда строки последовательно сдвигаются вправо, образуя «лесенку», (например, в «Одах разных» А. П. Сумарокова).

Выводы

Поэзия XVIII века формирует и постепенно аккумулирует средства визуальной графики в стихе. Эти признаки связаны с разными аспектами стиха: с формированием визуальных маркеров стихового размера, рифмы (рифмовки) и их смены, со строфической организацией текста, с «семантическим ореолом» метра, с жанровыми особенностями стихотворений, с традицией книгопечатания и многими другими аспектами. Функциональная значимость того или иного жанра / жанровой формы также оказывает влияние на визуальнo-графические особенности текста. Визуальный облик серьезных «высоких» и «средних» стихотворений в классицистической традиции в плане графики более урегулирован и традиционен, а если и имеет отличительные, экспериментальные визуальные приемы, то они вписываются в существующую традицию оформления поэтических текстов.

Постепенное накопление визуальнo-графических особенностей стихотворного текста отражается в появлении все большего количества отклонений от образцов. В визуальном плане стихотворения становятся более разнообразными.

Более «народные» жанры «среднего» или «низкого штиля» свободны и в выборе средств, в том числе и визуальнo-графических.

Таким образом, визуальный рисунок стихотворений среднего и низкого штилей более разнообразен, что подчеркивает игривость содержания и игровую эстетику текста (например, если это бытовая притча или песня), делает разнообразным ритмический рисунок стихотворения, помогает уловить смену тематики, сюжетное развитие композиционной структуры, усиливает народный песенный характер, акцентирует внимание на наиболее важных моментах, рождает иконическую ассоциативность (образность, порождаемую визуальными средствами) и проч.

Впоследствии накопление визуальнo-графических признаков выходит на новый уровень – эксперименты с разными стиховыми характеристиками, в том числе и визуальными – и появляются индивидуально-авторские графические особенности (такие как своеобразное использование тире в идиллиях и эклогах А. П. Сумарокова или многоточие в поэзии Н. М. Карамзина, курсив у В. А. Жуковского и проч.).

Поэзия XVIII века представляет собой значительное наследие, оказавшее неоценимое влияние на формирование и развитие классического силлабо-тонического стиха и установление традиций его визуальной модели.

Литература

1. Поэты XVIII века : в 2 т. / сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Сермана ; вступ. статья Г. П. Макогоненко [с. 3–72] ; биогр. справки И. З. Сермана. – Л. : Сов. писатель. [Ленингр. отд-ние], 1972. – Т. 1. – 624 с.
2. Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. / М. В. Ломоносов. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – Т. 8. – Поэзия. Орагаторская проза. Надписи. – М. ; Л., 1959. – 1261 с.
3. Сумароков, А. П. Полное собрание всех сочинений: в стихах и прозе : в 10 ч. / А. П. Сумароков. – М., 1781. – Ч. 2 : Оды торжественныя ; Оды разныя ; Оды вздорныя ; Слово I–VIII. – М., 1781. – 360 с.
4. Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. – СПб., 1996. – 846 с.
5. Гаспаров, М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. – Изд. 2 доп. / М. Л. Гаспаров. – М., 2001. – 287 с.
6. Сумароков, А. П. Полное собрание всех сочинений: в стихах и прозе : в 10 ч. / А. П. Сумароков. – М., 1781. – Ч. 1 : Преложение псалмовъ ;

Оды и другія духовныя сочиненія и преложенія ; Надписи ; Отрывки ; Описание огненного представления, въ первый вѣчеръ, новаго года 1760 ; Епистолы ; Наставление хотящим быти писателями. – М., 1781. – 364 с.

7. Сочинения Державина / С объясн. прим. [и предисл.] Я. Грота. – Т. 1–9. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1864–1883. – Т. 1, 1864. – 812 с.

8. Западов, А. В. Поэты XVIII века (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин) / А. В. Западов. – М., 1979. – 311 с.

9. Ларкович, Д. В. Г. Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания: монография / Д. В. Ларкович. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2011. – 341 с.

10. Леванова, Е. П. Проблематика изучения творчества Г. Р. Державина в российском литературоведении XX века // Огарёв-Online. – 2017. – № 4 (93). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-izucheniya-tvorchestva-g-r-derzhavina-v-rossijskom-literaturovedenii-xx-veka> (дата обращения: 18.03.2023).

11. Полякова, Л. В. Г. Р. Державин: к концепции современного прочтения поэтического творчества / Л. В. Полякова // Вестник ТГУ. – 2008. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/g-r-derzhavin-k-kontseptsii-sovremennogo-prochteniya-poeticheskogo-tvorchestva> (дата обращения: 18.03.2023).

12. Семьян, Т. Ф. Визуальный облик прозаического текста / Т. Ф. Семьян. – Челябинск, 2006. – 251 с.

13. Япишина, А. Е. Функции графического эквивалента текста в поэзии Е. Мнацакановой / А. Е. Япишина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 114–119.

14. Levitt, M. C. Sumarokov and the unified poetry book: «Ody Torzhestvennyya» and «Elegii Lyubovnyya» through the prism of tradition / M. C. Levitt // RUSSIAN LITERATURE. – Т. 52, Вып. 1–3. – 2002. – P. 111–139.

15. Slozhenikina, Y. V. Genesis of cultural and political mythology: Trediakovsky (1757), Lomonosov (1758), Sumarokov (1759) about the origin of Russian nation and Russian language / Y. V. Slozhenikina, A. V. Rastyagaev // Russian Linguistic Bulletin 11 (5). – 2016. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genesis-of-cultural-and-political-mythology-trediakovsky-1757-lomonosov-1758-sumarokov-1759-about-the-origin-of-russian-nation-and-russian/viewer> (дата обращения: 10.03.2021).

16. Greve, C. Writing and the «Subject»: image-text relations in the early russian avant-garde and contemporary Russian visual poetry / C. Greve. – Amsterdam: Pegasus, 2004. – 344 p.

17. Ellestrom, L. Visual Iconicity in Poetry. Replacing the Notion of «Visual Poetry» / L. Ellestrom, // Orbis Litterarum. – 2016. – 71:6. – P. 437–472.

18. McAllister, B. J. «Narrative in concrete / concrete in narrative: Visual poetry and narrative theory» / B. J. McAllister // Narrative. – 2014. – Vol. 22. – P. 234–251.

Двойнишникова Мария Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: dvoinishnikovamp@susu.ru. ORCID 0000-0003-4575-0182

Пелихов Денис Александрович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: pelikhovda@susu.ru. ORCID 0000-0003-0052-9492

Поступила в редакцию 21 марта 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230212

VISUAL POETICS OF THE XVIII CENTURY POEMS

M. P. Dvoishnikova, D. A. Pelikhov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The purpose of this article is to study the visual and graphic design of poems by XVIII century poets (G. R. Derzhavin, A. D. Kantemir, M. V. Lomonosov, A. A. Rzhevsky, A. P. Sumarokov, V. K. Trediakovsky, etc.). The research object was poetic texts from the collected works of these authors. The activity of the reformers of the XVIII century, their students, followers and contemporaries is closely connected with the establishment of the classical canon of syllabotonic verse and also with the language reform by M. L. Lomonosov, which determined the ways of the language and literature development (poetry too).

The poetry of the XVIII century gradually forms, accumulates and develops the main features of the visual-graphic model classical type poetic text. The visual-graphic image of the medium and low style genres is more variable. This poetic design helps to highlight the lightness of the content and the game aesthetics these texts, helps to catch the changes of subject, etc. The poetry of the XVIII century had a significant influence on the formation and development of the visual model of classical syllabotonic verse.

Keywords: XVIII century, classicism, reform of versification, syllabotonic verse, visual poetry, visual-graphic image of the verse.

References

1. Poety XVIII veka [Poets of the XVIII Century]: v 2 t. / sost. G. P. Makogonenko i I. Z. Sermana; vstup. stat'ya G. P. Makogonenko [s. 3–72]; biogr. spravki I. Z. Sermana. Leningrad: Sov. pisatel'. [Leningr. otd-nie], 1972. T. 1. – 624 s.
2. Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenij [The Complete Works]: v 11 t. M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1950. T. 8. Poeziya. Oratorskaya proza. Nadpisi. Moskva; Leningrad, 1959. 1261 s.
3. Sumarokov A.P. Polnoe sobranie vsex sochinenij: v stixax i proze [The Complete Collection of All Works: in Verse and Prose]: v 10 ch. M., 1781. Ch. 2: Ody torzhestvennyya; Ody raznyya; Ody vzdornyya; Slovo I–VIII. M., 1781. 360 s.
4. Lotman Y.M. O poe'tax i poe'zii: analiz poe'ticheskogo teksta [About Poets and Poetry: Analysis of a Poetic Text]. SPb., 1996. 846 s.
5. Gasparov M.L. Russkij stix nachala XX veka v kommentariyax [Russian Verse of the Early Twentieth Century in the Comments]. Izd. 2 dop. M., 2001. 287 s.
6. Sumarokov A.P. Polnoe sobranie vsex sochinenij: v stixax i proze [The Complete Collection of All Works: in Verse and Prose]: v 10 ch. M., 1781. Ch. 1. M., 1781. 364 s.
7. Sochineniya Derzhavina [Derzhavin's Writings]; S ob'yasn. prim. [i predisl.] Y. Grota. T. 1–9. SPb.: Imp. Akad. nauk, 1864–1883. T. 1, 1864. 812 s.
8. Zapadov A.V. Poety XVIII veka (M.V. Lomonosov, G.R. Derzhavin) [Poets of the XVIII Century (M. V. Lomonosov, G. R. Derzhavin)]. M., 1979. 311 s.
9. Larkovich D.V. G.R. Derzhavin i xudozhestvennaya kul'tura ego vremeni: formirovanie individual'nogo avtorskogo soznaniya [G.R. Derzhavin and the artistic culture of his time: the formation of individual author's consciousness]: monografiya. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2011. 341 s.
10. Levanova E.P. Problematika izucheniya tvorchestva G.R. erzhavina v rossijskom literaturovedenii XX veka [Problematics of Studying the Creativity of G.R. Derzhavin in Russian Literary Criticism of the XX century] // *Ogaryov-Online*. 2017. № 4 (93). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-izucheniya-tvorchestva-g-r-derzhavina-v-rossijskom-literaturovedenii-xx-veka> (data obrashheniya: 18.03.2023).
11. Polyakova L.V. G.R. Derzhavin: k koncepcii sovremennogo prochteniya poe'ticheskogo tvorchestva [G.R. Derzhavin: Towards the Concept of Modern Reading of Poetic Creativity] // *Vestnik TGU*. 2008. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/g-r-derzhavin-k-kontseptsii-sovremennogo-prochteniya-poeticheskogo-tvorchestva> (data obrashheniya: 18.03.2023).
12. Sem'yan T.F. Vizual'nyj oblik prozaicheskogo teksta [The Visual Appearance of a Prose Text]. Chel'yabinsk, 2006. 251 s.
13. Yapishina A.E. Funkcii graficheskogo e'kvivalenta teksta v poe'zii E. Mnacakanovoj [The Functions of the Graphic Equivalent of the Text in the Poetry of E. Mnatsakanova] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2022. T. 22, № 1. S. 114–119.
14. Levitt M.C. Sumarokov and the unified poetry book: «Ody Torzhestvennyya» and «Elegii Lyubovnyya» through the prism of tradition // *RUSSIAN LITERATURE*. 2002. T. 52, Vyp. 1–3. P. 111–139.
15. Slozhenikina Y.V., Rastyagaev A.V. Genesis of cultural and political mythology: Trediakovsky (1757) Lomonosov (1758), Sumarokov (1759) about the origin of Russian nation and Russian language // *Russian Linguistic Bulletin* i1. 2016. (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genesis-of-cultural-and-political-mythology-trediakovsky-1757-lomonosov-1758-sumarokov-1759-about-the-origin-of-russian-nation-and-russian/viewer> (data obrashheniya: 10.03.2021).
16. Greve C. Writing and the «Subject»: image-text relations in the early russian avant-garde and contemporary Russian visual poetry. Amsterdam: Pegasus, 2004. 344 s.
17. Ellestrom L. Visual Iconicity in Poetry. Replacing the Notion of «Visual Poetry» // *Orbis Litterarum*. 2016. 71:6. P. 437–472.
18. McAllister B.J. Narrative in concrete/concrete in narrative: Visual poetry and narrative theory // *Narrative*. Vol. 22. 2014. P. 234–251.

Mariya P. Dvoinishnikova – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: dvoinishnikovamp@susu.ru

Denis A. Pelikhov – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: pelikhovda@susu.ru

Received March 21, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Двойнишникова, М. П. Визуальная поэтика стихотворных текстов XVIII века / М. П. Двойнишникова, Д. А. Пелихов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 98–105. DOI: 10.14529/ssh230212

FOR CITATION

Dvoinishnikova M. P., Pelikhov D. A. Visual Poetics of the XVIII Century Poems. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 98–105. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230212

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОСВЕЩЕНИИ СПОРТИВНЫХ ОЛИМПИЙСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ

Е. Л. Дмитренко¹, А. И. Габдрахманова²

¹ГТРК «Южный Урал», г. Челябинск, Российская Федерация

²БД «Искорка Фонд», г. Челябинск, Российская Федерация

В статье рассматривается актуальная и малоизученная тема – особенности применения VR-технологий в освещении спортивных мероприятий на зимней Олимпиаде-2022. Благодаря VR-технологиям достигается ощущение присутствия, что немаловажно в спортивной журналистике и популяризации спорта.

Для изучения выбранного вопроса используются материалы зарубежных и отечественных ученых, представителей СМИ, трансляции спортивных мероприятий, журналистские материалы. В статье излагается история применения VR-технологий в тренировочном процессе спортсменов, проанализированы международные СМИ и на основе этого выявлены страны, где виртуальная реальность интересна. В статье представлен научный обзор сложившихся теорий и подходов, использования виртуальной реальности в профессиональном спорте, активных видеоиграх и спортивной журналистике.

В настоящее время в отечественной журналистике количество трансляций с применением виртуальной реальности невелико, но данный формат с каждым годом становится более востребованным. Авторами рассмотрена специфика передачи информации с использованием гаджетов виртуальной реальности и специальной техники. В результате отражены особенности использования VR-технологий в спортивной журналистике.

Ключевые слова: виртуальная реальность, VR-технологии, спортивная журналистика, олимпийские мероприятия.

Введение

Тема использования технологических возможностей виртуальной реальности в освещении спортивных олимпийских мероприятий является очень актуальной, потому что аудитория любителей спорта, которой интересно погружаться в виртуальный мир и ощущать атмосферу соревнований, огромна. Спортивная журналистика – сложное и противоречивое явление, не только охватывает информацию о событиях спорта, но и является признанным социально-культурным феноменом. Освещение зимней Олимпиады-2022 показало, насколько этот процесс стал специфичным из-за введения ограничений во время пандемии коронавируса. Любители спорта не смогли воочию наблюдать за происходящим и отслеживали все соревнования в различных СМИ и соцсетях. В свою очередь, для представителей СМИ это стало дополнительным толчком к развитию. Чтобы раскрыть все нюансы выступления спортсменов СМИ использовали разные способы трансляций, увеличили скорость передачи информации, активно вели социальные сети, проводили онлайн-эфир с участниками олимпийских игр, создавали площадки для обсуждения соревнований в мессенджерах и соцсетях, увеличили количество часов съемки в формате VR.

Ограничительные меры внесли свой вклад во внедрение технологий виртуальной реальности. На зимней Олимпиаде-2022 проведено более 150 часов трансляций в этом формате. Исследования

показали, что в годы пандемии коронавируса болельщики стремились поддержать своих кумиров даже на расстоянии, а также при просмотре соревнований получить эффект присутствия на арене, смотреть выступления атлетов и самостоятельно приходить к выводу результатов на табло.

Объектом исследования выбраны цифровые технологии освещения зимней Олимпиады-2022, а предметом исследования стала виртуальная реальность в цифровых технологиях освещения зимней Олимпиады-2022. В ходе проведения исследования поставлены задачи: изучить применение VR-технологий в трансляциях спортивных мероприятий, охарактеризовать специфику VR-трансляций различных видов спорта.

В исследовании использованы теоретические и эмпирические методы исследования: описание применения VR-технологий в трансляции Олимпиады-2022, исследование принципов использования VR в трансляциях разных видов спорта зимней Олимпиады-2022. Для анализа были взяты материалы отечественных и зарубежных СМИ, куда входят трансляции и программы на телевидении, журналистские материалы в спортивных СМИ.

Новизна исследования заключается в попытке комплексного изучения виртуальных технологий в СМИ в освещении зимней Олимпиады-2022.

Обзор литературы

Вклад в изучение использования VR-технологий в тренировочном процессе бобслеистов высшей категории внесли американские ученые А. Кел-

ли и М. Хаббард [1]. Корейский ученый Керр Динен использовал виртуальную реальность для создания первой спортивной игры в видеоформате [2]. Ученые из Кореи Чул-Хо-бум, Тара Махони провели исследование, по итогам которого выяснилось, что VR-технологии стирают гендерные границы в увлечении разными видами спорта [3]. Журналист Дж. Нобл в статье рассказал о преимуществах виртуальной реальности в Формуле-1 [4]. Аналитик Андрей Забатуро проанализировал в статье эффективность VR-трансляций в разных видах спорта [5].

Методы исследования

В статье использованы теоретические и эмпирические методы исследования. К теоретическим относится описание применения виртуальной реальности в освещении спортивных олимпийских мероприятий. Эмпирические методы – анализ проведения олимпиад разных лет в СМИ.

Результаты и дискуссия

Виртуальная реальность – это моделируемый опыт, который может быть похож на реальный мир или полностью отличаться от него [6]. Спортивная деятельность не исключение, здесь можно использовать VR-технологии, и их спектр велик.

Освоение применения виртуальной реальности началось в конце 20 века. В 1998 году впервые в США был применен опыт VR-технологий в тренировочном процессе парусного спорта [7]. Позднее ученые А. Келли и М. Хаббард с помощью виртуальной реальности создали бобслейный тренажер с системой управления движением и онлайн-мониторингом, который внес вклад в подготовку профессиональных спортсменов. Все они приходят к одному общему выводу о том, что применение разных технологий в тренировочном процессе позволяет спортсменам более мягко подготовиться к масштабным соревнованиям [1].

Новой вехой в использовании VR-технологий стало проведение первых матчей по баскетболу в популярной во всем мире лиге НБА. Представители лиги в сезоне 2013–2014 годов провели 27 матчей в формате 360-градусного видео. Пользователи новой гарнитуры могли смотреть игровые моменты, надев на себя VR-шлем [8]. В настоящее время матчи НБА транслируются в 215 странах, в связи с ограничениями, связанными с пандемией коронавируса, VR-трансляции стали более популярными.

В 2014 году в Англии появились трансляции виртуальной реальности матчей по футболу. Для просмотра игр «Манчестер-Сити» болельщикам требовалось скачать приложение LiveLike VR [6]. Разработчики приложения отмечают, что с помощью виртуальной реальности любители футбола смогли увидеть матч с разных ракурсов, а также познакомиться со статистикой, обсудить между собой острые моменты, а также посмотреть повторы голов и опасных ситуаций. Матч был раз-

бит на короткие видео – это связано с тяжелой гарнитурой, в которой сложно находиться на протяжении всего матча.

Ученые из Южной Кореи использовали VR-технологии в активных видеоиграх. Так, благодаря виртуальной реальности с 2018 года в Корею стал популярен VR-гольф. По данным Керр Динена, гольф в новом формате опробовали 4 миллиона человек, и 200 тысяч из них практикуют виртуальный гольф ежедневно. Другие южнокорейские исследователи провели эксперимент по использованию VR-технологий в разных видах спорта. И пришли к выводу, что мужчины и женщины легче переносят тренировки на велосипеде в новом формате, нежели в обычном спортивном спортзале. Также VR-спорт позволил мужчинам заниматься пилатесом и йогой, а женщины увлеченно принимали участие в игре в футбол [2].

С применением виртуальной реальности проходили некоторые хоккейные матчи КХЛ. Так, ярким примером стало проведение матча всех звезд КХЛ, когда зритель, надев VR-очки, мог лицезреть всю программу мероприятия в 360-градусном формате.

Новые технологии транслирования матчей оказались настолько востребованными, что совместно с Coca-Cola КХЛ запустила серию прямых трансляций финальных игр Чемпионата КХЛ в формате стерео-180° и 360° для шлемов виртуальной реальности. С 12 по 20 апреля 2017 года панорамные эфиры с финалов Кубка Гагарина КХЛ стали доступны для пользователей обычных компьютеров, смартфонов, планшетов, а также Cardboard, Gear VR, HTC Vive и Oculus Rift. Полноценные записи матчей доступны на официальном сайте [3].

В 2017 году любители спорта стали свидетелями трансляции Формула-1, новая технология позволила болельщикам ощутить всю скорость гонщиков. Также в рамках PGA Tour любители спорта стали свидетелями профессиональных турниров по гольфу [8].

Олимпийские игры – мировые соревнования, мечта профессионального спортсмена и зрелищные поединки для болельщиков, которые хочется смотреть воочию, но в условиях пандемии это было невозможно.

Первые олимпийские игры в формате виртуальной реальности провели в 2016 году – это летняя Олимпиада в Рио-де-Жанейро. Российские СМИ рассказали о компании, которая проводила VR-трансляции Олимпиады-2016, где болельщики смогли увидеть церемонии открытия и закрытия, соревнования по баскетболу, гимнастике, легкой атлетике, пляжному волейболу, дайвингу, боксу и фехтованию в формате VR. Все трансляции были доступны в приложении NBC Sports для гарнитуры Samsung Gear VR, с дневной задержкой [9].

На зимней Олимпиаде-2018 отличились две компании, проводившие трансляции в 360-градусном измерении. Next VR расширил функционал трансляций для любителей спорта. Еще одним лидером трансляций в виртуальной реальности стала компания Intel, проводившая VR-трансляцию всех мероприятий зимней Олимпиады-2018. Любители спорта смогли почувствовать атмосферу грандиозного события, не выходя из дома, для этого требовалось купить оборудование и скачать приложение [7].

На зимней Олимпиаде-2022 в Пекине не было зрителей на трибунах, болельщики могли следить за происходящим только по телевидению, через интернет-СМИ или смотреть VR-трансляции с помощью дополнительных гаджетов. Виртуальная реальность спустя 6 лет улучшила качество картинки, длительность трансляций и порадовала новинками. Компания NBC Olympics оказалась в центре внимания во время трансляций зимней Олимпиады-2022. Исследователи учли все недочеты прошлых Олимпиад и еще более расширили функционал VR-трансляций. Трансляции соревнований по разным видам спорта проводились в разрешении 8K. Для просмотра любителям спорта требовалась гарнитура виртуальной реальности Oculus Quest 2 и приложение NBC Olympics VR by Xfinity.

Представители российского сайта AVclub в России рассказали об интересном опыте на зимней Олимпиаде-2022 [10]. Для жителей США представлялась возможность смотреть соревнования в формате виртуальной реальности коллективно. Для этого компанией NBC Olympics были созданы специальные залы до 4 человек. Для этого болельщики проходили в специальную комнату и использовали VR-гарнитуру, затем смотрели все вместе одно соревнование и в это же время делились своими впечатлениями.

Исполнительный вице-президент Xfinity Consumer Services Софья Ахмад отметила: «Мы стремимся сделать впечатления от просмотра настолько захватывающими, чтобы они были сравнимы с личным присутствием на зимних Олимпийских играх. Наша сеть позволяет клиентам Xfinity стать ближе к действию, чем когда-либо прежде, впервые испытав VR-опыт в разрешении 8K» [4].

На сегодняшний день прошло несколько крупных мировых соревнований с применением VR-технологий. Опыт показал, что виртуальная реальность имеет дорогостоящую аппаратуру, но тем не менее остается привлекательной для любителей спорта. Болельщики, желающие испытать эмоции от побед своих кумиров, покупают или берут в аренду VR-очки.

Специфика проведения трансляций виртуальной реальности отличается от матчей по ТВ или трансляций в интернете. Для этого требуется другая гарнитура, которая во время летней и зим-

ней Олимпиад 2016 и 2018 годов была не каждому по карману. Однако позднее любители спорта осознали, что приобрести специальные гаджеты гораздо дешевле, чем покупать билет на соревнования в другой стране и оплачивать там проживание.

Администрация сайта «Министар» отмечает, что «...для полного погружения в атмосферу события можно транслировать мероприятие в виртуальной реальности. VR-присутствие на событии мало чем отличается от реального: удаленный зритель смотрит выступления и погружается в происходящее в формате 360 градусов» [11].

Отсюда следует, что VR-трансляция имеет несколько особенностей.

1. Достижение эффекта физического присутствия пользователя на удаленном событии.

2. Просмотр с помощью очков или шлема виртуальной реальности.

3. Управление углом обзора и выбора ракурса для наиболее удобного просмотра.

4. Полное погружение в атмосферу и получение ярких впечатлений от просмотра панорамной трансляции онлайн.

5. Звуковое сопровождение отличается от традиционных трансляций по ТВ. В VR-трансляции болельщик слышит все звуки на арене, а комментатор лишь подсказывает, куда лучше повернуть голову, чтобы наблюдать происходящее.

Проанализировав олимпийские соревнования, можно сделать вывод, что VR-технологии позволяют болельщикам «телепортироваться» в центр событий. На этот счет профессор Энди Мих, эксперт по новым технологиям Солфордского университета, заявил: «Виртуальная реальность создает совершенно новые экономические возможности для спортивных команд, и организации будут неуклонно искать способ максимально этим воспользоваться. Виртуальное поле позволяет создателям привлечь большие финансовые ресурсы спонсоров, так что виртуальная реальность является мощным помощником для спорта» [10].

Как отмечают в своей работе А. Красавина и И. Ржендинская, «...для достижения погружения в VR- и AR-истории зритель должен стать частью мира и перейти в роль активного участника, тем самым он проживет и прочувствует журналистскую историю, испытает сильные эмоции» [11]. В системе Beyond Sports нашлись люди, которые рассказали, как снимаются трансляции спортивных событий в формате VR, подтвердив мысль отечественных ученых. Для этого они используют камеры по всему полю в сочетании с физическими данными игроков, чтобы воссоздать игровые моменты. Матч становится похож на видеоигру FIFA или Pro Evolution.

Директор компании VR Beyond Sports Сандер Джей Шоутен отметил, как это работает на деле: «Это кажется реальным. Ты действительно находишься на стадионе, а стоит обернуться – ты уви-

дишь голкипера. Именно благодаря этому технология очень полезна на тренировках. Ты можешь взять тот же момент и наглядно продемонстрировать его игроку. После этого можно объяснить, почему он не должен был поступать определенным образом в упомянутой ситуации» [10].

Еще одна особенность проведения трансляции спортивного матча заключается в картинке, которую видит команда. На сайте Stream-park отмечают: «Видео с камер передается как “рыбий глаз”, вместо обычного телевизионного формата. Когда зрители надевают гарнитуру VR, это видео окутывает их как пузырь, позволяя им поворачиваться и рассматривать картинку во всех направлениях» [12]. К слову, для трансляции в формате виртуальной реальности требуется гораздо больше камер, их устанавливают по периметру всей арены, в раздевалках и холле.

Работа комментатора сведена до минимума в спортивных трансляциях с применением виртуальных технологий. В отличие от традиционной трансляции на телевидении, комментатору требуется рассказывать зрителю, куда нужно смотреть, то есть направлять внимание аудитории, далее болельщик сам понимает, что он смотрит. В трансляции виртуальной реальности невозможно увеличить какой-то момент соревнований или показать его на повторе, все происходит в реальном времени. Для записи одного хоккейного матча требуется в 2 раза больше камер, оператор не ходит с аппаратурой. VR-камера остается в неподвижном состоянии.

Вице-президент лиги по глобальным медиа Джефф Марсильо проанализировал будущее спортивных трансляций в формате VR: «VR обладает таким уровнем погружения, которого вы не можете получить от традиционных трансляций, и это помогает понять, что же такого многообещающего в этой технологии и почему мы ее развиваем» [13].

VR-гарнитура имеет свои особенности, и первые трансляции проводились отрывками, связано это с ношением VR-шлемов. Люди уставали носить их на голове. Однако трансляции постепенно увеличивались во времени. Как пояснил председатель компании NextVR, с 2016 года спортивные трансляции увеличились с 7 до 42 минут. «Многие зрители предпочитают снимать гарнитуру, потому что она большая и громоздкая», – сказал он. «Мы пытаемся сделать контент максимально интересным, чтобы надолго удержать зрителя» [14].

Применение VR-технологий в спортивной журналистике – одно из самых популярных направлений. Снимаемые события вызывают большой отклик у любителей спорта, снимаемые спортивные события всегда обсуждаются по всему миру и не остаются в тени. Эти два фактора подталкивают создателей данных трансляций не останавливаться на достигнутом. Однако в настоящее время мы имеем большой опыт применения вирту-

альной реальности, но мало литературы, где описаны все аспекты подготовки и съемки таких трансляций. Возможно, это связано с тем, что виртуальная реальность создана для самостоятельного анализа и каждый должен самостоятельно проложить путь создания.

Вывод

Сферическая съемка в формате виртуальной реальности в спортивной журналистике имеет некоторые особенности: зрелищность и эмоции, картинка в другом ракурсе, любители спорта самостоятельно приходят к анализу игры. Олимпийские мероприятия разных лет доказали, что данный формат актуален среди любителей спорта. Болельщики всегда нацелены получить от СМИ эффект присутствия на соревнованиях, VR-трансляции переносят человека в место, где проходят соревнования, спрос на сферическую съемку побудил разработчиков улучшить качество картинки, увеличить количество камер, так как в VR-трансляции нет функции увеличить игровой момент или показать на повторе, проработать роль комментатора. Выявлены значительные отличия от трансляций по телевидению, в онлайн-СМИ и социальных сетях. Основными отличия VR-трансляций олимпийских мероприятий являются: технология съемки, использование специальной гарнитуры, работа комментатора, ощущения зрителя. Анализ нескольких Олимпиад доказал, что данный формат интересен зрителям разных стран. Это можно понять по тому, как улучшилось качество – с 4K до 8K, а также по длительности трансляций и созданию специальных залов для коллективного просмотра. Мы видим, что в настоящее время VR-трансляции Олимпийских соревнований создаются в США и Китае, но доступны по всему миру. В России и странах Европы проводились трансляции в виртуальной реальности менее крупных соревнований, однако и они вызвали положительные эмоции у болельщиков. В ходе изучения VR-технологий в спортивной журналистике пришли к выводу, что эта тема с научной точки зрения мало изучена, но имеет большой объем практической информации. Интерес к 360-градусной трансляции спортивного мероприятия есть, специальные гаджеты для просмотра VR-трансляций становятся более приемлемыми по цене, качество съемки выросло, и вместе с этим появилась возможность смотреть полноценные матчи. Все это подталкивает к большему изучению особенностей использования VR-технологий в спортивной журналистике, чтобы сделать их доступными, как ТВ и онлайн-трансляции.

Литература

1. Kelly, A. Design and construction of a bodysled driver training simulator / A. Kelly, M. Hubbard. – Sports Engineering. – 2000. – № 3. – P. 13–25.

2. Kerr-Dineen, L. This Is a Simulation. (And It's Still Golf!) / Kerr- L. Dineen // Golfdigest.com. – 2018. – URL: <https://www.golfdigest.com/story/this-is-a-simulation-and-its-still-golf-golf-simulators> (дата обращения: 2.07.2019).
3. Chul-Ho, B. A Comparative Analysis of Satisfaction and Sustainable Participation in Actual Leisure Sports and Virtual Reality Leisure Sports / B. Chul-Ho, Q. T. Mahoney, C. Chulhwan // Sustainability. – 2018. – № 10 (10). – P. 347.
4. Нобл, Дж. Виртуальная реальность: что она может дать Формуле 1? / Дж. Нобл. – URL: <https://ru.motorsport.com/f1/news/virtualnaya-realnost-cto-ona-mozhet-dat-formule-1-903990/903990/?ysclid=lb42qnvkvz887272358>.
5. Забубаро, А. Как VR влияет на спортивную индустрию и какие проблемы еще предстоит решить? / А. Забубаро. – URL: <https://rb.ru/opinion/vr-sport/?ysclid=lb431p3ov348246091>.
6. Isaacs, J. Шаг в новый мир – виртуальная реальность (VR) / J. Isaacs // Основные концепции объяснения реальности вместе с проблемами исследования, 2016.
7. Walls, J. Assessment of upwind dinghy sailing performance using a virtual reality dinghy simulator / J. Walls et al. // J Science Med Sport. – 1998. – № 1. – P. 61–72.
8. Технология виртуальной реальности. – URL: <https://www.classvr.com/>.
9. Бизнес-идея нового тысячелетия: виртуальный просмотр футбольных матчей // Бизнес журнал. – URL: <https://newidey.ru/biznes-idei/biznes-ideya-novogo-tysyacheletiya-virtualnyj-prosmotr-futbolnyx-matchej/?ysclid=lb42gfwy622370698> (дата обращения 10.11.2022).
10. Прямая трансляция матчей финальной серии в формате 180 и 360 градусов // КХЛ. – URL: <https://www.khl.ru/news/2017/04/11/344771.html?ysclid=lb42lukncb210850828>.
11. Красавина, А. В. Особенности применения технологий дополненной реальности (AR) в журналистике: ограничения формата и перспективы развития / А. В. Красавина, И. А. Ржендинская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2022. – № 2. – С. 109.
12. Робертсон, А. Некоторые события Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро будут транслироваться в виртуальной реальности / А. Робертсон. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.4b4d64ea-6387b76c-d3199e7f-74722d776562/https/www.theverge.com/2016/6/30/12065406/summer-olympics-2016-nbc-gear-vr-virtual-reality-video.
13. Министар // Проведение и сопровождение VR-трансляций 360°. – URL: <https://ministar.ru/video-translyaciya-360/?ysclid=lb437ssq1w630423412>.
14. Sports.ru // Oculus Rift: как виртуальная реальность может изменить процесс игры и просмотра спортивных событий? – URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/maneimpression/1462764.html?ysclid=lb43akztq7724340216>.
15. Ав Клуб // NBC Olympics запустила VR-трансляцию Олимпийских игр в 8К. – URL: <https://www.avclub.pro/news/nbc-olympics-zapustila-vr-translyatsiyu-olimpyskih-igr-2022-v-8/>.
16. Stream-park.ru // Трансляция баскетбольного матча в формате 360 VR. Как это сделано? – URL: <https://stream-park.ru/blog/translyatsiya-basketbolnogo-matcha-v-formate-360-vr-kak-eto-sdelano/?ysclid=lbjo5w3hkp375336471>.

Дмитренко Евгения Леонидовна – директор ГТРК «Южный Урал» (Челябинск), e-mail: evgdmtr@mail.ru

Габдрахманова Алина Ильдусовна – организатор фандрайзинговых мероприятий, БД «Искорка фонд» (Челябинск), e-mail: Rikki-905@mail.ru

Поступила в редакцию 26 февраля 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230213

USE OF TECHNOLOGICAL POSSIBILITIES OF VIRTUAL REALITY IN COVERAGE OF SPORTS OLYMPIC EVENTS

E. L. Dmitrenko¹, A. I. Gabdrakhmanova²

¹State Television and Radio Broadcasting Company «South Ural», Chelyabinsk, Russian Federation

²Database «Iskorka Fund», Chelyabinsk, Russian Federation

The article deals with a relevant and little-studied topic – the use of VR technology in coverage of sports events at the 2022 Winter Olympics. Thanks to VR technologies, the viewer is able to feel as if they're at the event, which is important in sports journalism and sports promotion.

To study the chosen issue, we examined materials of foreign and Russian scientists, media representatives, broadcasts of sporting events, and journalistic materials. The article describes the history of the use of VR technologies in athletic training and analyzes international coverage, thus identifies the countries where virtual reality is of interest. The article presents a scientific review of the established theories and approaches and the use of virtual reality in professional sports, active video games, and sports journalism.

Currently, there are few broadcasts using virtual reality in Russia, but nevertheless, this format is becoming more popular every year. The authors considered the specifics of information transfer using virtual reality gadgets and special equipment. As a result, the features of the use of VR technologies in sports journalism are reflected.

Keywords: virtual reality, VR technologies, sports journalism, Olympic events.

References

1. Kelly A.M. Hubbard Design and construction of a bobsled driver training simulator. *Sports Engineering*. 2000. № 3. P. 13–25.
2. Kerr-Dineen L. This Is a Simulation. (And It's Still Golf!) // *Golfdigest.com*. 2018. URL: <https://www.golfdigest.com/story/this-is-a-simulation-and-its-still-golf-golf-simulators> (дата обращения: 2.07.2019).
3. Chul-Ho B.A Comparative Analysis of Satisfaction and Sustainable Participation in Actual Leisure Sports and Virtual Reality Leisure Sports // *Sustainability*. 2018. № 10 (10). P. 347.
4. Nobl, Dzh. Virtual'naja real'nost': chto ona mozhet dat' Formule 1? [Virtual Reality: What Can it Give Formula 1?]. URL: <https://ru.motorsport.com/f1/news/virtualnaya-realnost-chto-ona-mozhet-dat-formule-1-903990/903990/?ysclid=lb42qnvkvz887272358>.
5. Zabubaro A. Kak VR vlijaet na sportivnuju industriju i kakie problemy eshhe predstoit reshit'? [How Does VR Affect the Sports Industry and What Problems Still Need to be Solved?]. URL: <https://rb.ru/opinion/vr-sport/?ysclid=lb431p3ov348246091>.
6. Isaac J. «Shag v novyy mir – virtual'naya real'nost' (VR)» [Step into a New World – Virtual Reality (VR)] // *Osnovnye kontseptsii ob 'yasneniya real'nosti vmeste s problemami issledovaniya*. 2016.
7. Walls J. et al. Assessment of upwind dinghy sailing performance using a virtual reality dinghy simulator // *J Science Med Sport*. 1998. № 1. P. 61–72.
8. Tehnologija virtual'noj real'nosti [Virtual Reality Technology]. URL: <https://www.classvr.com/>.
9. Biznes-ideja novogo tysjacheletija: virtual'nyj prosmotr futbol'nyh matchej [Business Idea of the New Millennium: Virtual Viewing of Football Matches] // *Biznes zhurnal*. URL: <https://newidey.ru/biznes-idei/biznes-ideya-novogo-tysjacheletiya-virtualnyj-prosmotr-futbolnyx-matchej/?ysclid=lb42gfwywk622370698> (data obrashhenija 10.11.2022).
10. Prjamaja transljacija matchej final'noj serii v formate 180 i 360 gradusov [Live Broadcast of the Final Series Matches in 180 and 360 Degree Format] // *KHL*. URL: <https://www.khl.ru/news/2017/04/11/344771.html?ysclid=lb42lukncb210850828/>.
11. Krasavina A.V., Rzhendinskaya I.A. Osobennosti primeneniya tekhnologiy dopolnennoj real'nosti (AR) v zhurnalistike: ogranicheniya formata i perspektivy razvitiya [Features of the Use of Augmented Reality (AR) Technologies in Journalism: Format Limitations and Development Prospects] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. № 2. S. 109.
12. Robertson A. Nekotorye sobytiya Olimpijskikh igr v Rio-de-Zhaneyro budut translirovat'sya v virtual'noy real'nosti [Some Events of the Olympic Games in Rio de Janeiro will be Broadcast in Virtual Reality]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.4b4d64ea-6387b76c-d3199e7f-74722d776562/https://www.theverge.com/2016/6/30/12065406/summer-olympics-2016-nbc-gear-vr-virtual-reality-video.
13. Ministar [Ministar] // *Provedenie i soprovozhdenie VR-transljacij 360°*. URL: <https://ministar.ru/video-translyaciya-360/?ysclid=lb437ssq1w630423412>.
14. Sports.ru // *Oculus Rift: kak virtual'naja real'nost' mozhet izmenit' process igry i prosmotra sportivnyh sobytij?* URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/maneimpression/1462764.html?ysclid=lb43akztq7724340216>.
15. Av Klub // *NBC Olympics zapustila VR-transljaciju Olimpijskikh igr v 8K*. URL: <https://www.avclub.pro/news/nbc-olympics-zapustila-vr-translyatsiyu-olimpyskikh-igr-2022-v-8/>.
16. Stream-park.ru // *Transljacija basketbol'nogo matcha v formate 360 VR. Kak eto sdelano?* URL: <https://stream-park.ru/blog/translyatsiya-basketbolnogo-matcha-v-formate-360-vr-kak-eto-sdelano/?ysclid=lbjo5w3hkp375336471>.

Evgenia L. Dmitrenko – director of the State Television and Radio Broadcasting Company «South Ural» (Chelyabinsk), e-mail: evgdmitr@mail.ru

Alina I. Gabdrakhmanova – Organizer of Fundraising Events in the Database «Iskorka Fund» (Chelyabinsk), e-mail: Rikki-905@mail.ru

Received February 26, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Дмитренко, Е. Л. Использование технологических возможностей виртуальной реальности в освещении спортивных олимпийских мероприятий / Е. Л. Дмитренко, А. И. Габдрахманова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 106–112. DOI: 10.14529/ssh230213

FOR CITATION

Dmitrenko E. L., Gabdrakhmanova A. I. Use of Technological Possibilities of Virtual Reality in Coverage of Sports Olympic Events. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 106–112. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230213

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ МЕДИА КАК КОММУНИКАЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ «COVID-19»

О. В. Перезозова, М. С. Серчук, Л. П. Шестеркина

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье рассматриваются особенности реализации корпоративных коммуникаций телерадиокомпания «ЮУрГУ-ТВ» в период локдауна, связанного с ограничениями из-за пандемии, вызванной COVID-19. Представлен анализ содержания работы основных подразделений телерадиокомпания в проекции на новые условия коммуникативных стратегий, вызванных цифровой трансформацией и медиатизацией всех образовательных процессов. В исследовании представлен научный обзор сложившихся теорий и подходов, связанных с феноменом корпоративных СМИ и специфики их практического применения в зависимости от формирующихся тенденций в новом медиaprостранстве. Рассмотрены содержательные и структурные преобразования деятельности телерадиокомпания «ЮУрГУ-ТВ» в момент перехода на новые форматы работы, создание и реализация проектов, актуальных для периода пандемии. Проведен анализ ведущих медиапроектов, созданных специально в период локдауна для повышения качества информации, степени осведомленности студенческой аудитории по самым горячим вопросам. Представлен конкретный опыт работы телерадиокомпания в условиях пандемии, показаны ключевые изменения форм и жанров основных проектов. Отражен опыт перехода в масс-медийные ресурсы, усиление присутствия в популярной среде молодежи социальной сети «ВКонтакте». Проведена попытка оценить эффективность преобразований по отношению к студенческой среде медиапотребителей, выявить особенности рефлексии и вовлеченности студенческой аудитории. В результате отражены основные итоги коммуникативной деятельности телерадиокомпания, обоснована эффективность выбранных инструментов работы.

Ключевые слова: медиа, телерадиокомпания «ЮУрГУ-ТВ», коммуникации, пандемия, медиатизация образования, цифровая трансформация, контент-стратегии, корпоративные коммуникации, коммуникативный имидж, вуз.

Введение

Корпоративные медиа в современной информационной системе обладают огромным потенциалом в создании эффективной коммуникации со своей целевой аудиторией. Корпоративные медиа в образовательной среде выступают информационной площадкой для освещения общественно значимых вопросов с целью создания положительной репутации учреждения среди заинтересованных участников медиaprостранства, становятся эффективным коммуникативным инструментом в медийном взаимодействии.

Повышенный интерес к корпоративным коммуникациям возник в конце 2019 – начале 2020 года. Он был связан с периодом пандемии COVID-19. Этот момент послужил отправной точкой для переосмысления роли корпоративных коммуникаций. Во время пандемии главным образом изменилась структура потребления на медиарынке, произошла цифровая трансформация, которая благодаря социальному дистанцированию привела к существенному приросту аудитории на различных медиаплатформах [1].

Активно включились в этот процесс образовательные учреждения, которые оперативно адаптировались под новые условия коммуникации. Школы, колледжи, вузы осуществили гибкий переход от классических коммуникативных инструментов к цифровому медиаформату. Важным аспектом стало осмысление особенностей трансформации корпоративных коммуникаций и всего контента в новых

медиаресурсах и социальных сетях в период пандемии COVID-19, поскольку устойчивое развитие вузов и формирование положительного имиджа сегодня невозможно без грамотной выстроенной коммуникативной деятельности [2].

По мнению Н. П. Козловой, корпоративные коммуникации вуза должны отвечать трем принципам: достоверности, открытости и динамичности [3]. Именно эти принципы являются основой формирования положительного образа университета, привлечения новой и удержания интереса старой целевой аудитории, а также повышения активности на различных медиаплатформах университета. Опыт реализации медиакоммуникаций в Южно-Уральском государственном университете в период пандемии COVID-19 также показал интересные возможности коммуникативного развития и определения контент-стратегий. Актуальность вопроса позволила определить цель, задачи, объект и предмет исследования. Цель исследования заключается в изучении особенностей работы университетских медиа (ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)») как коммуникативного инструмента в период пандемии COVID-19.

Объект исследования – корпоративные медиа Южно-Уральского государственного университета. Предметом исследования стала деятельность телерадиокомпания «ЮУрГУ-ТВ» в период пандемии COVID-19.

Отталкиваясь от цели и предмета, авторы определили круг задач, в числе которых необходи-

мость проанализировать специфику работы телерадиокомпаний «ЮУрГУ-ТВ» в период пандемии, выявить жанрово-тематическое своеобразие материалов в дистанционном формате, уточнить особенности трансформации контента университетских социальных сетей в кризисный период, рассмотреть медиапроекты как инструмент общественных коммуникаций во время пандемии.

Методы исследования были выбраны в соответствии с логикой: сравнительно-сопоставительный анализ, анализ статистических данных, аналитический обзор теории, контент-анализ сайта телерадиокомпаний «ЮУрГУ-ТВ». Информационную эмпирическую базу исследования составляли материалы, размещенные на сайте телерадиокомпаний «ЮУрГУ-ТВ» (<https://tvr.susu.ru/>) в указанный период пандемийных ограничений.

Обзор литературы

Обзор литературы показал, что научная проблема активно изучается и получает освещение с самых различных точек зрения. Фундаментальные труды по корпоративным медиа сегодня еще не сформированы в единую систему, остается много пробелов, связанных с использованием корпоративных медиа как коммуникативного инструмента в различных отраслях и сферах. Однако уже намечаются направления и тенденции развития вопроса.

Так, в работах А. Ю. Бабкина можно найти примеры того, как развиваются корпоративные издания в России в условиях кризиса, приводятся примеры использования бренд-коммуникаций в финансовой отрасли, дана оценка влияния и перспективы развития корпоративных СМИ [3]. Развитие этой идеи можно найти в трудах А. В. Гудковой, отслеживающей современное состояние корпоративной прессы в разрезе цифровой трансформации и в динамике общеполитических процессов [4]. Полезными в изучении проблемы являются попытки Н. Г. Витковской закрепить понятийно-категориальный аппарат в имеющемся терминологическом многообразии, ввести основные термины и подходы к систематизации корпоративных СМИ [5]. Так, Н. Г. Витковская считает, что «...корпоративные медиа в системе средств массовой коммуникации находятся на стыке журналистики и пиара» [5]. Также в работах Н. Г. Витковской четко прослеживается мысль о том, что «...современные корпоративные медиа принято рассматривать как один из главных инструментов бизнес-коммуникаций, ... чтобы выживать и конкурировать на достойном уровне» [6].

Ценными в понимании феномена корпоративных медиа, на наш взгляд, представляются исследовательские работы Ю. А. Петропавловской, которая рассматривает корпоративные коммуникации как разновидность медиа [7], при этом в качестве актуальных тенденций развития отмечает существенное влияние корпоративных СМИ: «...современное состояние рынка корпоративной прессы

в России характеризуется высокими темпами развития, увеличения емкости и повышения профессиональной компетентности» [8].

Возрастает количество исследований, направленных на попытки периодизации развития российских корпоративных медиа [9], установления связи между корпоративными СМИ и деловой репутацией организации [10–12]. Так, в научном исследовании Н. Р. Джавршян, А. А. Шустиной говорится, что «...на сегодняшний день наличие корпоративных СМИ в организации уже не конкурентное преимущество или то, за счет чего компания может дифференцироваться от конкурентов, а минимальное требование рынка, несоблюдение которого отличит организацию невыгодным образом» [11], продолжение развития этой идеи можно найти в работах А. А. Кузьменковой, которая отмечает, что «...в основе успешной деятельности любого субъекта рыночной экономики лежит положительная репутация, формируемая благодаря продуцированию вовне основополагающих корпоративных задач и установок с помощью инструментов массовой коммуникации» [13].

Отдельно хотелось бы отметить труды, связывающие корпоративные коммуникации и социальные сети. В этом направлении также существует ряд исследований, объясняющих феномен корпоративных медиа как инструмента социальных коммуникаций [14, 15], рассматривается продвижение корпоративного контента в популярных социальных сетях [3, 16]. В исследованиях К. А. Кирилина и А. Ф. Воробьева представлены попытки систематизировать способы и формы взаимодействия корпоративных СМИ с социальными сетями, а также названы основные проблемы такого взаимодействия [17].

В исследовании А. А. Алешинной сказано, что «...корпоративная пресса, наряду с другими медиа, развивается достаточно быстро на современном рынке СМИ, крупные и мелкие организации и компании выстраивают долгосрочные коммуникации в социальных сетях посредством корпоративного контента» [18].

Важным аспектом в развитии вопроса нам кажутся исследования, посвященные конкретным практикам внедрения и реализации корпоративных СМИ в вузе. К ним относятся работы И. П. Ромашова о практике внедрения медиаресурсов вуза Омского региона [19], Р. П. Баканова об изучении корпоративных вузовских изданий на примере Республики Татарстан [20]. В данном случае мы полностью разделяем мнение И. П. Ромашова о том, что «...корпоративные медиа вузов еще с советских времен занимают важное место в системе российских СМИ» [19].

Основываясь на теоретической базе изученных исследований, мы рассмотрели деятельность телерадиокомпаний «ЮУрГУ-ТВ» в контексте функционирования корпоративных СМИ в период

пандемии COVID-19, так как в данный период нагрузка на корпоративные СМИ была максимальной.

Методы исследования

В основу методологии исследования были положены научные труды Д. А. Мурзина, Л. Н. Рыжиковой, Л. С. Агафонова [21–23]. Согласно подходу Д. А. Мурзина, мы выделили ведущие «инструментальные» функции в работе телерадиокомпании «ЮУрГУ-ТВ» в период пандемии: идеологическую (функция формирования корпоративной культуры), информационную, коммуникативную, имиджевую, интеграционную, образовательно-просветительскую, организационно-агитационную, развлекательную. Именно этот функциональный комплекс, содержащий в себе необходимые инструменты коммуникации, был необходим для эффективной деятельности университетских медиа в ситуации пандемийных ограничений.

Затем мы изучили опыт ведения корпоративных СМИ в ведущих вузах, в частности изучили особенности функционирования в университетских медиа: в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова (МГУ, г. Москва), Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ, г. Санкт-Петербург), Уральском государственном университете им. А. М. Горького (УрГУ, г. Екатеринбург), Челябинском государственном университете (ЧелГУ) и др.

Далее мы провели анализ статистических исследований по наиболее эффективным инструментам коммуникации (согласно данным агентства Buman Media, HeadHunter: <https://rusability.ru/news/>) (рис. 1).

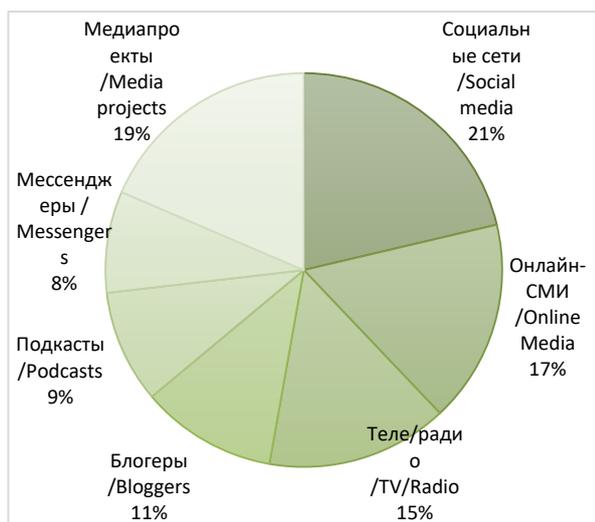

Рис. 1. Наиболее эффективные инструменты корпоративной коммуникации

Fig. 1. The most effective tools for corporate communication

Пандемия внесла существенные коррективы в работу телерадиокомпании «ЮУрГУ-ТВ», анализ ее деятельности показал, что не только были успешно преодолены проблемы, но и появились

новые векторы развития. С момента ухода на дистанционный формат, рекомендованный Министерством науки и высшего образования РФ, университет смог построить новые формы коммуникации между сотрудниками, преподавателями, студентами, абитуриентами и их родителями. Новая организация деятельности телерадиокомпании «ЮУрГУ-ТВ» была сформирована в кратчайшие сроки, и дальнейшая практика ее работы стала одним из эффективных способов коммуникации в период пандемийных ограничений в условиях информационной нестабильности.

В построении коммуникации были задействованы основные каналы:

- телевидение (ЮУрГУ-ТВ),
- радио («Радио ЮУрГУ»),
- социальные сети (аккаунты в ведущих и наиболее популярных социальных сетях, в том числе в сети «ВКонтакте» – «Я люблю ЮУрГУ», «ЮУрГУNEWS» и др.),
- сайт ЮУрГУ, транслирующий медиапроект «Час с ректором»,
- медиапроекты в социальных сетях (#БудьЗдоровЮУрГУ, #Экспертотвечает).

Были отмечены качественные преобразования в работе каждого коммуникационного канала. Так, например, в первую очередь телерадиовещательная компания «ЮУрГУ-ТВ» изменила формат телевещания. Во-вторых, основные редакции («Новости», «Специальные проекты», «Редакция иностранного вещания») перешли на работу в дистанционном формате: студенты получили возможность самостоятельно подбирать информационные поводы, в которых не требуется личное присутствие автора на мероприятии, а также активно использовать видеоархив телекомпании. Комментарии для сюжетов студенты-журналисты записывали при помощи различных платформ с использованием ресурсов ZOOM и Skype в режиме онлайн-конференции. Такое преобразование позволило расширить круг новостной проблематики и упростить некоторые технические процессы в подготовке новостного материала. Более того, пандемийные ограничения усилили влияние и необходимость внедрения в работу студенческого телевидения искусственного интеллекта, что отразилось на формате информационно-развлекательной программы «Молодежный проспект», в которой работу реального ведущего в кадре заменил виртуальный ведущий Арон. Уникальность такого коммуникационного проекта связана с переводом сопровождения телепрограммы на технологии Plexus, где основное действие программы происходит в виртуальной реальности, созданной при помощи монтажа AdobeAfterEffects. Важно отметить, что виртуальный ведущий имел синтезированный голос и анимировался, меняясь в размерах, в зависимости от интонации голоса и характера ситуации.

Безусловно, следует отметить трансформацию работы студии «Радио ЮУрГУ», в частности появление новых, наиболее полезных для молодежи в период пандемии рубрик:

- ЮУрГУ для абитуриентов;
- Подкасты (короткие новости о популярных в интернете вещах);
- Иновещание (рубрики на иностранных языках);
- Личное мнение (высказывание иностранных студентов на актуальную тему);
- Из первых уст (интервью со студентами университета об их жизни, учебе и деятельности в вузе);
- Подкастинг (интервью с педагогами ЮУрГУ на актуальные темы) и др.

Студия «Радио ЮУрГУ» в период пандемии окончательно вышла в социальные сети: появилось официальное сообщество в «ВКонтакте», аккаунт «Радио ЮУрГУ». Большую популярность получили создаваемые студентами подкасты, тематика которых охватывала самые разнообразные области, такие как политика, культура, новости, чтение классических произведений, здоровье, психология, рецензии на фильмы и театральные постановки. Подкасты «Радио ЮУрГУ» воспринимались аудиторией не только как развлечение, но и как один из инструментов эффективной коммуникации.

Особую роль в период пандемийных ограничений сыграли масс-медийные ресурсы. Университет запустил в социальных сетях несколько новых интернет-проектов с актуальной для аудитории темой пандемии, вакцинации, здорового образа жизни. Была опубликована серия постов о важности прививочной кампании, а также о графике работы пунктов вакцинации и т. д. Для осуществления развлекательной функции и увеличения количества подписчиков на официальных страницах социальных сетей университета были добавлены тематические интерактивные конкурсы: «#ЮУрГУ Дома», розыгрыш брендированных масок в Telegram-канале «ЮУрГУ NEWS», челленджи с подборками и пр.

Особенно важными стали медиапроекты, в частности, медиапроект «ЮУрГУ от первого лица. Прямой разговор с ректором», представленный в виде еженедельного телеинтервью ректора ЮУрГУ А. Л. Шестакова, которое содержало ответы на самые актуальные вопросы сотрудников, преподавателей и студентов. Медиапроект включал в себя две рубрики: «Вопрос-ответ» в жанре интервью и «Обращение ректора» в жанре диалога с аудиторией. В ходе реализации данного проекта отмечался широкий выбор тем, волнующих студентов и сотрудников университета: «Как пройдут Госэкзамены», «Вуз в период пандемии», «Как пройдет защита дипломов» и т. д.

Следующий проект, «#БудьЗдоровЮУрГУ», был представлен серией видеороликов о важности сохранения здоровья и вакцинации и содержал в себе мнения студентов, преподавателей, руководителей университета по этой проблематике. Главная задача проекта заключалась не только в пропаганде прививочной кампании, но и в создании и распространении объективной информации о факторах риска и последствий при заболевании COVID-19. Высокая популярность проекта способствовала тому, что через четыре месяца он получил расширение в виде новой рубрики «#Экспертотвечает», где главным информатором был предложен внештатный специалист по профилактической медицине Минздрава Челябинской области. В данной рубрике эксперт отвечал на самые актуальные вопросы, которые поступали в комментариях, на почту, а также развенчивал мифы о коронавирусе и вреде вакцинации.

Если подводить итоги, то всего в различных социальных сетях было опубликовано 43 видеоролика с суммарным количеством просмотров более 180 тысяч, а также были размещены материалы на сайте и YouTube, около 26 выпусков с суммарным просмотром, превышающим 120 тысяч. В общей совокупности за пандемийный период с помощью корпоративных медиа были рассмотрены около 300 тем, актуальных для студентов в данный период, и получено около 1000 ответов от экспертных лиц и лидеров мнений (рис. 2).

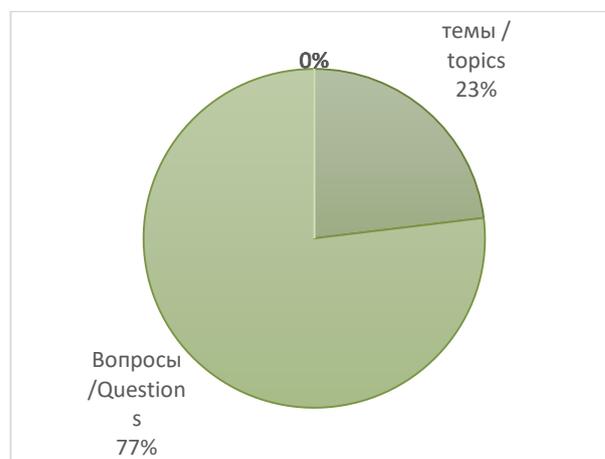

Рис. 2. Общее количество тем и вопросов, рассмотренных с помощью коммуникативных инструментов

Fig. 2. Total number of topics and issues addressed by the communication tools

Безусловно, полученные результаты по опыту работы корпоративных медиа в Южно-Уральском государственном университете достаточно дискуссионны, не являются абсолютным образцом для подражания других вузов в регионах, но в целом в работе телерадиокомпании «ЮУрГУ-TV» в период пандемии COVID-19 можно обнаружить важные находки и решения, которые могут спо-

собствовать совершенствованию использования коммуникативных инструментов в других вузах.

Выводы

Резюмируя полученные результаты исследования, можно отметить, что во время локдауна студентам-журналистам и сотрудникам телерадиокомпаний «ЮУрГУ-ТВ» удалось не только адаптироваться к возникшим нестабильным условиям, но и реализовать на практике различные проекты, найти пути решения творческих задач, открыть новые возможности для развития и роста.

Появились новые тренды и перспективы развития корпоративных медиа, сформированные именно в период пандемии. Содержательным фактором в преобразовании деятельности телерадиокомпаний «ЮУрГУ-ТВ» стало изменение привычной информационной повестки, тематическое расширение и предметное наполнение отдельных рубрик. С уверенностью можно сказать, что информация, транслируемая корпоративными медиа ЮУрГУ, вызвала интерес у аудитории, привлекла ее внимание, выполнила свои социальные функции. На этом основании можно утверждать, что контент университетских СМИ удалось адаптировать в социальных сетях, и в общей совокупности это позволило создать благоприятную информационную среду в корпоративных медиа. Такая среда повысила привлекательность вуза, смогла удовлетворить потребности студентов и сотрудников университета в получении актуальной информации. Очевидными преимуществами в работе корпоративных медиа в период пандемии стало снижение социальной напряженности в коллективе, опровержение слухов об опасностях прививочных кампаний и пр. В отзывах пользователей социальных сетей снизилось число агрессивных постов по этому поводу.

Следовательно, ключевой результат в работе университетских медиа состоит в положительном влиянии специально подготовленного грамотного информационного контента на социальное самочувствие студентов и сотрудников вуза во время пандемии. Все университетские медиа придерживались единой коммуникативной стратегии, что в целом помогло снизить агрессивное восприятие информации о пандемии COVID-19; сохранить, а некоторых случаях и усилить вовлеченность студентов и сотрудников в жизнь вуза в период кризиса и нестабильности.

Литература

1. Трансформация стратегии и тактики медиакоммуникаций в условиях пандемии : монография / под ред. Л. К. Лободенко, Л. П. Шестеркиной. – Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2022. – 416 с.
2. Давлетшина, Е. В. Трансформация корпоративных коммуникаций вуза в социальных медиа в период пандемии / Е. В. Давлетшина, Л. К. Лободенко. – Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2020. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44457336> (дата обращения: 26.07.2022).
3. Козлова, Н. П. Корпоративные коммуникации и их роль в формировании репутации компании / Н. П. Козлова // Управленческие науки в современной России. – 2014. – Т. 1, № 1. – С. 75–79.
4. Бабкин, А. Ю. Корпоративные издания в России в условиях мирового финансового кризиса: современное состояние и перспективы развития / А. Ю. Бабкин // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2009. – № 2. – С. 218.
5. Кузьменкова, А. А. Понятие «корпоративные медиа» в современном социально-гуманитарном знании / А. А. Кузьменкова // Вестник БГУ. Серия 4. – 2015. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/133831> (дата обращения: 16.10.2020).
6. Петропавловская, Ю. А. Актуальные тенденции развития индустрии корпоративных медиа / Ю. А. Петропавловская // Дискуссия. – 2015. – № 5. – С. 37–44.
7. Ромашова, И. П. Корпоративные СМИ как новые медиа / И. П. Ромашова // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 3 (5). – С. 17–42.
8. Петропавловская, Ю. А. Корпоративные издания как разновидность медиа: выход на массовую аудиторию / Ю. А. Петропавловская // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2015. – № 5. – С. 18–36.
9. Алешина, А. А. Корпоративные медиа как инструмент социальных коммуникаций / А. А. Алешина // Наука. Общество. Государство. – 2016. – Т. 4, № 4. – С. 16–22.
10. Грабельников, В. А. Развитие корпоративных СМИ в новой медиасреде : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. А. Грабельников. – М., 2012. – 198 с.
11. Чемякин, Ю. В. Истоки и основные периоды развития российских корпоративных медиа / Ю. В. Чемякин // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 1 (110). – С. 78–86.
12. Джавршян, Н. Р. Корпоративные медиа и их роль в деятельности организации / Н. Р. Джавршян, А. А. Шустина // Гуманитарный вестник. – 2021. – № 11. – С. 145–157.
13. Горчева, А. Ю. Корпоративная журналистика / А. Ю. Горчева. – М. : Юрайт, 2008. – 230 с.
14. Гудкова, А. В. Современное состояние корпоративной прессы / А. В. Гудкова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2009. – № 2. – С. 224.
15. Витковская, Н. Г. Понятие «корпоративные СМИ» и основные подходы к их систематизации.

ции / Н. Г. Витковская // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2021. – Т. 2, № 3. – С. 9–18.

16. Кирилин, К. А. СМИ и социальные сети: способы, формы и проблемы взаимодействия / К. А. Кирилин, А. Ф. Воробьева // Медиаисследования. – 2016. – № 3. – С. 143–152.

17. Воронкин, А. С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ / А. С. Воронкин // Образовательные технологии и общество. – 2014. – № 1. – С. 650–675.

18. Перезовова, О. В. Социальные сети как новый ресурс привлечения молодежи к науке и развитие компетенций в медиапространстве: научно-педагогические перспективы и проблемы / О. В. Перезовова // Управление коммуникациями : сборник статей Первой международной научно-практической конференции ; под ред. А. Н. Чумикова. – М. : МГЛУ, 2022. – С. 168–174.

19. Витковская, Н. Г. Критерии типологического анализа корпоративных изданий образовательных организаций / Н. Г. Витковская // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2019. Т. 1, № 1. – С. 9–18.

20. Ромашова, И. П. Медиаресурсы вузов Омского региона / И. П. Ромашова // Филологические науки. Ч. 1. – 2022. – С. 32–40.

21. Рыжикова, Л. Н. Функции корпоративных изданий / Л. Н. Рыжикова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2006. – № 8.

22. Мурзин, Д. А. Феномен корпоративной прессы / Д. А. Мурзин. – М. : Хроникер, 2005.

23. Агафонов, Л. С. Методика экспресс-оценки эффективности корпоративных СМИ / Л. С. Агафонов // Медиаскоп. – 2008. – Вып. 2. – С. 34–48.

Перезовова Ольга Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: perevozovaov@susu.ru. ORCID 0000-0002-1593-1727

Серчук Мария Сергеевна – редактор отдела интернет-порталов и социальных медиа Управления медиакоммуникаций и мониторинга, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: mariy1298@bk.ru

Шестеркина Людмила Петровна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: shesterkinalp@susu.ru. ORCID 0000-0002-2859-7991

Поступила в редакцию 18 октября 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230214

UNIVERSITY MEDIA AS A COMMUNICATION TOOL DURING THE COVID-19 PANDEMIC

O. V. Perevozova, M. S. Serchuk, L. P. Shesterkina

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article deals with the implementation of corporate communications of «SUSU-TV» TV and Radio Company during the lockdown. This period was associated with restrictions due to the pandemic caused by COVID-19. The analysis of the content of the work of the main departments of TV and Radio Company in the new conditions of communication strategies, caused by digital transformation and mediatization of all educational processes, is herein presented. The research presents a scientific review of established theories and approaches related to the phenomenon of corporate media and the specifics of their practical application, related to the emerging trends in the new media space. The article considers substantial and structural changes in the activities of «SUSU-TV» during the transition to new media formats, as well as the creation and implementation of projects, relevant to the pandemic period. An analysis was made of leading media projects created specifically during the lockdown period to improve the quality of information and awareness of the student audience on the hottest issues. The specific experience of the television and radio company during the pandemic is presented, and the key changes in the forms and genres of the main projects are shown. The experience of the transition to mass media resources, and the strengthening of the presence in the social network VKontakte, popular among young people, are also shown. An attempt was made to evaluate the effectiveness of the transformation in relation to the student media consumers, and to identify the peculiarities

of reflection and involvement of the student audience. As a result, the main results of the communication activities of the TV and radio company are reflected, and the effectiveness of the selected tools of work is justified.

Keywords: media, SUSU-TV television and radio company, communications, pandemic, mediatization of education, digital transformation, content strategies, corporate communications, communication image, university.

References

1. Transformaciya strategii i taktiki mediakommunikacij v usloviyah pandemii [Transformation of the Strategy and Tactics of Media Communications in a Pandemic]: monografiya / pod red. L.K. Lobodenko, L.P. Shesterkinoy. Chelyabinsk: Izd. centr YUUrGU, 2022. 416 s.
2. Davletshina E.V., Lobodenko L.K., Transformaciya korporativnykh kommunikacij vuza v social'nykh media v period pandemii [Transformation of Corporate Communications of the University in Social Media during the Pandemic]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 2020. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44457336> (data obrashcheniya: 26.07.2022).
3. Kozlova N.P. Korporativnye kommunikacii i ih rol' v formirovanii reputacii kompanii [Corporate Communications and Their Role in Shaping the Reputation of the Company] // *Upravlencheskie nauki v sovremennoj Rossii*. 2014. T. 1, № 1. S. 75–79.
4. Babkin A.Y. Korporativnye izdaniya v Rossii v usloviyah mirovogo finansovogo krizisa: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Corporate Publications in Russia in the Conditions of the Global Financial Crisis: the Current State and Prospects of development] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2009. № 2. S. 218.
5. Kuz'menkova A.A. Ponyatie «korporativnye media» v sovremennom social'no-gumanitarnom znanii [The Concept of «Corporate Media» in Modern Social and Humanitarian Knowledge] // *Vestnik BGU. Seriya 4*. 2015. URL: <https://elib.bsui.by/handle/123456789/133831> (data obrashcheniya: 16.10.2020).
6. Petropavlovskaya Y.A. Aktual'nye tendencii razvitiya industrii korporativnykh media [Current Trends in the Development of the Corporate Media Industry] // *Diskussiya*. 2015. № 5. S. 37–44.
7. Romashova I.P. Korporativnye SMI kak novye media [Corporate Media as New Media] // *Kommunikativnye issledovaniya*. 2015. № 3 (5). S. 17–42.
8. Petropavlovskaya Y.A. Korporativnye izdaniya kak raznovidnost' media: vyhod na massovuyu auditoriyu Corporate publications as a kind of media: reaching a mass audience [Corporate Publications as a Kind of Media: Reaching a Mass Audience] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2015. № 5. S. 18–36.
9. Aleshina A.A. Korporativnye media kak instrument social'nykh kommunikacij [Corporate Media as a Tool of Social Communications] // *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 2016. T. 4, № 4. S. 16–22.
10. Grabel'nikov V.A. Razvitie korporativnykh SMI v novej mediasrede [Development of Corporate Media in the New Media Environment]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2012. 198 s.
11. Chemyakin Y.V. Istoki i osnovnye periody razvitiya Rossijskikh korporativnykh media [Origins and Main Periods of Development of Russian Corporate Media] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2013. № 1 (110). S. 78–86.
12. Dzhavrshyan N.R., Shustina A.A. Korporativnye media i ih rol' v deyatel'nosti organizacii [Corporate Media and Their Role in the Organization's Activities] // *Gumanitarnyj vestnik*. 2021. № 11. S. 145–157.
13. Gorcheva A.Y. Korporativnaya zhurnalistika [Corporate Journalism]. M.: Yurajt, 2008. 230 s.
14. Gudkova A.V. Sovremennoe sostoyanie korporativnoj pressy [The Current State of the Corporate Press] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2009. № 2. S. 224.
15. Vitkovskaya N.G. Ponyatie «korporativnye SMI» i osnovnye podhody k ih sistematizacii [The Concept of «Corporate Media» and the Main Approaches to Their Systematization] // *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2021. T. 2, № 3. S. 9–18.
16. Kirilin K.A., Vorob'eva A.F. SMI i social'nye seti: sposoby, formy i problemy vzaimodejstviya [Mass Media and Social Networks: Ways, Forms and Problems of Interaction] // *Mediaissledovaniya*. 2016. № 3. S. 143–152.
17. Voronkin A.S. Social'nye seti: evolyuciya, struktura, analiz [Social Networks: Evolution, Structure, Analysis] // *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo*. 2014. № 1. S. 650–675.
18. Perevozova O.V. Social'nye seti kak novyj resurs privlecheniya molodezhi k nauke i razvitie kompetencij v mediaprostranstve: nauchno-pedagogicheskie perspektivy i problemy [Social Networks as a New Resource for Attracting Young People to Science and the Development of Competencies in the Media Space: Scientific and Pedagogical Perspectives and Problems] // *Upravlenie kommunikacijami: sbornik statej Pervoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*; pod red. A.N. Chumikova. M.: MGLU, 2022. S. 168–174.

19. Vitkovskaya N.G. Kriterii tipologicheskogo analiza korporativnykh izdaniy obrazovatel'nykh organizatsij [Criteria for Typological Analysis of Corporate Publications of Educational Organizations] // *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2019. T. 1, № 1, S. 9–18.
20. Romashova I.P. Mediaresursy vuzov Omskogo regiona [Media Resources of Universities of the Omsk Region] // *Filologicheskie nauki*. Ch. 1. 2022. S. 32–40.
21. Ryzhikova L.N. Funkcii korporativnykh izdaniy [Functions of Corporate Publications] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2006. № 8.
22. Murzin D.A. Fenomen korporativnoj pressy [The Phenomenon of the Corporate Press]. M.: Hroniker, 2005.
23. Agafonov L.S. Metodika ekspress-ocenki effektivnosti korporativnykh SMI [Methods of Express Evaluation of the Effectiveness of Corporate Media] // *Mediaskop*. 2008. Vyp. 2. S. 34–48.

Olga V. Perevozova – Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: perevozovaov@susu.ru

Mariya S. Serchuk – Editor of Internet Portals and Social Media Department of Media Communications and Monitoring, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: mariy1298@bk.ru

Lyudmila P. Shesterkina – D. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: shesterkinalp@susu.ru

Received October 18, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Перезовова, О. В. Университетские медиа как коммуникационный инструмент в период пандемии «COVID-19» / О. В. Перезовова, М. С. Серчук, Л. П. Шестеркина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 113–120. DOI: 10.14529/ssh230214

FOR CITATION

Perevozova O. V., Serchuk M. S., Shesterkina L. P. University Media as a Communication Tool during the COVID-19 Pandemic. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 113–120. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230214

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляется электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы, сроки обучения в аспирантуре для аспирантов), контактная информация ответственного за подготовку рукописи (адрес, телефон, e-mail).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, ORCID (Open Researcher and Contributor ID) каждого автора, аннотация (200—250 слов), список ключевых слов, текст работы, литература (в порядке упоминания, ГОСТ 7.1-2003), сведения об авторах. После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов, список литературы и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: верхнее — 30, нижнее — 30, левое — 30, правое — 30 мм. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал — полуторный. Рисунки и схемы должны быть сгруппированы и иметь названия.

4. Адрес редакционной коллегии научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серия «Социально-гуманитарные науки»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, главный корпус, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, дирекция ИМСГН, 435/1. Тел./факс (351) 267-90-29. E-mail: shesterkinalp@susul.ru, главный редактор — профессор Шестеркина Людмила Петровна, ответственный секретарь — доцент Салганова Елена Ивановна.

5. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта журнала <http://vestnik.susu.ru/humanities>.

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Журнал основан в 2001 году.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57373 выдано 24 марта 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.3. Археология (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика, 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, 5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства).

Журнал включен в Реферативный журнал и базы данных ВИНТИ. Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписной индекс 29076 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода — 4 номера в год.

Адрес редакции, издателя: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, Издательский центр ЮУрГУ, каб. 32.

ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»
2023 Том 23, № 2

16+

Главный редактор *Шестеркина Л. П.*
Компьютерная верстка *Выборнова Л. В.*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 18.04.2023. Дата выхода в свет 25.04.2023. Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,41. Тираж 500 экз. Заказ 86/167. Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.